

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ РОССИЙСКОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

Сборник научных трудов

Выпуск 2

Красноярск 2023 г.

www.kgau.ru

Министерство сельского хозяйства Российской Федерации
ФГБОУ ВО «Красноярский государственный аграрный университет»

**АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ РОССИЙСКОГО
СУДОПРОИЗВОДСТВА**

Сборник научных трудов

Выпуск 2

Электронное издание

Красноярск 2023

Редакционная коллегия:
Е.А. Ерахтина, канд. юрид. наук, доцент
С.М. Курбатова, канд. юрид. наук, доцент
А.Г. Русаков, ст. преподаватель

А 57 Актуальные вопросы российского судопроизводства [Электронный ресурс]: сборник научных трудов. Выпуск 2 / Красноярский государственный аграрный университет. – Красноярск, 2023. – 244 с.

Сборник состоит из трех разделов. В первом разделе представлены статьи, тезисы выступлений преподавателей и аспирантов, а также обучающихся высших учебных заведений г. Красноярска и материалы круглых столов, которые были организованы и проведены в период с марта по июнь 2023 г. в рамках программы работы Лектория обучающихся Юридического института Красноярского ГАУ. Во второй раздел помещены статьи и доклады, собранные по результатам работы научно-практической конференции «Актуальные вопросы российского судопроизводства: унификация экспертных процедур» (01.03.2023 г.). В третьем разделе сборника представлены статьи и доклады по результатам работы научно-практической конференции «Актуальные вопросы российского судопроизводства: унификация доказательств и доказывания» (15.06.2023 г.). Данные региональные (межвузовские) научно-практические конференции были организованы и проведены федеральным государственным бюджетным образовательным учреждением высшего образования «Красноярский государственный аграрный университет» в соответствии с планом научной работы Юридического института университета.

Научные публикации, включенные в сборник, представляют взгляды авторов и не всегда совпадают с точкой зрения редакционной коллегии и университета.

Предназначено для обучающегося и профессорско-преподавательского состава учебных заведений, содержащиеся в нем материалы могут быть использованы при изучении и преподавании соответствующих дисциплин криминалистического и уголовно-процессуального профиля.

Статьи публикуются в авторской редакции, авторы несут полную ответственность за содержание и изложение информации: достоверность приведенных сведений, использование данных, не подлежащих публикации, использованные источники и качество перевода.

РАЗДЕЛ 1. АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ РОССИЙСКОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА: ОБЩИЕ ВОПРОСЫ

УДК 343.85

ДОЛЖНОСТНЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ СОТРУДНИКОВ ФССП РОССИИ: ФОРМЫ И ОБЩИЕ ОСОБЕННОСТИ ПРИ НАЗНАЧЕНИИ УГОЛОВНОГО НАКАЗАНИЯ

Андреева Юлия Васильевна

кандидат юридических наук, доцент

Красноярский государственный аграрный университет, г. Красноярск, Россия

email: sibupnis@mail.ru

Аннотация: В статье рассматриваются одни из основных форм должностных преступлений, совершаемых сотрудниками ФССП России; выделяются общие особенности при назначении уголовного наказания сотрудникам ФССП России за их совершение.

Ключевые слова: ФССП, служба судебных приставов, судебный пристав-исполнитель, должностные преступления в ФССП, назначение уголовного наказания сотрудникам ФССП.

OFFICIAL CRIMES EMPLOYEES OF THE FBS OF RUSSIA: FORMS AND GENERAL FEATURES WHEN ASSIGNING A CRIMINAL PENALTY

Andreeva Yulia Vasilyevna

candidate of legal sciences, associate professor

Krasnoyarsk state agrarian university,

Krasnoyarsk, Russia

email: sibupnis@mail.ru

Abstract: The article examines some of the main forms of official crimes committed by employees of the FBS of Russia; highlights the general features when assigning criminal penalties to employees of the FBS of Russia for their commission.

Keywords: FBS, bailiff service, bailiff, official crimes in the FBS, the appointment of criminal punishment to employees of the FBS.

В каждом органе исполнительной власти можно выделить отличительные формы должностных преступлений.

После анализа 35 обвинительных приговоров по должностным преступлениям, вынесенных в отношении сотрудников ФССП России, можно сделать вывод, что в данном ведомстве самыми распространенными формами данных преступлений являются следующие:

1. Внесение заведомо ложных сведений в исполнительные производства. Так, заместитель начальника отдела-заместитель старшего судебного пристава Б. внесла заведомо ложные сведения в 567 исполнительных производств, а

именно незаконно разместила в предусмотренной графе «Платежный документ о погашении долга», являющейся частью подсистемы АИС ФССП России, то есть официальным документом, сведения о поступлении денежных средств в счет оплаты долга по исполнительным производствам без наличия законных на то оснований, заведомо зная, что сведения о поступлении денежных средств по указанным производствам в счет взысканий не поступало. Общая сумма взыскания по указанным исполнительным производствам составила не менее 250 000 руб. Заметим, что в данном случае следователь К. межрайонного СО СУ СК РФ по Самарской области вышел с инициативой о рассмотрении судом ходатайства о прекращении уголовного дела и уголовного преследования в отношении Б. и назначении меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа. Суд не удовлетворил ходатайство следователя и возвратил ходатайство и материалы уголовного дела руководителю К. МСО СУ СК РФ по Самарской области. Стоит указать, что такое решение судом выносится редко [1].

2. Составление фиктивного акта совершения исполнительных действий. Примером послужит ситуация, когда судебный пристав-исполнитель В. осуществил выход по адресу должника и фиктивно составил акт совершения исполнительных действий, где указал, что имущество и ценности, принадлежащие должнику и подлежащие описи и аресту не обнаружены. Суд назначил В. наказание по ч. 1 ст. 285 УК РФ в виде штрафа в размере 50 000 руб., освободив его от назначенного по ч. 1 ст. 292 УК РФ наказания, в силу ч. 8 ст. 302 УПК РФ, в связи с истечением сроков давности уголовного преследования [2].

3. Не возбуждение исполнительных производств или отказ в их возбуждении без наличия законных на то оснований, не регистрация или не своевременная регистрация исполнительных документов. Например, начальник отдела-старший судебный пристав Ш. в целях искусственного завышения статистических показателей «Интенсивность исполнения требований исполнительных документов» и «Доля оконченных фактическим исполнением исполнительных производств» умышленно не исполнила возложенные на нее должностные обязанности, согласно которым она обязана обеспечивать контроль за своевременной и полной регистрацией поступивших в структурное подразделение на исполнение исполнительных документов, а также обеспечивать своевременное принятие решений о возбуждении исполнительных производств либо отказе в их возбуждении, не произвела регистрацию исполнительных документов. Таким образом, не своевременная регистрация исполнительных документов о взыскании административных штрафов привела к пропуску 2-летнего срока, при котором возможно взыскать административный штраф, чем государству причинен ущерб на сумму 6 729 394 рублей. Суд решил назначить Ш. наказание в виде штрафа в размере 75 000 руб.[3].

4. Отмена запрета регистрационных действий, наложенных по исполнительным производствам. Так, к начальнику отдела-старшему судебному приставу О. обратился фактический приобретатель арестованного

автомобиля «HyundaiSolaris» Б. с просьбой об отмене запрета регистрационных действий, наложенных по иным исполнительным производствам, в связи со взысканием административных штрафов по делам об административных правонарушениях. О. вынесла незаконное и необоснованное постановление по исполнительному производству об отмене запрета на регистрационные действия в отношении данного транспортного средства, после чего его направила в МВД России посредством программного комплекса «АИС ФССП России» для исполнения. О. было назначено наказание в виде штрафа в размере 40 000 руб. Однако в соответствии с ч. 8 ст. 302 УПК РФ она была освобождена от назначенного наказания в связи с истечением сроков давности уголовного преследования [4].

5. Требование оплаты за хранение арестованного имущества. Например, судебный пристав С. наложил арест на автомобиль АП. и поместил его на стоянку. Машина находилась на стоянке 2-3 дня. Далее С. предоставил ему реквизиты счета для внесения 12 950 руб., для оплаты хранения арестованной машины на штрафстоянке, а также за эвакуацию автомобиля. Данная сумма денег была им оплачена через банк по реквизитам, указанным судебным приставом. С. направил денежные средства в сумме 12 950 руб. на счет взыскателя АЮ., после чего попросил последнюю вернуть их на его личный счет, указав, что произошла ошибка. АЮ., введенная С. в заблуждение относительно его истинных намерений, перевела со своего счета на личный расчетный счет С. 12 950 руб. За шесть совершенных преступлений (ч. 3 ст. 290 УК РФ, ч. 3 ст. 290 УК РФ, ч. 3 ст. 160 УК РФ, ч. 3 ст. 159 УК РФ, ч. 1 ст. 285 УК РФ, ч. 4 ст. 159 УК РФ) С. было назначено 4 года лишения свободы с отбыванием наказания в исправительной колонии общего режима [5].

Стоит отметить, что между 35 проанализированными приговорами есть и общие особенности при назначении уголовного наказания:

1. Суд удовлетворяет ходатайства следователей СК РФ о прекращении уголовного дела и уголовного преследования в отношении сотрудников ФССП России и назначении им меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа.

2. Суд назначает одно наказание в виде штрафа и не назначает в качестве дополнительного – лишение права занимать определенные должности.

3. Сотрудники ФССП России освобождаются от назначенного наказания в связи с истечением сроков давности уголовного преследования.

Таким образом, формы должностных преступлений, совершаемых сотрудниками ФССП России, разнообразны, а назначение уголовного наказания за их совершение имеет свои общие особенности, что требует дальнейшего научного исследования и практического обобщения.

Список литературы

1. Постановление Железнодорожного районного суда г. Самары в отношении Б. от 16 июля 2020 г. [Электронный ресурс]. – URL: <https://sudact.ru/>(дата обращения: 04.06.2023).

2. Приговор Талицкого районного суда Свердловской области в отношении В. от 14 мая 2018 г. [Электронный ресурс]. – URL:<https://sudact.ru/> (дата обращения: 04.10.2023).

3. Приговор Ханты-Мансийского районного суда Ханты-Мансийского автономного округа-Югры в отношении Ш. от 23 июля 2020 г. [Электронный ресурс]. – URL:<https://sudact.ru/> (дата обращения: 04.10.2023).

4. Приговор Черноземельского районного суда Республики Калмыкия в отношении О. от 07 июля 2020 г. [Электронный ресурс]. – URL:<https://sudact.ru/> (дата обращения: 04.10.2023).

5. Приговор Волгодонского районного суда Ростовской области в отношении С. от 10 июля 2020 г. [Электронный ресурс]. – URL:<https://sudact.ru/> (дата обращения: 04.06.2023).

УДК 343.1

К ВОПРОСУ О ПРЕДМЕРЕ ДОКАЗЫВАНИЯ ПО ДЕЛАМ О НЕЦЕЛЕВОМ РАСХОДОВАНИИ БЮДЖЕТНЫХ СРЕДСТВ И СРЕДСТВ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ВНЕБЮДЖЕТНЫХ ФОНДОВ

Ерахтина Елена Александровна

кандидат юридических наук, доцент

Красноярский государственный аграрный университет, г. Красноярск, Россия

email: 345nn@mail.ru

Аннотация: В статье рассмотрены специфические черты предмета доказывания нецелевого расходования бюджетных средств и средств государственных внебюджетных фондов, а также перечень обстоятельств, подлежащих установлению по данной категории уголовных дел.

Ключевые слова: преступления против государственной службы; нецелевое расходование бюджетных средств; нецелевое расходование средств государственных внебюджетных фондов; предмет доказывания.

ON THE QUESTION OF THE SUBJECT OF EVIDENCE IN CASES OF MISUSE OF BUDGETARY FUNDS AND FUNDS OF STATE NON- BUDGETARY FUNDS

Erakhtina Elena Alexandrovna

candidate of legal sciences, associate professor

Krasnoyarsk state agrarian university,

Krasnoyarsk, Russia

email: 345nn@mail.ru

Abstract: The article examines the specific features of the subject of proof of misuse of budgetary funds and funds of state extra-budgetary funds, as well as a list of circumstances to be established in this category of criminal cases.

Keywords: crimes against public service; misuse of budget funds; misuse of state extra-budgetary funds; subject of proof.

В соответствии с п.п.14 п.47 Указа Президента РФ от 02.07.2021 №400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» совершенствование института ответственности должностных лиц за действия (бездействие), повлекшие за собой неэффективное использование бюджетных средств и недостижение общественно значимых результатов национального развития является приоритетной задачей для достижения целей государственной и общественной безопасности [1].

Из анализа статистических данных, случаи совершения преступлений против государственной службы (обособленно МВД РФ в своём обзоре о состоянии преступности случаи совершения преступлений, предусмотренных статьями 285.1 – 285.2 УК РФ не выделяет) имеют положительную динамику.

Так январе-декабре 2019 года зарегистрировано 13949 случаев совершения преступлений против государственной службы, что на 5,2% больше, чем за аналогичный период прошлого года; в январе-декабре 2020 года зарегистрировано 14773 случаев совершения преступлений против государственной службы, что на 5,9% больше, чем за аналогичный период прошлого года; в январе-декабре 2021 года зарегистрировано 17361 случаев совершения преступлений против государственной службы, что на 17,5% больше, чем за аналогичный период прошлого года; в январе-декабре 2022 года зарегистрировано 16945 случаев [2].

Процесс доказывания нецелевого расходования бюджетных средств и средств государственных внебюджетных фондов имеет специфические черты исходя из задач, стоящих перед конкретным расследованием. Вопросы, связанные с особенностями сбора доказательств и их оценкой, остаются проблемными как на стадии возбуждения данной категории дел и предварительного следствия, так и в суде, сказывается бланкетный характер норм статьями 285.1 – 285.2 УК РФ, отсылающий к сложному бюджетному законодательству.

В начале обсуждения проблемы доказывания нецелевого расходования бюджетных средств и средств государственных внебюджетных фондов необходимо заметить, что правовая категория «предмет доказывания» исследована на данный момент во множественности своих аспектов, а именно учёные подробно описали в своих исследованиях сущность, содержание, видовое разнообразие, взаимосвязи с различными категориями научного познания. В данной работе остановимся непосредственно на предмете доказывания по уголовным делам в нецелевом расходовании средств бюджетной системы РФ.

Как известно, предметом доказывания являются обстоятельства, указанные в ст. 73 УПК РФ, в силу чего предмет доказывания определяется и конкретизируется с учетом специфики расследуемого уголовного дела. По мнению Ушаковой К.С. предмет доказывания представляет собой обобщенное выражение объекта уголовно-процессуального познания, осуществляемого при

производстве по уголовному делу путем выявления, закрепления, проверки и оценки фактов и обстоятельств в качестве доказательств [3].

Вместе с тем, предметом доказывания, по мнению Савельевой Н.В. являются обстоятельства уголовно-правового характера и вспомогательные факты, посредством которых устанавливаются эти обстоятельства собранными доказательствами по делу [4].

Первым обстоятельством, подлежащим доказыванию по ст.ст.285.1, 285.2 УК РФ является событие преступления, конкретизированного законодателем как набор соответствующих признаков: время, место, способ и другие обстоятельства совершения преступления (п.1 ч.1 ст.73 УПК РФ).

Доказывания данного обстоятельства реализуется через установление наличия факта деяния (совокупности действий или бездействий), квалификация которого осуществляется по ст.ст.285.1, 285.2 УК РФ, т.е. наличествовало ли нецелевое расходование средств бюджетной системы РФ:

- 1) бюджетов различных уровней (федеральный, региональный, местный);
- 2) государственных внебюджетных фондов различных уровней (федеральный, региональный, местный).

Между тем, временем совершения преступлений, предусмотренных статьями 285.1 – 285.2 УК РФ, признается момент направления и использования средств федерального бюджета или государственных внебюджетных фондов на цели, не соответствующие условиям получения указанных средств, то есть оформление бухгалтерских документов о списании соответствующих денежных средств с бухгалтерского счета, произведенное в целях, не соответствующих полностью или частично целям, определенным законом (решением) о бюджете, сводной бюджетной росписью, бюджетной росписью, лимитами бюджетных обязательств, бюджетной сметой, договором (соглашением) либо правовым актом, являющимся основанием для предоставления указанных средств в соответствии со ч.1 ст.306.4 БК РФ.

Получателем средств бюджетной системы РФ в соответствии со ст.6 БК РФ является орган государственной власти (государственный орган), орган управления государственным внебюджетным фондом, орган местного самоуправления, орган местной администрации, находящееся в ведении главного распорядителя (распорядителя) бюджетных средств казенное учреждение, имеющие право на принятие и (или) исполнение бюджетных обязательств от имени публично-правового образования за счет средств соответствующего бюджета, если иное не установлено БК РФ.

Помимо обозначенного определения в ст.6 БК РФ отражен и раскрыт смежный по звучанию с ним термин – получатель средств из бюджета: «юридическое лицо (не являющееся участником бюджетного процесса, бюджетным и автономным учреждением), индивидуальный предприниматель, физическое лицо - производитель товаров, работ, услуг, получающие средства из бюджета на основании государственного (муниципального) контракта на поставку товаров, выполнение работ, оказание услуг, договора (соглашения) о предоставлении субсидии, договора о предоставлении бюджетных инвестиций, а также юридическое лицо, которому в случаях, установленных федеральным

законом, открываются счета в Федеральном казначействе в соответствии с БК РФ».

Под местом совершения рассматриваемых преступных деяний понимается помещение, где осуществляется финансово-хозяйственная деятельность (адрес, наименование юридического лица) или иное место, отличное от фактического местонахождения юридического лица, где были подписаны должностным лицом соответствующие документы, а также учреждение, где произошло списание денежных средств со счета.

При этом, данное утверждение подтверждается судебной практикой, например: «В период с ДД.ММ.ГПТ по ДД.ММ.ГГГГ с 08 часов до 22 часов Лешин С.Ю., являясь должностным лицом финансового органа Республики Хакасия, находясь на рабочем месте в здании, расположенном по адресу: <адрес>, действуя умышленно в целях нецелевого расходования средств государственного внебюджетного фонда, обладая достоверной информацией о доходах и расходах бюджета Республики Хакасия, достоверно зная о целевом характере средств государственного внебюджетного фонда – Фонда обязательного медицинского страхования, предоставленных в виде межбюджетных трансфертов (субсидий) на строительство перинатального центра, обладая правом первой подписи, используя свои должностные полномочия, подписал расходные расписания по финансированию подведомственных распорядителей и получателей бюджетных средств, тем самым осуществив нецелевое расходование денежных средств государственного внебюджетного фонда на цели, не соответствующие условиям, определенным законодательством Российской Федерации [5].

Способом совершения преступления, предусмотренного указанными статьями, является расходование средств на цели, не соответствующие условиям их получения, определенным утвержденными бюджетом, бюджетной росписью, уведомлением о бюджетных ассигнованиях, сметой доходов и расходов либо иным документом, являющимся основанием для получения бюджетных средств.

Совокупность действий, в каких может быть воплощен способ совершения преступления приведён на Рис. № 1.

Надо сказать, что установление мотива и цели рассматриваемых составов, не является обязательными элементами объективной стороны данных преступлений, а, следовательно, не влияют на их квалификацию, но вместе с тем, они имеют значение для назначения наказания, следовательно, их установление в ходе предварительного расследования следует расценить как обязательное. Среди мотивов встречается корысть и иная личная заинтересованность, обусловленные внутренними убеждениями лица, вопреки целям, на которые выделялись средства бюджетной системы РФ, направить их на счета юридического лица или третьих лиц (проведение ремонта, погашение ссуд, уплата налогов и пр.).

Рис. № 1 «Способы совершения нецелевого расходования бюджетных средств и средств государственных внебюджетных фондов»

С учетом особенностей состава нецелевого расходования бюджетных средств и средств государственных внебюджетных фондов подлежит доказыванию то, что виновное лицо является специальным субъектом. В таком случае подлежит установлению содержание полномочий субъекта, которые содержатся в федеральном законе, подзаконных нормативных актах, локальных актах, определяющие порядок регулирования отношений, участником которых лицо является.

В отношении субъекта данных преступлений подлежат установлению обстоятельства, указанные на Рис № 2.

Рис № 2 «Обстоятельства, подлежащие установлению»

В соответствии с п.4 ч.1 ст.73 УПК РФ обстоятельством, подлежащем установлению в процессе предварительного расследования является характер и размер вреда, причиненного преступлением, то есть общественно-опасные последствия, которые возникли по вине лица в результате его противоправных действий.

Причиненный вред от совершения рассматриваемых преступлений может быть различным: невыполнение функций государства, муниципального образования, государственного и муниципального внебюджетного фонда. Последствия ослабляют статус органов государственной власти, органов местного самоуправления, органов управления государственных и

муниципальных внебюджетных фондов. Причиняется ущерб интересам всего общества, поскольку затрагивается его социальная сторона жизни, что препятствует развитию наиболее важных отраслей: здравоохранения, образования, науки, культуры и пр.

Поскольку статьи 285.1 – 285.2 УК РФ являются формальными составами, при расследовании данных составов возникает вопрос о достаточности доказательств. На основании изложенного, следует подчеркнуть, что не только прикладное, но и практическое значение имеет установление как порядка выявления признаков преступлений компетентными государственными органами, будь то правоохранительные органы, органы прокуратуры либо органы финансового контроля, так и осведомленность о достаточном перечне обстоятельств, подлежащих установлению по уголовному делу, что будет свидетельствовать о полноте проведенного расследования, что является одним из требований, которые предъявляются либо должны предъявляться к органу, ответственному за выявление признаков указанных преступлений.

Список литературы

1. Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».
2. Обзор о состоянии преступности в органах внутренних дел Красноярского края за январь-декабрь 2019 года, 2020 года, 2021 года, 2022 года.
3. Ушакова, К.С. Определение предмета доказывания по уголовному делу // Вестник студенческого научного общества ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет». – Т.4. – №11-3. – 2019. – С.187.
4. Савельева, Н.В. Проблемы доказательств и доказывания в уголовном процессе / Н.В. Савельева. – Краснодар: КубГАУ, 2019. – 95 с.
5. Приговор по уголовному делу №1-547/2017 от 15.08.2019г. Абаканского городского суда Республики Хакасия [Электронный ресурс]. – URL:<https://sudact.ru> (дата обращения: 23.11.2023).

УДК 340.12*340.152*343.14(091)

**СУДЕБНЫЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВА ИЗ ЗАКОНА XII ТАБЛИЦ
В КОНТЕКСТЕ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ ДРЕВНЕРИМСКОГО
ОБЩЕСТВА**

Игнатенко Владимир Александрович

старший преподаватель,

Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия

email: ignatenko.well@mail.ru

Аннотация: В статье проводится исследование правовой культуры древнеримского общества на основании анализа доказательств, содержащихся в Законе XII таблиц. Автор отмечает многообразие форм и методов доказывания в законодательстве Древнего Рима, что свидетельствует не только о разработанности действующих юридических актов и достигнутом уровне развития правовой деятельности, но и об уровне правосознания его граждан при их использовании. В статье сделан вывод о тесной взаимосвязи системы доказательств, закрепленных законодательством, с правовой культурой древнеримского общества.

Ключевые слова: Древний Рим, Закон XII таблиц, общество, правосознание, правовая культура.

**FORENSIC EVIDENCES FROM THE LAW OF THE XII TABLES IN THE
CONTEXT OF THE LEGAL CULTURE OF ANCIENT ROMAN SOCIETY**

Ignatenko Vladimir Alexandrovich

Senior Lecturer at the Department of Theory and History of State and Law,

Krasnoyarsk State Agrarian University,

Krasnoyarsk, Russia

email: ignatenko.well@mail.ru

Abstract: The article conducts a study of the Legal Culture of ancient Roman Society based on an analysis of the evidence contained in the Law of the XII Tables. The author notes the variety of forms and methods of proof in the legislation of Ancient Rome, which indicates not only the development of existing Legal Acts and the achieved level of development of Legal Activity, but also the level of Legal Consciousness of its citizens when using them. The article concludes that there is a close relationship between the system of evidence established by law and the Legal Culture of ancient Roman Society.

Keywords: Ancient Rome, Law of the XII Tables, society, legal consciousness, legal culture.

В курсе получения юридического образования и становления юристов в процессе обучения особое место занимают дисциплины, связанные с получением историко-правовых знаний.

Так, курсы «История государства и права России» и «История государства и права зарубежных стран» отнесены к категории базовых дисциплин для подготовки обучающихся по направлению подготовки «Юриспруденция».

В ходе их освоения обучающиеся приобретают определенную совокупность знаний, умений и навыков, изучая особенности общественного строя, государственного устройства и законодательства Отечества и зарубежных стран в контексте их исторического развития.

И здесь уместно привести слова И.А. Исаева о том, что «история государства и права как научная дисциплина» рассматривает не только «становление государственных и правовых феноменов» в каких-либо временных и территориальных рамках, но и «изучает... *правовую культуру народов*», населяющих эти территории [1, с. 5-6].

В свою очередь *правовая культура*, рассматривается как «качественное состояние правовой жизни общества, выражающееся в достигнутом уровне развития правовой деятельности, юридических актов, правосознания».

А о качестве правовой культуры общества минувших эпох объективно можно судить по тем нормативным актам, которые функционировали на определенном историческом этапе их развития.

Так, А.П. Семитко отмечает, что «по пошедшим до нас памятникам права и иным правовым документам историки восстанавливают и атмосферу правовой жизни общества, их особенности уклада хозяйственной жизни и общественных отношений» [2, с. 341-343].

Одним из таковых памятников права Древнего мира является Закон XII таблиц, который регулировал правоотношения внутри древнеримского общества в период с 451-450 гг. до н.э.

Регулятивная роль Закона XII таблиц как первого писаного закона Древнего Рима, освещена в научных трудах О.А. Андреевой [3], А.В. Поповой [4], О.А. Жидкова, В.А. Савельева [5] и др.

Целью данной статьи является исследование правовой культуры древнеримского общества на основании анализа доказательств, содержащихся в Законе XII таблиц.

Представляется, что именно доказательства, содержащиеся в письменных источниках Древнего Мира, более глубоко и детально отражают состояния правовой культуры их обществ.

Это обусловлено тем, что данное правовое явление позволяет не только проанализировать разработанность нормативных актов Древнего Рима, но и отражает в себе уровень правосознания древнеримского общества, в рассматриваемый исторический период.

Однако прежде, чем перейти к непосредственному объекту исследования, целесообразно рассмотреть суть понятия «*доказательство*».

Так, «Энциклопедический Словарь Ф. Павленкова», созданный во второй половине XIX века, трактует его как «цепь умозаключений, необходимая для вывода математической или всякой другой истины».

При этом *доказательство a posteriori* – это доказательство, «построенное на фактах, добытых путем опыта и ... предварительного исследования предмета».

Доказательство a priori – это «доказательство, основанное не на опыте, а на общем положении, из которого делается вывод применительно к частному случаю, еще прежде подробного исследования этого случая» [6, столбец 686].

Согласно части первой статьи 74 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, «доказательствами по уголовному делу являются любые сведения, на основе которых суд, прокурор, следователь, дознаватель ... устанавливает наличие или отсутствие обстоятельств, подлежащих доказыванию при производстве по уголовному делу, а также иных обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела» [7].

Согласно части первой статьи 55 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, «доказательствами по делу являются полученные в предусмотренном законом порядке сведения о фактах, на основе которых суд устанавливает наличие или отсутствие обстоятельств, обосновывающих требования и возражения сторон, а также иных обстоятельств, имеющих значение для правильного рассмотрения и разрешения дела» [8].

Таким образом, по своей сути доказательства представляют собой *фактические сведения, позволяющие установить истину*.

Далее, проанализируем статьи Закона XII таблиц, содержащие нормирование судебных доказательств, то есть таких сведений, которые позволяют установить истину в ходе судопроизводства.

Так, Закон XII таблиц предусматривает, что на судеговорении «*пусть обе присутствующие стороны по очереди защищают (свое дело)*» (Табл. I.7), то есть по очереди предъявляют имеющие доказательства.

«*Как кто распорядится на случай своей смерти относительно опеки над своими подвластными ему лицами, так пусть то и будет нерушимым*» (Табл. V.3), то есть в случае судебного спора по данному деликту в качестве доказательства может выступать *распоряжение по наследству* на случай смерти.

«*Если кто заключает сделку самозаклада (сдачи самого себя в рабство за деньги – прим. авт.) или отчуждение вещи*», то Закон XII таблиц предусматривает, что для подтверждения данной сделки требуется присутствие «*пяти свидетелей и весовщика*», а слова, произнесенные при этой сделке «*считаются нерушимыми*» (Табл. VI.1).

Следовательно, в ходе судеговорения доказательствами будут выступать *показания участников сделки, весовщика и пяти свидетелей, присутствовавших при ее заключении*.

Также при совершении сделок Законом XII таблиц предусмотрено, что «*считается достаточным представить доказательство того, что было произнесено при заключении сделки*», и тот, кто отказался «*от своих слов, подлежал штрафу вдвое*» (Табл. VI.2).

Соответственно, пять свидетелей, предусмотренных Законом XII таблиц, требуются, чтобы подтвердить слова, произнесенные при совершении той или иной сделки.

Кроме этого, Законом XII таблиц разъяснена процедура доказывания, получившая название «*наложение руки на вещь*», которая заключается в том, чтобы «*в определенном месте в присутствии претора собственноручно отстоять свою вещь при судоговорении, ... то есть ухватиться руками за спорную вещь и в торжественных выражениях отстаивать право на нее*» (Табл. VI.5).

Важно, что отчуждение вещи осуществляется также либо «*путем сделки*», либо «*путем отказа от права собственности на эту вещь при судоговорении перед претором*», при этом сделка также осуществляется «*в присутствии пяти свидетелей и весовщика*» (Табл. VI.5-б).

Споры на судоговорении по ширине «*незастроенных мест вокруг зданий (обходов)*», а также иски «*о размежевании границ*» и другие вопросы размещения строений, сооружений и посадки растений вблизи соседних участков, предусматривают установленные Законом XII таблиц расстояния (Табл. VII.1, VII.2, VII.4).

При этом судебными доказательством по данным категориям дел будут являться *показания трех посредников*, участвовавших при замерах либо размежевании земельных участков (Табл. VII.5).

Кроме этого, Закон XII таблиц градуировал категории «*поджога строения или сложенных около дома скирд хлеба*» на совершенные «*умышленно*» и «*по неосторожности*» (Табл. VIII.10).

Следовательно, доказательствами по выявлению умысла совершенного противоправного деяния должны были служить *показания истца, ответчика и свидетелей*, которых позволили бы установить субъективную сторону совершенного поджога.

Здесь же следует отметить, что Законом XII таблиц предусмотрены две различные процедуры изъятия похищенного имущества – обнаружения похищенной вещи у укрывателя и отыскание похищенной вещи в ходе «*формального обыска*» (Табл. VIII.15-а).

Далее, описывается процедура формального обыска, при которой лицо, производящее обыск, не должно иметь «*на себе никакой одежды, кроме полотняной повязки*», и должно держать «*в руке чашу*», чтобы своими руками он не мог ничего взять или положить (Табл. VIII.15-б).

И, наконец, важно привести пример еще нескольких правовых норм, содержащихся в Законе XII таблиц, которые наиболее наглядно демонстрируют уровень правосознания внутри древнеримского общества по отношению к доказательствам, рассматриваемых при судоговорении и обеспечения их защиты в судебных инстанциях.

Так, «*если кто-либо участвовал при совершении сделки в качестве свидетеля или весовщика, а затем отказывается это засвидетельствовать, то пусть он будет признан бесчестным и утратит право быть свидетелем*».

Отсюда можно сделать вывод, что данная норма была вполне работоспособной, так как быть признанным в суде «бесчестным», равно как и лишиться права «*быть свидетелем*» в древнеримском обществе, где Закон был возведен в Абсолют, являлось недопустимым.

Кроме этого, Законом XII таблиц была предусмотрена санкция для того, кто во время судебного разбирательства был уличен в лжесвидетельстве, таковой «*сбрасывается с Тарпейской скалы*» (Табл. VIII.22, VIII.23).

Еще Закон XII таблиц предусматривал механизм правовой защиты доказательств по деликтам, связанным с преступлениями материального состава, путем установления специфической процедуры и санкции за данное правонарушение.

Например, если кто-либо «*приносит на судебное разбирательство поддельную вещь или отрицает сам факт судебного разбирательства, пусть претор назначит трех посредников и по их решению пусть возместит ущерб в размере двойного дохода от спорной вещи*» (Табл. XII.3) [9].

Таким образом, проанализировав доказательства, содержащиеся в Законе XII таблиц, можно сделать вывод о многообразии форм и методов доказывания в законодательстве Древнего Рима.

Указанный факт свидетельствует не только о разработанности действующих юридических актов и достигнутом уровне развития правовой деятельности, но и об уровне правосознания его граждан при их использовании.

Следовательно, можно рассуждать не только о значении системы судебных доказательств из Закона XII таблиц в правовой жизни древнеримского общества, но и о том вкладе, который его правовая культура внесла в его состояние и развитие современной цивилизации.

Список литературы

1. Исаев, И.А. История государства и права России: Учебник / И.А. Исаев. – М.: Юристъ, 1999. – 608 с.
2. Теория государства и права: Учебник для вузов / под ред. В.М. Корельского и В.Д. Первалова. – М.: НОРМА, 2000. – 616 с.
3. Андреева, О.А. История государства и права зарубежных стран: учебное пособие / О.А. Андреева. – Ростов н/Д.: Феникс, 2014. – 365 с.
4. Попова, А.В. История государства и права зарубежных стран: краткий курс лекций / А.В. Попова. – М.: Юрайт, 2014. – 248 с.
5. Жидков, О.А., Крашенинникова, Н.А., Лысенко, О.А. и др. История государства и права зарубежных стран: учебник в 2 т. Т. 1. / под ред. Н.А. Крашенинниковой и О.А. Жидкова. 3-е изд. перераб. и доп. – М.: Норма, 2009. – 720 с.
6. Павленков, Ф. Энциклопедический словарь Ф. Павленкова / Ф. Павленков. – 5-е изд., со стереотипа 4-го издания. – С.-Петербург. Изд. дела «Трудь», 1913. – 3104 столбца.
7. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 21.07.2022) // Собрание законодательства РФ. - 2022. - № 39. - Ст. 6535.

8. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 15.03.2022) // Собрание законодательства РФ. - 2022. - № 12. - Ст. 1949.

9. Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран: учебное пособие: в 2 т. Т. 1 / под ред. К.И. Батыра и Е.В. Поликарповой. – М.: Проспект, 2018. – 392 с.

УДК 343.1

ЭФФЕКТИВНОСТЬ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В КРИМИНОЛОГИИ И УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

Кадач Виктория Андреевна

Сибирский юридический институт МВД России, г. Красноярск
email: koberkova00@bk.ru

Михалева Екатерина Алексеевна

Сибирский юридический институт МВД России, г. Красноярск
email: mihalevachine@gmail.com

Тепляшин Павел Владимирович

доктор юридических наук, доцент
Сибирский юридический институт МВД России, г. Красноярск,
email: pavlushat@mail.ru

Аннотация: В статье исследуется понятие искусственного интеллекта. Рассматриваются вопросы эффективности и целесообразности применения искусственного интеллекта при производстве оперативно-следственных действий, а также в уголовном процессе. Авторы анализируют системы искусственного интеллекта, применяемые в России, оценивают их перспективы, выявляют основные проблемы и предлагают оптимальные пути их решения. Также изучается зарубежный опыт применения систем искусственного интеллекта.

Ключевые слова: криминология, борьба с преступностью, предупреждение преступности, технологии, искусственный интеллект.

EFFICIENCY OF THE USE OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN CRIMINOLOGY AND CRIMINAL PROCEEDINGS

Victoria Andreevna Kadach

Siberian Law Institute Ministry of Internal Affairs of Russia,
Krasnoyarsk, Russia
email: koberkova00@bk.ru

Ekaterina Alekseevna Mikhaleva

Siberian Law Institute Ministry of Internal Affairs of Russia,

Krasnoyarsk, Russia
email: mihalevachine@gmail.com

Pavel Vladimirovich Teplyashin

doctor of law, associate professor

Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
Krasnoyarsk, Russia
email: pavlushat@mail.ru

Abstract: The article explores the concept of artificial intelligence. The questions of the effectiveness and expediency of using artificial intelligence in the production of operational and investigative actions, as well as in the criminal process are considered. The author analyzes the artificial intelligence systems used in Russia, evaluates their prospects, identifies the main problems and suggests the best ways to solve them. Foreign experience in the use of artificial intelligence systems is also being studied.

Keywords: criminology, crime control, crime prevention, technology, artificial intelligence.

В настоящее время динамичная информатизация общества заставляет правоохранительные органы России идти в ногу со временем и использовать в своей деятельности новые технологии, в частности, системы искусственного интеллекта (далее – ИИ).

Впервые термин «искусственный интеллект» прозвучал в 1956 году на конференции Дартмутского университета. Основная мысль этой конференции заключалась в том, что каждый аспект обучения или любая другая особенность интеллекта могут быть описаны так точно, что машина сможет симитировать их [3; с. 15].

На сегодняшний день в разных источниках встречаются разные определения ИИ. Так, одни специалисты понимают под ним средства и методы решения интеллектуальных задач на основании моделирования процессов выявления, представления и манипулирования знаниями с использованием электронно-вычислительных машин [3; с. 23]. Другие авторы называют ИИ программную систему, которая способна воспроизводить на компьютере процесс мышления человека [5; с. 34].

В Федеральном законе от 24 апреля 2020 года № 123-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий ИИ в субъекте Российской Федерации – городе федерального значения Москве и внесении изменений в статьи 6 и 10 Федерального закона «О персональных данных»» под ИИ понимается «комплекс технологических решений, позволяющих имитировать когнитивные функции человека и получать при выполнении задач результаты, сопоставимые с результатами интеллектуальной деятельности человека». Комплекс технологических решений включает информационно-

телекоммуникационную инфраструктуру, программное обеспечение, процессы и сервисы по обработке данных и поиску решений.

Таким образом, можно резюмировать, что ИИ – это комплекс технологических решений по разработке аппаратно-программных средств и методов, которые с использованием электронно-вычислительных машин предоставляют пользователю возможность ставить и решать интеллектуальные задачи, имитировать когнитивные функции человека и получать результаты, сравнимые с результатами интеллектуальной деятельности человека.

Применение ИИ в России регулируется законодательством. Так, постановлением Правительства Российской Федерации от 15 апреля 2014 года № 313 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации "Информационное общество"» утверждена программа «Информационное общество», одной из направлений которой является создание масштабной инфраструктуры передачи данных, предупреждение угроз в информационном обществе, обеспечение информационной безопасности при передаче, обработке и хранении данных, гарантирующей защиту интересов личности, бизнеса и государства. В настоящее время ИИ используется во многих сферах деятельности человека, в том числе, в следующих направлениях работы органов внутренних дел:

1. Прогнозирование преступного поведения;

Например, в России действует система «Искусственный интеллект», которая благодаря инфракрасным датчикам и радиолокаторам устанавливает правонарушения на пограничных территориях нашего государства. Полученная информация передается на компьютер, и сотрудники полиции имеют возможность прогнозировать риски в данной области [1; с. 57].

2. Прогнозирование возможных мест и сценариев совершения преступлений;

Существуют специальные программы ИИ по выдвигению следственных версий исходя из указанных первоначальных данных о событии преступления. Также сотрудниками полиции используется географическая информационная система «Зеркало», оперирующая пространственными (фактографическими и статистическими) данными [2; с. 43].

3. Составление психологического и иного портрета преступника по имеющимся данным;

Для этого сотрудники полиции используют методы регрессионного анализа, машинного обучения и глубокого обучения (все эти категории охватываются понятием «ИИ»).

Кроме того, ИИ показывает свою эффективность при производстве оперативно-следственных действий, направленных на обнаружение, фиксацию и изъятие вещественных доказательств. Так, ИИ помогает в реализации оперативно-розыскных мероприятий, например, в наблюдении:

4. Производство портретов-фотороботов и распознавание разыскиваемых лиц и предметов;

Сотрудники полиции пользуются технологиями электронного распознавания образов, которые способны узнавать в толпе подозреваемых или

скрывающихся от следствия лиц, обнаруживать похищенные или подозрительные автомобили.

5. Отслеживание и трассировка интернет-трафика подозреваемых лиц в сети Интернет.

В настоящее время активно используются системы распознавания текста, анализа интернет-контента для обнаружения информации экстремистского и террористического содержания, выявления интернет-мошенников в социальных сетях [6; с. 22]. Так, соцсеть «ВКонтакте» осуществляет контроль информации, выкладываемой пользователями, и при обнаружении подозрительного контента модераторы проводят проверку, по необходимости уведомляя правоохранительные органы. Данные технологии уже более 7 лет используются в целях профилактики распространения экстремизма [10].

Также ИИ положительно зарекомендовал себя в помощи проведения осмотра места происшествия, точно указывая расположение всех объектов и деталей произошедшего благодаря, например, технологии лазерного 3D-сканирования. Помимо высокой точности, лазерное 3D-сканирование существенно сокращает время проведения осмотра и позволяет обнаружить вещественные доказательства, которые по причине человеческого фактора могут быть упущены из виду следователем.

Таким образом, ИИ со временем может стать незаменимым помощником следователя в производстве следственных действий и в поиске и изъятии вещественных доказательств.

Важно обратить внимание на то, что в настоящее время происходит постепенное внедрение ИИ и в уголовный процесс. Официально ИИ в уголовном процессе не используется, но нельзя отрицать косвенное влияние ИИ на правосудие благодаря его помощи в собирании доказательств на стадии предварительного расследования (таким образом ИИ может опосредованно влиять на внутренние убеждения судьи – например, доказательства, собранные с помощью ИИ, судья будет считать более достоверными и неоспоримыми по сравнению с теми, что были собраны без использования ИИ).

В 2021 году в Общественную палату РФ было внесено предложение по привлечению ИИ к оказанию бесплатной юридической помощи для населения. С того же времени суды используют автоматизированное распределение дел.

В то же время в Китае ИИ активно применяется судьями в уголовном процессе. Так, к столу каждого судьи подключена система «умный суд» SoS (SystemofSystems). Эта система основана на технологии машинного обучения. Она дает рекомендации по поводу того, какую именно статью уголовного кодекса применить в каждом конкретном случае, разрабатывает юридическую аргументацию и исправляет различные ошибки в судебных документах. Судьи, не согласные с вердиктом ИИ, обязаны предоставлять письменные возражения.

Однако, на наш взгляд, использование ИИ в уголовном процессе должно быть дозированным. В этой связи будет уместным привести слова Председателя Совета судей России В. Момотова, который говорит о том, что у ИИ отсутствуют принципы справедливости и гуманизма при назначении наказания, в то время как право – это динамично развивающаяся материя, в

основе которой лежат такие нравственные категории как гуманизм и справедливость, и эти категории нельзя вложить в машину [4].

Но и отказываться от ИИ в уголовном процессе тоже нецелесообразно. Представляется полезным использовать ИИ в уголовном судопроизводстве, например, для пополнения баз правовой информацией, составления различных документов, обработки данных, ведения аудио- и текстового протокола судебного заседания, помощи в принятии решений о квалификации преступлений, организации судебных видеоконференций. Это, безусловно, упростит судебное производство и в некоторых случаях даже ускорит его.

Несмотря на стремительное внедрение систем ИИ в правоохранительную деятельность, существует и ряд проблем, которые нельзя игнорировать.

Одной из них является то, что системы ИИ в своей работе основываются на объеме данных. Эти данные должны быть четко обработаны, структурированы и оцифрованы. Большое количество данных, которые нужно обработать, увеличит и без того высокую нагрузку на подразделения МВД России, что может негативно сказаться на эффективности работы [7; с. 22].

В этом случае государству необходимо мотивировать сотрудников на выполнение большего объема работ. Это представляется возможным за счет предоставления различных видов льгот для сотрудников и членов их семей, создания благоприятных условий труда.

Следует заметить, что государство делает больший упор на борьбу с преступностью, а возможность применения ИИ в прогнозировании и предупреждении преступности отходит на второй план.

Впрочем, первые шаги к решению этой проблемы уже сделаны. Например, ученые Пермского государственного национального исследовательского института разработали алгоритм расчета склонности человека к серийным убийствам. Алгоритм учитывает разные факторы, которые могут повлиять на эту склонность: пол, наличие психических заболеваний, факты насилия в детстве, наличие и социальный статус родителей, склонность родителей к алкоголизму, наличие собственных детей и т.д. Авторы алгоритма следили за тем, какой из вышеперечисленных параметров больше всего влияет на формирование у человека склонности к насильственным преступлениям, а какой – меньше. Обучение проходило на основе примеров, сформированных из открытых данных о серийных убийцах России и США [11; с. 425]. Президент ИТ-компании «Крибрум» И. Ашманов утверждает, что в дальнейшем это направление работы можно развить более масштабно и использовать нейросети для поиска цепочек взаимосвязанных преступлений. Для этого ИИ будет производить анализ признаков преступных эпизодов: кто именно становится жертвой преступника, когда обычно осуществляется преступление и т.д. [8]

Очевидно, что решение выше обозначенных проблем станет толчком к дальнейшему развитию и использованию систем ИИ в России. Специалисты утверждают, что в перспективе ИИ можно использовать для анализа фрагментов ДНК и оперативной интерпретации полученных данных (цвет глаз, волос, кожи, рост и т.д.).

Следует отметить, что системы ИИ более активно используются за рубежом, и нашему государству было бы полезно перенять этот опыт. Например, в США применяются специальные аналитические средства, которые помогают сотрудникам правоохранительных органов получить быстрый доступ к имеющейся у них информации. Программа также способна обнаружить скрытые связи между людьми, местами, автомобилями и т.д., что значительно упрощает работу следователей и повышает ее эффективность [5; с. 114]. Также в США применяется программа «SEG», которая при помощи ИИ определяет риск совершения противоправных действий на конкретной местности (за основу берутся данные соцсетей, видеонаблюдения и т.д.).

Во Франции действует программа под названием «Система прогнозной психометрики преступного сообщества», моделирующая профили правонарушителей и предсказывающая динамику их психического состояния [9; с. 754].

Китай в качестве профилактики преступности использует программу, разработанную компанией «CloudWalkTechnology». Эта программа позволяет распознавать лица с использованием трехмерного структурированного света, что обеспечивает практически 99% результативность и превосходит большинство аналоговых систем [3; с. 46].

Подводя итог, следует отметить, что системы ИИ в отечественных криминологических и уголовно-процессуальных исследованиях находятся еще только на этапе поверхностного анализа. Ряд различных проблем, к сожалению, не позволяет в полной мере реализовать потенциал ИИ в работе правоохранительных органов. Однако, первые шаги к преодолению существующих проблем уже сделаны, и представляется, что в ближайшем будущем ИИ прочно войдет в повседневную практику органов внутренних дел при производстве оперативно-следственных действий по обнаружению, фиксации, изъятию, исследованию вещественных доказательств, и станет эффективным средством в борьбе с преступностью и в её предупреждении. Кроме того, ИИ может показать свою эффективность и в уголовном судопроизводстве, однако, в этом случае важно помнить о том, что ИИ является лишь вспомогательным инструментом и не способен в полной мере заменить человека.

Список литературы

1. Алпеева, О.И. Применение цифровых технологий и искусственного разума при предупреждении преступности / О.И. Алпеева, А.В. Бушуева // Вестник Пензенского государственного университета. – 2021. – № 3. – С. 55 – 62.
2. Бахтеев, Д.В. Искусственный интеллект в криминалистике: состояние и перспективы использования / Д.В. Бахтеев // Российское право: образование, практика, наука. – 2018. – № 2. – С. 43 – 49.
3. Боровская, Е.В. Основы искусственного интеллекта / Е.В. Боровская. – М.: Лаборатория знаний, 2018. – 311 с.

4. Будет ли искусственный интеллект выносить судебные вердикты [Электронный ресурс]. – URL: <https://rg.ru/2021/07/14/budet-li-iskusstvennyj-intellekt-vynosit-sudebnye-verdikty.html> (дата обращения: 12.06.2023).

5. Дроздов, В.Ю. Использование искусственного интеллекта для предупреждения преступности / В. Ю. Дроздов // Закон и право. – 2021. – № 5. – С. 114 – 117.

6. Ларина, Е.С. Искусственный интеллект. Большие данные. Преступность / Е.С. Ларина, В.С. Овчинский. — М.: Кн.мир, 2018. – 268 с.

7. Машечкин, И.В. Методы машинного обучения для задачи обнаружения и мониторинга экстремистской информации в сети Интернет / И.В. Машечкин, М.И. Петровский, Д.В. Царев, М.Н. Чикунова // Программирование. – № 3. – 2019. – С. 18 – 27.

8. МВД внедрит нейросети для поиска серийных убийц и создания «фотороботов» [Электронный ресурс]. – URL: https://rbc.ru/turbopages.org/rbc.ru/s/technology_and_media/16/11/2020/5fae6ad49a79470ca94aff66 (дата обращения: 12.06.2023).

9. Суходолов, А.П. Искусственный интеллект в противодействии преступности, ее прогнозировании, предупреждении и эволюции / А.П. Суходолов, А.М. Бычкова // Всероссийский криминологический журнал. – 2018. – Т. 12. – № 6. – С. 753 – 766.

10. Тепляшин, П.В. Криминологические аспекты идеологии молодежного терроризма в информационно-телекоммуникационных сетях / П.В. Тепляшин // Актуальные проблемы противодействия терроризму и экстремизму: история, современное состояние, перспективы: в 2-х ч. Ч. 1 / под общ. ред. С.А. Куценко: сб. науч. ст. всероссийской науч.-практич. конференции с международным участием. – Новосибирск: Новосибирский военный институт имени генерала армии И.К. Яковлева войск национальной гвардии Российской Федерации, 2017. – С. 208-212

11. Ясницкий, Л.Н. Использование методов искусственного интеллекта в изучении личности серийных убийц / Л.Н. Ясницкий, С.В. Ваулева, Д.Н. Сафонова, Ф.М. Черепанов // Всероссийский криминологический журнал. 2015. – Т. 9. № 3. – С. 425 – 431.

ОСНОВАНИЯ ПРЕКРАЩЕНИЯ УГОЛОВНОГО ПРЕСЛЕДОВАНИЯ ПО ЭКОЛОГИЧЕСКИМ ПРЕСТУПЛЕНИЯМ

Крот Татьяна Васильевна

Красноярский государственный аграрный университет, г. Красноярск, Россия
email: krot_tatiana_89@mail.ru

Научный руководитель: Курбатова Светлана Михайловна

кандидат юридических наук, доцент

Красноярский государственный аграрный университет, г. Красноярск, Россия
email: sveta_kurbatova@mail.ru

Аннотация: В данной статье рассмотрены основания прекращения уголовного преследования по экологическим преступлениям, учитывая такую их специфику, как многообъектность экологических преступлений.

Ключевые слова: уголовный процесс, постановление, уголовное право, многообъектность преступного посягательства, уголовное преследование, прекращение уголовного преследования, экологическое преступление, подозреваемый, обвиняемый.

GROUND FOR TERMINATION OF CRIMINAL PROSECUTION ON ECOLOGICAL CRIMES

Krot Tatiana Vasilievna

Krasnoyarsk state agrarian university,
Krasnoyarsk, Russia
email: krot_tatiana_89@mail.ru

Scientific supervisor: Kurbatova Svetlana Mikhailovna

candidate of legal sciences, associate professor

Krasnoyarsk state agrarian university,
Krasnoyarsk, Russia
email: sveta_kurbatova@mail.ru

Abstract: This article examines the grounds for terminating criminal prosecution for environmental crimes, taking into account such specifics as the multi-objective nature of environmental crimes.

Keywords: criminal law, resolution, criminal procedure, multidimensionality of a criminal assault, multidimensionality of a crime, criminal prosecution, termination of prosecution, suspect, accused.

Актуальность темы статьи обусловлена тем, что объекты экологических преступлений имеют сложную содержательную структуру. Специфика экологических преступлений состоит в том, что всегда вместе с

непосредственным объектом преступного посягательства в конкретном составе преступления вторым объектом преступного посягательства являются интересы неопределенного круга лиц и государства. Когда преступное посягательство обращено на интересы неопределенного круга лиц, государства, по роду которого указанное преступление располагается в определенной главе УК РФ, компенсация причиненного потерпевшим ущерба, не устраняет вреда, нанесенного основному объекту посягательства – природной окружающей среде. Соответственно, в таком случае преступление в целом не утрачивает его общественной опасности и уголовное дело относительно совершившего его лица, не может быть прекращено по нереабилитирующим основаниям по ст. 25.1. УПК РФ.

Порядок прекращения уголовного преследования по различным основаниям определяется гл. 4 и 29 УПК РФ группой процессуальных действий, которые, применительно к досудебным стадиям, обязана совершить сторона обвинения, чтобы решение об освобождении от уголовной ответственности или о прекращении уголовного преследования лица было обоснованным.

Требование законодателя о необходимости разъяснении подозреваемому или обвиняемому оснований прекращения уголовного преследования и возможности возражать о принятии этого решения относится только к прекращению уголовного преследования по нереабилитирующим основаниям [3].

Если подозреваемый, обвиняемый возражает против прекращения уголовного преследования, то прекращение не допустимо, а производство по уголовному делу продолжается в обычном порядке, поскольку согласие подозреваемого, обвиняемого является необходимым условием для прекращения уголовного преследования.

Мы поддерживаем предложение о том, что для унификации подходов к процессуальному оформлению результатов выяснения позиции обвиняемого о возможном прекращении уголовного преследования и обеспечения исполнения всех процессуальных действий, которые предполагаются в данном случае, целесообразна разработка типового образца протокола и включение его в работу органов расследования [6].

Относительно постановления о прекращении уголовного преследования требования его мотивированности воспринимаются как обоснование принятого следователем решения с помощью поиска доказательств, анализа и оценки согласно положениям материального и процессуального закона о необходимости прекратить уголовное преследование.

Формулировка пп. 3–5,7 ч. 2 ст. 213 УПК РФ дает возможность предположить, что постановление о прекращении уголовного преследования должно основываться на двух группах доказательств, аргументах логического, фактического, и правового характера, относящихся к уголовному делу и к основаниям прекращения уголовного преследования.

По нереабилитирующим основаниям освобождаются от уголовной ответственности лица, чья причастность к совершению деяния,

предусматриваемого определенной статьей Особенной части УК РФ, доказана. Поэтому в постановлении о прекращении уголовного преследования должны приводиться: сведения о причинении вреда потерпевшему; фактические обстоятельства установленного события преступления доказательства, подтверждающие наличие преступления и причастность к нему подозреваемого; обстоятельства, смягчающие и отягчающие наказание, когда они установлены и не охвачены мотивами преступления, основаниями прекращения уголовного преследования.

Следственная практика не содержит единого подхода к рассмотрению вопроса о необходимости при прекращении уголовного преследования признавать или нет лицо виновным в совершении преступления.

Этот вопрос остается дискуссионным в уголовно-процессуальной науке. В процессуальной литературе присутствовала точка зрения, что прекращение уголовного дела означает невиновность лица, в отношении которого решался вопрос о привлечении к уголовной ответственности, поскольку гражданин может быть признан виновным в совершении преступления только судом, а не органами предварительного расследования, что следует из конституционного принципа презумпции невиновности.

Так М. С. Строгович отметил, что, «исходя из содержания презумпции невиновности, постановление о прекращении уголовного дела никогда не было и не является сейчас ... актом признания обвиняемого себя виновным в совершении преступления, по каким бы основаниям постановление не принималось и от кого бы ни исходило. Никого нельзя признавать виновным из-за прекращения дела. Если дело прекращено, значит, уголовного дела в юридическом смысле нет [7].

Полагаем, что с прекращением уголовного преследования по конкретному факту в отношении какого-то подозреваемого прекращаются в отношении него и всякая иная процессуальная деятельность стороны обвинения, оперативно-розыскная деятельность, а именно, как отмечал русский правовед М.В. Духовской, «все предъявленные к обвиняемому меры» [4].

При прекращении уголовного преследования по реабилитирующим основаниям замена процессуального статуса подозреваемого на статус реабилитированного вызвано не только вынесением постановления о прекращении такого преследования, но и с официальным признанием органами расследования в постановлении права на реабилитацию соответствующего лица.

Анализ статистики свидетельствует, что прекращение уголовных дел об экологических преступлениях по нереабилитирующим основаниям, предусмотренным ст. 25, 25.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, применяется как правило на стадии судебного разбирательства. Даже при исполнении всех условий по уголовным делам об экологических преступлениях лица, проводящие следствие, в отличие от судов, применяют данный порядок крайне редко [8].

В результате совершения экологических преступлений наступает различный по своему характеру вред. Предусмотренные ст. 76, 76.2 Уголовного

кодекса РФ [1], направленные на заглаживание вреда действия, нейтрализации его последствий, всегда зависят от особенностей определенного деяния. Суд принимает во внимание достаточность этих действий, оценивает уменьшение общественной опасности деяния, после чего принимает решение об освобождении от уголовной ответственности. Дискреционный характер данного решения снижается требованием к суду принимать во внимание наряду с другими обстоятельствами особенности объекта преступного посягательства, их число и приоритет (п. 9 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 июня 2013 г. № 19 [2]). В связи с этим необходимо различать многообъектность преступного посягательства и многообъектность преступления. Объекты экологических преступлений имеют сложную содержательную структуру (сложно структурированы).

Многообъектность экологического преступления выражается в одновременном посягательстве на несколько неоднородных правовых благ [5].

По результатам исследования можно сформулировать вывод, что по уголовным делам об экологических преступлениях прекращение уголовного дела по нереабилитирующим основаниям, предусмотренным ст. 25 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, невозможно в отсутствие потерпевшего (физического или юридического лица) в понимании положений ст. 42 Российской Федерации.

Список литературы

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 04.08.2023) (с изм. и доп. от 12.10.2023) // СПС «КонсультантПлюс».
2. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27.06.2013 № 19 «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности» (ред. от 29.11.2016) СПС «КонсультантПлюс».
3. Белоусова, Е.А. Об общем порядке прекращения уголовного преследования / Е.А. Белоусова // Вопросы правоприменительной практики. – 2020. – №3. – С. 14.
4. Духовской, М.В. Русский уголовный процесс (посмертное издание) / М.В. Духовской. – Москва, 1905. – С. 176.
5. Лукомская, А.С. Уголовно-правовая охрана экологической безопасности и экологического правопорядка: монография / А.С. Лукомская. – Ижевск, 2021. – С. 45.
6. Николюк, В.В., Прекращение уголовного преследования в связи с деятельным раскаянием: Учебно-практическое пособие / В.В. Николюк, Р. М. Дочия, В.Г. Шаламов. – Москва:Проф. союз адвокатов России, 2002. – С. 94.
7. Перлов, И. Д. Приговор в советском уголовном процессе / И.Д. Перлов. – Москва:Госюриздат, 1960. – С. 20 – 21.
8. Официальный сайт Судебного Департамента при Верховном Суде Российской Федерации [Электронный ресурс]. – URL:<http://www.cdep.ru/> (дата обращения: 04.11.2023).

**НЕКОТОРЫЕ ОРГАНИЗАЦИОННО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ СУДА
ПРИСЯЖНЫХ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ В ВЕЛИКОБРИТАНИИ:
ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПРИСЯЖНЫМИ ЗАСЕДАТЕЛЯМИ**

Курбатова Светлана Михайловна^{1,2}

кандидат юридических наук, доцент

Красноярский государственный аграрный университет ¹, г. Красноярск, Россия

Красноярский государственный медицинский университет им. профессора

В.Ф. Войно-Ясенецкого ², г. Красноярск, Россия

email: sveta_kurbatova@mail.ru

Аннотация: Представлена характеристика некоторых вопросов, касающихся института суда присяжных по уголовным делам в Великобритании. Обозначен ряд проблем формирования коллегии присяжных заседателей.

Ключевые слова: уголовное дело, суд присяжных, присяжные заседатели, Великобритания.

**SOME ORGANIZATIONAL AND LEGAL ASPECTS OF JURY TRIAL IN
CRIMINAL CASES IN THE UK: PROVIDING JURORS**

Kurbatova Svetlana Mikhailovna^{1,2}

candidate of legal sciences, associate professor

Krasnoyarsk state agrarian university¹,

Krasnoyarsk state medical university named after prof. V.F. Voino-Yasenetsky²,

Krasnoyarsk, Russia

email: sveta_kurbatova@mail.ru

Abstract: The characteristics of some issues relating to the institution of jury trials in criminal cases in the UK are presented. A number of problems in the formation of a jury are identified.

Keywords: criminal case, jury trial, jurors, United Kingdom.

Присяжных в Соединенном королевстве Великобритании и Северной Ирландии часто называют «жемчужиной в короне» или «краеугольным камнем» британской системы уголовного правосудия. Этому способствуют уходящие далеко в историческое прошлое английской судебной системы истоки появления данного института правосудия, который из-за своего древнего происхождения и участия в уголовном процессе 12 случайно выбранных мирян пользуется большим доверием общественности и в настоящее время. Этому способствует и позиция многих практикующих юристов, включая судей, которые в целом поддерживают такую форму осуществления правосудия по уголовным делам.

При том что данная форма осуществления правосудия проходит не в формате «судебное разбирательство с участием присяжных», но именно как «судебное разбирательство судьей и присяжными», на что обращается внимание в литературе [5]. Это партнерство, в котором оба вносят отдельный и пересекающийся вклад в конечный результат. Судья рассказывает присяжным, что такое закон и как он влияет на вопросы по делу; и они применяют свое новое понимание закона при рассмотрении этих вопросов. Что касается фактов, то, хотя присяжные несут главную ответственность за их установление, судья также имеет к этому большое отношение. Ему может быть предложено вынести решение о наличии доказательств, на основании которых они могли бы признать обвиняемого виновным; он может предупредить их, чтобы они проявляли особую осторожность, прежде чем действовать на основании определенных доказательств; он может дать им указания относительно косвенных доказательств и того, могут ли они на основании представленных им доказательств сделать из них определенные выводы; и он отмечает и обобщает доказательства для них, чтобы помочь в их обсуждении. Таким образом, вынесенный в результате вердикт является результатом «партнерства» между судьей и присяжными [5].

Ежегодно около четверти миллиона человек привлекаются в Великобритании к участию в производстве по уголовным делам в качестве присяжных. Исследование Министерства внутренних дел Великобритании [4] показало, что только около трети из них могут это сделать. Из выборки в 50 000 человек, вызванных в суд присяжных в рамках данного проекта, только треть была готова к выполнению своей процессуальной функции присяжного заседателя по уголовному делу, причем примерно половине из них была предоставлена отсрочка на участие на более поздний срок. Из оставшихся двух третей:

- 13% были «неподходящими кандидатурами» (не могли быть присяжными из-за ограничений для этого закону). Так, согласно английскому законодательству, установлены требования к кандидатам в присяжные заседатели: 1) возраст лица: не моложе 18 лет и не старше 70 лет; 2) присяжные должны быть постоянными жителями Соединенного Королевства в течение не менее пяти лет после достижения тринадцатилетнего возраста; 3) они не должны относиться к той группе населения, которая отстраняется, согласно Приложению 1 к Закону 1974 г. о присяжных, от привлечения к обязанностям присяжного – это все лица, исполняющие обязанности, связанные с отправлением правосудия (судьи, секретари судов, адвокаты и пр.); представители ряда профессий (монахи, врачи и пр.); лица, которые были осуждены в последние 10 лет к любому наказанию в виде лишения свободы, в том числе и к условному наказанию, а также приговоренные к выполнению общественных работ.

- 15% либо не явились в тот день, либо их повестки были возвращены как «недоставленные». При том, что неявка в суд по вызову присяжных карается штрафом в размере до 1000 фунтов стерлингов или неуважением к суду (ст. 20 Закона о присяжных 1974 г.). Однако процедура обеспечения вызова

несовершенна. Тем лицам, кто не отвечает на повестку, направляется дополнительное письмо, и их имена передаются суду. В Великобритании отмечается, что суды редко следят за теми, кто, как им известно, не ответил на повестку, или за теми, кто указал, что они явятся, но не сделал этого. Даже когда перед судом предстают непокорные потенциальные присяжные заседатели, судьи неохотно назначают какое-либо существенное наказание. Некоторые суды иногда перечисляют ряд таких актов неповиновения для рассмотрения в один и тот же день с целью придания огласки их исполнительному производству, но огласка слишком ограничена, фрагментарна и спорадична, чтобы принести много пользы. Результатом всего этого стало широко известное то, что вызов в суд присяжных может быть безнаказанно проигнорирован.

- 38% были освобождены от участия по уважительным причинам. Наиболее распространенными такими уважительными причинами были медицинские (40 %) и уход за маленькими детьми или пожилыми людьми (20 %). Три четверти всех отсрочек были предоставлены либо по работе (39 %), либо в связи с праздниками (35 %). В общей сложности 315 человек с заведомо ограниченными возможностями были освобождены от ответственности в течение 6 недель исследования. Одна треть были глухими; одна пятая передвигалась в инвалидных креслах или имела серьезные проблемы с подвижностью; и 6 процентов были слепыми.

В целом, разнообразие механизмов и широкие возможности для уклонения от выполнения обязанностей присяжного заседателя в суде присяжных, обобщенные и представленные выше, свидетельствуют о том, что общественное восприятие участия в производстве по уголовному делу в качестве присяжного заседателя как выполнение гражданского долга далеко не универсально. И это несправедливо по отношению к тем, кто выполняет функции присяжных заседателей, не в последнюю очередь потому, что в результате того, что другие избегают этого, от них могут потребовать выполнять свои обязанности чаще и дольше, чем это было бы необходимо в противном случае. Большинство исключений или возможностей для освобождения от должности присяжных лишают присяжных опыта и навыков широкого круга профессиональных и в других отношениях успешных и занятых людей. Они создают впечатление, что служба в суде присяжных предназначена только для тех, кто недостаточно важен или умен, чтобы от нее отвертеться [5].

Следует отметить, что хотя модель суда с участием присяжных заседателей как формы осуществления правосудия по уголовным делам в Российской Федерации также имеет подобные проблемы; только они еще не получили своего признания официально, на федеральном уровне, в том числе посредством проведения соответствующих исследований на уровне министерств и ведомств. Тем не менее, подобного рода проблематика уже находит свое выражение в научных работах: в Верховный суд Республики Бурятия в 2015 г. вызывалось 500 человек, из них фактически явились 33 человека (6,6 %). В 2016 году из 500 вызванных явилось 48 человек (9,6 %). В

2017 году количество вызванных увеличилось до 950, из них явились в суд 74 человека (7,7 %), пишет Д.Ю. Васютин [1]. В 2015 году явка кандидатов в присяжные заседатели Московского областного суда составила 0,27 %, или 982 человека из направленных 361 523 приглашений, приводят данные в своей статье А.В. Шигуров, Р.А. Коньков [3]. «Чтобы отобрать 12 присяжных, в последнее время мы приглашаем по 600–700 человек — и хорошо, если из них приходит человек 40–50», поделился проблемой в 2017 г. председатель судебной коллегии по уголовным делам облсуда Свердловского областного суда Сергей Жернов [2]. И так далее.

Поэтому проблема, поднятая в настоящей статье применительно к Великобритании, является актуальной и для нашего государства, а значит, ее решению необходимо уделять внимание уже сейчас.

Список литературы

1. Васюткин, Д.Ю. Проблема обеспечения явки кандидатов в присяжные заседатели в суд / Д.Ю. Васюткин // Новый юридический вестник. – 2019. – № 1 (8). – С. 42-44.

2. Как Свердловская область готовится к вводу присяжных в районных судах [Электронный ресурс]. – URL:https://web.archive.org/web/20180509013708/https://www.znak.com/2017-10-27/kak_sverdlovskaya_oblast_gotovitsya_k_vvodu_prisyazhnyh_v_rayonnyh_sudah (дата обращения 10.10.2023).

3. Шигуров, А.В. К вопросу об ответственности за неявку в суд кандидатов в присяжные заседатели / А.В. Шигуров, Р.А. Коньков // Современные научные исследования и инновации. – 2017. – № 4 [Электронный ресурс]. – URL:<http://web.snauka.ru/issues/2017/04/80660> (дата обращения 12.10.2023).

4. Jury Excusal and Deferral, Research Findings. 1999. № 102 // Home Office Research Development and Statistics Directorate [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.ojp.gov/ncjrs/virtual-library/abstracts/jury-excusal-and-deferral> (дата обращения 16.10.2023).

5. Review of the Criminal Courts of England and Wales. Chapter 5 – Juries [Электронный ресурс]. – URL:<https://www.criminal-courts-review.org.uk/ccr-05.htm#1> (дата обращения 01.10.2023).

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ЦИФРОВИЗАЦИИ СУДА ПРИСЯЖНЫХ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ В ВЕЛИКОБРИТАНИИ

Курбатова Светлана Михайловна^{1,2}

кандидат юридических наук, доцент

Красноярский государственный аграрный университет ¹, г. Красноярск, Россия

Красноярский государственный медицинский университет им. профессора

В.Ф. Войно-Ясенецкого ², г. Красноярск, Россия

email: sveta_kurbatova@mail.ru

Аннотация: Представлена характеристика некоторых вопросов, касающихся процесса цифровизации института суда присяжных по уголовным делам в Великобритании. Обозначен ряд проблем; сделан ряд выводов применительно к тенденции цифровизации российского уголовного судопроизводства применительно к модели суда с участием присяжных заседателей.

Ключевые слова: суд присяжных, присяжные заседатели, цифровизация, Великобритания.

SOME ASPECTS OF DIGITIZATION OF CRIMINAL JURY TRIALS IN THE UK

Kurbatova Svetlana Mikhailovna^{1,2}

candidate of legal sciences, associate professor

Krasnoyarsk state agrarian university ¹,

Krasnoyarsk state medical university named after prof. V.F. Voino-Yasenetsky²,

Krasnoyarsk, Russia

email: sveta_kurbatova@mail.ru

Abstract: The characteristics of some issues related to the process of digitalization of the institution of jury trials in criminal cases in the UK are presented. A number of problems are identified; a number of conclusions have been made in relation to the trend of digitalization of Russian criminal proceedings in relation to the trial model with the participation of jurors.

Keywords: jury trial, jurors, digitalization, United Kingdom.

В Великобритании, как и во многих других странах, период пандемии стал своеобразным толчком для расширения сфер применения различных информационных технологий. В том числе это затронуло производство уголовных дел в суде с участием присяжных заседателей. Подобный инновационный опыт представляет интерес не только с организационной и содержательной сторон, но и потому, что в последнее десятилетие в Соединенном Королевстве Великобритании и Северной Ирландии неоднократно поднимался и обсуждался вопрос о том, насколько необходим суд присяжных на современном этапе [5].

В частности, Дж. Гормли в своем исследовании выделяет несколько положительных аспектов применения информационных технологий и цифровизации производства по рассмотрению уголовных дел с участием присяжных заседателей [4], при том, что вопросам цифровизации уголовного судопроизводства уделяется в последнее время большое внимание, в том числе и в России [1, 2, 3].

- Как правило, отмечается в литературе, присяжные заседатели являются пассивными наблюдателями за судебными разбирательствами с ограниченным формальным участием. Основными формальными областями, где требуется взаимодействие с присяжными заседателями и между ними, являются: 1) отбор присяжных заседателей (это можно упростить) и 2) обсуждения, которые производятся присяжными заседателями при вынесении вердикта. С цифровым жюри судебные процессы могли бы остаться аналоговыми и в основном работать так, как они были всегда. С этой точки зрения судебные процессы не обязательно должны транслироваться «в прямом эфире», и нет особых причин, по которым даже задержка в несколько недель обязательно стала бы фатальной для идеи цифровых присяжных. Таким образом, судебные заседания могут записываться и предоставляться присяжным заседателям в различных форматах (физических или цифровых). Однако следует также отметить, что можно привести веский аргумент в пользу существования важного неформального канала общения между юристами–профессионалами и присяжными заседателями, а также между обвиняемыми и присяжными заседателями, посредством которого присяжные заседатели могут вносить свой вклад невербально. Эту тонкую форму общения невозможно воспроизвести даже в прямом эфире [4].

- Некоторые суды испытывают трудности с доступом в Интернет. Поэтому даже отсутствие формата «участие присяжных заседателей в судебном процессе в прямом эфире», представленного выше, остается вопросом организации и проведения процедуры отбора присяжных и процесса совещания присяжными по поводу уголовного дела, в производстве по которому принимали участие. Как вариант, Дж. Гормли предлагает производить отбор присяжных заранее и сделать его административной процедурой. Что касается этапа обсуждения и совещания присяжными заседателями, то для осуществления этого в формате онлайн им с потребуется доступ к интернет-сервисам (или, по крайней мере, к телефонной связи). У многих, вероятно, дома есть подключение к Интернету / телефону, поэтому, возможно, потребуется только предоставить соответствующее программное обеспечение (существуют различные варианты) или номер для набора конференц-связи. В качестве альтернативы, такие услуги интернета / телефонной связи могут предоставляться тем, у кого их нет (например, предоставление присяжному заседателю комнаты в любом подходящем здании - не обязательно в суде). Это предоставление услуг связи избавило бы от необходимости предвзятого отбора присяжных, отобрав только тех, у кого есть интернет / телефонные услуги (не то чтобы отбор присяжных в настоящее время полностью лишен предвзятости - например лица с ограниченными физическими возможностями могут быть не в

состоянии присутствовать на суде физически, но иметь возможность участвовать в работе цифрового жюри). Таким образом, например, присяжные заседатели могли сначала наблюдать за ходом судебного разбирательства (будь то онлайн или на физических носителях), а затем конфиденциально обсуждать его с другими присяжными заседателями. Этот процесс, насколько это представляется практически возможным в данных обстоятельствах, будет повторять нынешнюю систему суда присяжных.

- Защита данных. Теоретически суды являются публичными, но на практике это имеет реальные пределы. В целях текущей чрезвычайной ситуации, возможно, было бы разумно ограничить цифровую рекламу, чтобы цифровое разбирательство было доступно только тем, кто участвует в деле (суды уже имеют функционально аналогичные ограничения, и основной потерей в текущей ситуации является возможность общественности лично наблюдать за разбирательством). Основным исключением из ограничения цифровой рекламы может быть то, когда обвиняемый и любые свидетели дают свое согласие (если только обвиняемый даст согласие, то свидетели могут быть удалены, если это возможно, или цифровая реклама останется ограниченной - с нарушениями, которые могут повлечь за собой неуважение к суду или какое-либо другое (потенциально новое) правонарушение). Однако, хотя защита данных имеет решающее значение, тем не менее, защита данных сама по себе не является причиной избегать оцифровки [4].

Безусловно, подобного рода информационно-технологичный процесс участия присяжных заседателей в судебном производстве по уголовным делам вызывает много вопросов, однако, с учетом, разнообразных проблем, которые отличают современную модель суда с участием присяжных заседателей, и прежде всего – обеспечение явки в процесс самих присяжных заседателей, возможности, которые предоставляют современные технологии, безусловно, интерес для их исследований. Тем не менее это важно осуществлять комплексно и системно, не забывая и о разнообразных трудностях и даже проблем организационного и правового характера.

Список литературы

1. Бертовский, Л.В. Перспективы применения технологии "блокчейн" в уголовном судопроизводстве / Л.В. Бертовский, Г.С. Девяткин // Деятельность правоохранительных органов в современных условиях : сборник материалов XXIV международной научно-практической конференции, Иркутск, 06–07 июня 2019 года / Восточно-Сибирский институт МВД России. – Иркутск: Восточно-Сибирский институт Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2019. – С. 115-118.

2. Бертовский, Л.В. Цифровое судопроизводство: проблемы становления / Л.В. Бертовский // Проблемы применения уголовного и уголовно-процессуального законодательства: Сборник материалов международной научно-практической конференции, Симферополь, 19–20 апреля 2018 года. – Симферополь: Общество с ограниченной ответственностью «Издательство Типография «Ариал», 2018. – С. 173-178.

3. Савельев, А.И. Некоторые правовые аспекты использования смарт-

контрактов и блокчейн-технологий по российскому праву / А.И. Савельев // Закон. – 2017. – № 5. – С. 94-117.

4. Gormley, Jay. The Jury is Out on Solemn Trials, 2020 / JayGormley[Электронныйресурс]. – URL:<https://www.strath.ac.uk/humanities/lawschool/blog/thejuryisoutonsolemntrials/> (датаобращения 12.10.2023).

5. Trial by jury has no place in modern Britain [Электронныйресурс]. – URL: <https://studentshare.org/law/1436016-trial-by-jury-has-no-place-in-modern-britain> (датаобращения 15.10.2023).

УДК 340.1*342.5

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ТЕХНОЛОГИЙ ПРИ ВЫНЕСЕНИИ ПРИГОВОРА

Лещик Екатерина Андреевна

Красноярский государственный аграрный университет, г. Красноярск, Россия
email: e_gorbova@bk.ru

Научный руководитель: Курбатова Светлана Михайловна

кандидат юридических наук, доцент

Красноярский государственный аграрный университет, г. Красноярск, Россия
email: sveta_kurbatova@mail.ru

Аннотация: В данной статье изучены возможности и применение современных интеллектуальных систем в процессе вынесения судебных решений. Применение общенаучных, формально-юридического и сравнительно-правового методов исследования позволили выявить возможности применения интеллектуальных технологий при вынесении судами решений по уголовным делам.

Ключевые слова: уголовное дело, информационные технологии, криминалистика, уголовный процесс, судебная система.

LEGAL RESPONSIBILITY FOR ENVIRONMENTAL OFFENSES

Leshik Ekaterina Andreevna

Krasnoyarsk state agrarian university,
Krasnoyarsk, Russia
email: e_gorbova@bk.ru

Scientific supervisor: Svetlana Mikhailovna Kurbatova

associate professor, candidate of legal sciences
Krasnoyarsk state agrarian university,
Krasnoyarsk, Russia
email: sveta_kurbatova@mail.ru

Abstract: This article examines the capabilities and application of modern intelligent systems in the process of making judicial decisions. Application of general scientific, formal legal and comparative legal research methods made it possible to

identify the possibilities of using intelligent technologies when courts make decisions in criminal cases.

Keywords: criminal case, criminology, information, technology criminal process, judicial system.

В последнее время в юриспруденции сложилась тенденция на более динамичное исследование проблем использования информационно-цифровой революции при отправлении правосудия. Несмотря на консервативность судебных институтов, в силу ряда причин нельзя полностью игнорировать активное проникновение информационных технологий в правоприменительную деятельность. Современные технологии все чаще и чаще используются в рамках различных правовых систем судами при рассмотрении гражданских и уголовных дел. Стоит отметить, что на данный момент процесс всеобщей цифровизации не мог не затронуть такую важную сферу как государственную деятельность, -осуществление правосудия. В связи с этим возникли и активно используются термины "электронное" или "цифровое" правосудие, в содержание которого ученые, граждане и судьи, вовлеченные в процесс судопроизводства, вкладывают иногда разный смысл.

В феврале прошлого года на совещании председателей региональных судов общей юрисдикции и арбитражных судов, Председатель Правительства РФ Д. А. Медведев рассказал о важности участия судебной системы в процессе цифровизации страны и связал осуществляющуюся работу по технической модернизации судов с внедрением огромной национальной программы по цифровой экономике. В этой связи Дмитрием Анатольевичем были отмечены знаковые достижения в цифровизации судов, как действующая с 2012 г. автоматизированная система ГАС "Правосудие", в базе данных которой находится уже более 80 млн. дел, расширяющаяся возможность подачи документов в суд в электронном виде, участие в судебных заседаниях с помощью системы видеоконференций. Также лично хочу отметить систему «КРОК», в которой я лично работала долгое время, когда была сотрудником аппарата суда. Ведение аудио- протоколирования также активно вошло в жизнь секретарей судебных заседаний, что значительно упразднило работу аппарата судьи.

Конечно, инновационные технологии в уголовном делопроизводстве стоит отметить не только в судебном делопроизводстве, но и на стадии оперативно-разыскных действий при возбуждении уголовного дела, в т.ч. в криминалистике.

Так, летом 2022 года в г. Железногорске Красноярского края было совершено «зверское» убийство несовершеннолетней 16-летней девушки. Позже ее найдут на территории городского парка, прикрытой кустами. В следствии много вопросов, один из которых зачем и как было совершено убийство ни в чем не повинного ребенка. Вернувшись к теме инновационных технологий, хочется отметить достижения в криминалистике, на основании результатов которой на сегодняшний день ежедневно раскрываются десятки убийств, изнасилований, краж, разбоев. Убийца 16-летней девушки из г.

Железногорска также был найден посредством отпечатков пальцев, биологических материалов, которые находились под ногтями потерпевшей. Безусловно, криминалистика в наше время играет важнейшую роль при оперативно розыскных мероприятиях, следовательно в дальнейшем при вынесении приговора в здании суда.

По словам Генерального директора Судебного департамента при Верховном Суде РФ, на данный момент проходит активное занятие по разработке и развитию межведомственного электронного взаимодействия судов с государственными структурами и на федеральном уровне (1). В рамках этого проекта в судах г. Москвы начата и осуществляется большая работа по "цифровизации" дел, то есть по переводу их с традиционного бумажного носителя в электронную форму. В соответствии с установленным порядком все документы, которые сопровождают исполнение по делу в суде (постановления, приговоры, протоколы, определения, писчие ходатайства, переписка со структурами и др.), сканируются с помощью планетарных и поточных сканеров в электронные документы, образуя электронное дело. Удаленный доступ к этому электронному делу могут владеть участники уголовного судопроизводства через личный кабинет, размещенный на официальном сайте суда. Они могут знакомиться с материалами дела, не приходя в здание суда, отслеживать перемещение дела, поступление ходатайств, жалоб, отзывов. Есть возможность ознакомиться с аудио- и видеозаписью судебного заседания. После создания электронного дела находящиеся в нем документы невозможно исправить или каким-то образом сфальсифицировать, а в случае утраты "бумажного" дела, его легко восстановить. Рассмотренные и исполненные электронные дела помещаются в электронный архив, находящийся в городском суде. Считаю, что цифровое использование дела влияет на существенную экономию и рациональное использование офисной бумаги.

Вернувшись к теме цифрового документооборота, стоит отметить, что в столице страны, благодаря взаимодействию судов города с УФССП РФ по г. Москва, из-за заявления гражданина, в том числе и по уголовному делу, исполнительный документ из суда в электронном виде пересылается в УФССП, где возбуждается исполнительное производство и осуществляются необходимые действия по исполнению судебного документа. Разумеется, это значительно упрощает и ускоряет процедуры по исполнению, исключает возможные злоупотребления в этой сфере. Также, налажено функциональное межведомственное взаимодействие с использованием электронного документооборота судов города с органами МВД, прокуратуры, налоговой службы, судебного департамента, федерального казначейства, Росреестра, Почты России, Росимущества и других государственных органов, содействие которых необходимы для быстрого и беспрепятственного осуществления правосудия. В 2021 году, когда я решила уволиться из рядов сотрудников суда, данные нововведения вводились и в судах Красноярского края.

Что касается уголовных дел, то сканированию подвергается только та их часть, которая связана с производством по делу в суде. Досудебная часть существует только в традиционном бумажном виде. В этой связи становится

актуальной проблема "цифровизации" и следственного производства. Считаю, что вопрос полностью актуален.

Содержащиеся под стражей обвиняемые и осужденные, отбывающие наказание в местах лишения свободы, которые хотят ознакомиться с материалами следственного производства могут изучить материалы с созданием полной электронной копии уголовного дела, которое можно было бы направить в следственный изолятор или исправительную колонию по каналу связи [2].

Создание электронного уголовного дела и некоторые другие инновации в области внедрения цифровых технологий в большей степени обязаны достижением отдельных руководителей судебных служб, органов. Хочется также отметить, что эти процедуры нуждаются в нормативном регулировании, а также в материальной и технической поддержке.

Следует признать, что создание электронного уголовного дела - важнейший шаг по демократизации и открытости уголовного судопроизводства, защиты его от фальсификации, злоупотреблений, и коррупционных рисков. Многие исследователи связывают с ним будущее уголовного права в нашей стране и в мире [3].

Список литературы

1. Генеральный директор Судебного департамента А.В. Гусев дал интервью компании «Гарант». 20.02.2018 [Электронный ресурс]. – URL: www.cdep.ru/index.php?id=59&item=4377 (дата обращения: 03.10.2023).

2. Международная конференция «Суд XXI века: Технологии на службе правосудия» [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.mos.ru/news/item/41071073/?ysclid=lp4vi31q1x920216499> (дата обращения: 03.10.2023).

3. Халиков, А.Н. Соотношение современной информационной сферы с государственной монополией на расследование уголовных дел при использовании цифровых технологий в уголовном судопроизводстве / А. Н. Халиков // Библиотека криминалиста. Научный журнал. – 2018. – № 3. – С. 101-105.

4. Макарова, О.В. Совершенствование судопроизводства путем внедрения электронной формы уголовного дела / О.В. Макарова // Журнал российского права. – 2019. – №2. – С. 31-36.

УДК347.235

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ МЕХАНИЗМА ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ СОБСТВЕННОСТИ НА ЗЕМЛЮ

Макаренко Екатерина Андреевна

Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия
email: ekaterinanime6@mail.ru

Аннотация: В статье раскрываются методологические основы исследования механизма правового регулирования государственной собственности на землю. Изложена совокупность научных представлений на применяемые методы и их допустимость в раскрытии выбранной темы. Показано, что методологическую базу составляют некоторые методы, относящиеся к всеобщим, общенаучным и специально-юридическим группам методов.

Ключевые слова: методология, метод, исследование, механизм правового регулирования, государственная собственность, государственные земли.

METHODOLOGICAL FOUNDATIONS OF THE STUDY OF THE MECHANISM OF LEGAL REGULATION OF STATE OWNERSHIP OF LAND

Makarenko Ekaterina Andreevna

Krasnoyarsk State Agrarian University,
Krasnoyarsk, Russia
email: ekaterinanime6@mail.ru

Abstract: The article reveals the methodological foundations of the study of the mechanism of legal regulation of state ownership of land. A set of scientific ideas on the methods used and their acceptability in the disclosure of the chosen topic is presented. It is shown that the methodological basis consists of some methods related to general, general scientific and special legal groups of methods.

Keywords: methodology, method, research, mechanism of legal regulation, state property, state lands.

Изучение основополагающих методов исследования является актуальной сферой научного знания. Каждое научное исследование не представляется возможным без умения оперировать всеми доступными методами познания. Основной функцией любого метода является внутренняя организация и регулирование процесса познания или практического преобразования того или иного объекта [1, с. 56]. Поэтому, представляется интересным рассмотреть методологические основы правового исследования по теме механизм правового регулирования института государственной собственности на землю.

Традиционно все методы разделяют на три основные группы: всеобщие, общенаучные и методы конкретных наук (в частности, специально-юридические). Предполагается, что работа должна вестись в целостном подходе, с использованием методов из всех групп. В тоже время, методологический потенциал должен складываться из научных методов, способных поднять тему и подчеркнуть значимость исследования.

Среди всеобщих методов нельзя не рассмотреть диалектический метод. Данный метод в исследовании применяется под условием существования противоречий. В заданной теме фундаментальным является понятие «государственная собственность». В контексте права государственная собственность является обширной категорией, включающей в себя конкретные виды: федеральную и региональную собственность. Данные категории в ряде случаев противопоставляются друг другу (например, при резервировании или изъятии земель возможен спор о том, в какую категорию собственности данные земли должны перейти). В тоже время, федеральная и региональная собственность являются единым целым в контексте государственной собственности. Такое соотношение можно описать как единство и борьба противоположностей. Подобное соотношение наблюдается в вопросах разграничения собственности. Государственная собственность находится в совместном ведении Российской Федерации и субъектов Российской Федерации[2]. В то же время Российская Федерация и субъекты Российской Федерации имеют принципиально разные полномочия в области земельных отношений.

При этом, в исследовании вполне употребим метод, противоположный диалектическому – это метафизический метод. Для данного метода характерно абстрагированное изучение явления (процесса), без поиска противоречий и оценки изменчивости. Так, например, государственная собственность является собирательным понятием и состоит из нескольких элементов. Но по метафизическому подходу должно осуществляться абстрагированное изучение только одного элемента – государственной собственности на землю (отдельно от государственной собственности в целом).

Из общенаучных методов наиболее полезным представляется анализ – это общелогический метод, который является распространенным методом в работах, предусматривающих аналитическую концепцию исследования. Предполагается всесторонне исследование предмета путем его деления на составляющие части. Таким образом, научное познание приобретает всесторонний характер. Например, воплощение норм, регламентирующих вопросы государственной собственности на землю, на практике изучается через призму анализа судебных решений.

Допустимо использование и противоположного метода – синтеза. Данный метод, наоборот, предполагает соединение разрозненных элементов в единое целое. При этом, синтез должен быть обоснован общностью элементов по определенному критерию. Так, уполномоченные органы различных уровней самостоятельны в своей компетенции в вопросах регулирования правоотношений с государственными землями, но при этом все они

подчиняются единым принципам и входят в единую группу субъектов-участников соответствующих правоотношений.

Одним из основных методов является исторический метод. Согласно ему, объект исследования следует изучать с учетом его исторического развития. В различные периоды отечественной истории отношение государства к вопросам установления прав на землю существенно отличалось. Наибольшее развитие институт государственной собственности на землю достиг в советский период, когда государственная собственность была единственной формой собственности на землю. Принимаемые ранее решения, вносимые в законодательные акты, могут оказаться применимыми к современному законодательству или же наоборот обосновать иной вектор развития законодательного инструментария по вопросам правового регулирования государственной собственности на землю. Таким образом, включение в методологию исследования исторического метода является обоснованным. При этом, необходимо отметить, что при осуществлении явного сравнения механизмов правового регулирования государственной собственности на землю в исторической плоскости метод целесообразно преобразовать в сравнительно-исторический.

Среди специально-юридических методов представляется полезным для исследования герменевтический метод. Правовая герменевтика – это широко распространенный, но в тоже время сложный метод исследования. Основная сложность реализации метода заключается в том, что «...текст нормы есть документ особого мировоззрения автора и толкуется с позиции современного исследователя совершенно по-другому» [3, с. 18]. Поэтому, определение именно того содержания понятий, которое закладывал автор, оказывается непростой задачей. В процессе научного исследования образцы аутентического и легального толкования могут оказаться недостаточными, и тогда применяется доктринальное толкование – основное воплощение герменевтического метода (например, отсутствие законодательной дефиниции «договор аренды государственных земель» позволяет ученым осуществлять авторское толкование данного термина, как одной из форм распоряжения государственной собственностью на землю).

Метод компаративистики в юриспруденции предполагает исследование сопоставимых государственно-правовых объектов, выявляет общие закономерности возникновения, развития и функционирования правовых систем современности [4, с. 40]. Возможно сравнение норм и положений, например, по вопросам мониторинга земель, федерального государственного земельного контроля. Метод сравнительного правоведения может осуществляться на международном или межгосударственном уровне (например, среди стран СНГ). Ключевым при использовании данного метода является соблюдение принципа сравнимости, т.е. возможности конструктивного сопоставления. Так, сравнение механизмов правового регулирования государственных земель в Российской Федерации и в Республике Корея не будет конструктивным. Очевидна разница в площади

земель, что в свою очередь влияет на характер правового регулирования и степень императивности норм.

Также нельзя не заметить, что из видимого научного поля использования соответствующих методов научного поиска оптимального механизма правового регулирования института государственной собственности на землю могут выпасть отдельные методы и подходы. Однако дальнейшее исследование позволит устранить данный момент и задействовать дополнительные научные методы и подходы, одним из которых является компенсаторный, уже ставший предметом пристального теоретического исследования [5].

Итак, методологическую основу исследования механизма правового регулирования государственной собственности на землю составил комплекс методов: диалектический и метафизический метод, методы анализа и синтеза, исторический метод, герменевтический метод и метод компаративистики. Применение указанных методов позволит составить комплексное представление о нормативно-правовом регулировании вопросов принадлежности земель к государственной собственности.

Список литературы

1. Соромотина, В.А. Методология и методы юридической науки / В.А. Соромотина // Вопросы российской юстиции. – 2022. – № 18. – С. 54-58.
2. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // СПС «КонсультантПлюс: Законодательство».
3. Кожевников, В.В. О герменевтическом методе в правоведеии / В.В. Кожевников // Вестник Омского университета. Серия: Право. – 2020. – Т. 17.- № 1. – С. 15-26.
4. Скоробогатов, А.В. Правовая природа и статус юридической компаративистики / А.В. Скоробогатов // Ученые записки Казанского филиала "Российского государственного университета правосудия". – 2020. – Т. 16. – С. 38-48.
5. Тепляшин, П.В. Социально-правовая обусловленность реализации компенсаторного подхода в современной законотворческой и правоприменительной деятельности государства / П.В. Тепляшин // Обеспечение прав участников уголовного судопроизводства с ограниченными возможностями: компенсаторный подход: материалы Международной научно-практической конференции (18-19 июня 2021 года, г. Красноярск). Часть 1. – Красноярск: Национальный исследовательский университет «Московский институт электронной техники»; Сибирский юридический институт МВД России; Красноярский государственный аграрный университет, 2021. – С. 100-106.

УДК 34.06

**МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ МЕХАНИЗМА
ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ПОРЯДКА ВОЗМЕЩЕНИЯ ВРЕДА,
ПРИЧИНЕННОГО ЖИЗНИ ИЛИ ЗДОРОВЬЮ ГРАЖДАНИНА
ПРИ ОКАЗАНИИ МЕДИЦИНСКИХ УСЛУГ**

Моргун Александра Александровна, магистр
Красноярский государственный аграрный университет, г. Красноярск, Россия
email: morgun.aleksandra98@mail.ru

Тепляшин Павел Владимирович,
доктор юридических наук, профессор
Красноярский государственный аграрный университет, г. Красноярск, Россия
email: pavlushat@mail.ru

Аннотация: В статье авторами предоставлен результат методологического исследования механизма правового регулирования порядка возмещения вреда, причиненного жизни или здоровью гражданина при оказании медицинских услуг. Результаты исследования, полученные в ходе реализации методов научного познания, таких как: герменевтический, социологический, сравнительного правоведения, формально-юридический, позволят оптимизировать изучение проблем возмещения вреда, причиненного вследствие оказания ненадлежащей или не оказания надлежащей медицинской услуги.

Ключевые слова: человек, здоровье и жизнь граждан, нематериальные блага, возмещение вреда, ответственность, оказание медицинской услуги.

**METHODOLOGICAL FOUNDATIONS OF THE STUDY OF THE
MECHANISM OF LEGAL REGULATION OF THE PROCEDURE FOR THE
COMPENSATION OF HARM CAUSED TO THE LIFE OR HEALTH OF A
CITIZEN FOR THE PROVISION OF MEDICAL SERVICES**

Morgun Alexandra Alexandrovna, master
Krasnoyarsk state agrarian university,
Krasnoyarsk, Russia
email: morgun.aleksandra98@mail.ru

Teplyashin Pavel Vladimirovich,
doctor of law, professor
Krasnoyarsk state agrarian university,
Krasnoyarsk, Russia
email: pavlushat@mail.ru

Abstract: In the article, the authors provide the result of a methodological study of the mechanism of legal regulation of the procedure for compensation for

damage caused to the life or health of a citizen for the provision of medical services. The results of the research obtained during the implementation of methods of scientific cognition, such as hermeneutical, sociological, comparative law, formal legal, will optimize the study of the problems of compensation for harm due to the provision of improper or non-provision of appropriate medical services.

Keywords: a person, the health and life of citizens, intangible benefits, compensation for harm, responsibility, provision of medical services.

Существует множество внешних факторов, которые создают угрозу здоровью и жизни человеку, при которых человек остаётся беззащитным. Такими факторами могут являться техногенные катастрофы, стихийные бедствия и происшествия, преступные посягательства, социальные негативные явления. Из всего этого следует, что актуальность выбранной темы предопределена, прежде всего, тем, что жизнь и здоровье – наивысшая ценность, права на которые даны и гарантированы Конституцией Российской Федерации.

Российское законодательство традиционно принято разделять на отрасли права, которые решают поставленные перед собой задачи, в том числе, обеспечения физической безопасности человека в обществе. Между тем, каждой отрасли присущи свои способы и средства достижения поставленных задач. В гражданском законодательстве задача по обеспечению физической безопасности человека решается сферой наложения ответственности за причинённый вред жизни или здоровью человека. В этом контексте гражданское законодательство определяет жизнь и здоровье человека как нематериальные блага. Если эти блага пострадают из-за неправомерных действий или бездействия другого лица, то возникает необходимость компенсировать причиненный ущерб в рамках гражданской правовой ответственности. В итоге, цель гражданского законодательства состоит в защите жизни и здоровья людей, а также в обеспечении справедливого возмещения ущерба, возникшего в результате их нарушения.

Исследование механизма правового регулирования возмещения вреда здоровью и жизни человека, причиненного вследствие ненадлежащего или неоказания надлежащей медицинской услуги, является крайне актуальным. Следует отметить, что специальных норм, регулирующих обязательств по возмещению вреда, причиненного жизни и здоровью гражданина при оказании медицинских услуг, отсутствуют, а общие положения норм, регулирующие обязательства по возмещению вреда, нуждаются в совершенствовании, что также повышает значимость и актуальность темы научного исследования.

Сложность механизма правового регулирования порядка возмещения вреда, причиненного жизни или здоровью гражданина при оказании медицинских услуг, обусловлена множеством факторов, таких как: многообразие медицинской практики, определение причинно-следственной связи, юридические и процессуальные аспекты и их различия в правовых системах.

Важным инструментом исследования механизма правового регулирования порядка возмещения вреда, причиненного жизни или здоровью гражданина при оказании медицинских услуг, будет выступать комплекс научных методов, именно их использование позволит достичь более полного и всестороннего исследования обозначенной темы.

В ходе методологических основ исследования проблем будут применяться общие методы научного познания, такие как - анализ, который предполагает изучение судебной практики и статистики обращений граждан по вопросам возмещения вреда, причиненного жизни или здоровью граждан в связи с оказанием медицинских услуг ненадлежащего качества. Этот метод позволяет провести детальное и всестороннее исследование, определить причины возникновения таких проблем, а также выявить тенденции и закономерности в данной области.

Совместно с анализом нами будет применяться метод исторического исследования, где одним из ключевых этапов исследования является анализ законодательства и правовой практики разных периодов и сравнение этих данных. Начиная с древних цивилизаций, когда возмещение вреда осуществлялось в виде кровной мести, и до современности, где сформировано сложное правовое поле, такие исследования позволят нам узнать, как менялись представления о юридической ответственности за ошибки в медицинской практике. Мы исследуем возникновение первых медицинских кодексов и их влияние на правила возмещения вреда, а также роль юридической науки и судебной практики в формировании современной системы компенсации.

После детального и всестороннего исследования, наступает следующая стадия познания – синтез. Целью данной стадии является объединение в единое целое разделенных и рассмотренных анализом элементов. Синтез представляет собой процесс, в ходе которого предыдущие исследования и анализы сводятся воедино, позволяя получить новое, более глубокое и полное понимание изучаемого предмета.

Одной из особенностей изучаемого предмета является необходимость использования специфических научных и правовых методов исследования. В данном контексте применяются такие подходы, как герменевтический, социологический, сравнительного правоведения, формально-юридический.

Герменевтический метод необходимо применять с целью осмысления интерпретации смысла и содержания норм и понятий, поскольку научное исследование затрагивает толкование таких понятий как: «гражданско-правовая ответственность», «вред, причиненный жизни или здоровью граждан», «оказание медицинских услуг ненадлежащего качества» и нормы права, которые регулируют данный институт.

Социологический метод имеет важное значение при определении теоретического познания в области социальной реальности, особенно касаясь вопросов компенсации вреда, причиненного гражданам в области здоровья и медицинского обслуживания. Социологический опрос – это наиболее распространенный, экономный и четкий метод сбора информации с помощью общения [2, с. 167]. Его основное преимущество состоит в простоте

организации и высокой скорости проведения. Опрос проводится в форме анкетного опроса, беседы или социологического интервьюирования. Это позволяет получить широкий спектр данных, отражающих мнения и взгляды опрашиваемых лиц.

Цель проведения опросов заключается в получении полной и всесторонней информации о факторах компенсации вреда, который был причинен гражданам в области здоровья и медицинского обслуживания. Нашей задачей является изучение как объективных, так и субъективных составляющих этого процесса, с целью выявления всех возможных причин возникновения такого вреда.

Метод сравнительного правоведения целесообразно использовать при анализе зарубежной практики правового регулирования возмещения вреда, причиненного жизни или здоровью гражданина по оказанию медицинских услуг. На основе полученных данных будет разработаны рекомендации по усовершенствованию законодательства и защите прав пациентов в России. Это может включать изменение нормативных актов, внесение новых регулятивных механизмов, обучение и повышение квалификации медицинских работников, а также разработку информационных материалов для пациентов о их правах и процедурах возмещения вреда. При этом в качестве объекта исследования целесообразно брать правовую систему, близкую по историческому континууму и относимую к одной «правовой семье». Как указывает П.В. Тепляшин, «в современном мире правовые регуляторы начинают отставать от стремительно растущих потребностей личности и образуются юридические лакуны и правовые коллизии в регулировании общественных отношений» [1, с. 103]. Следовательно, при таких особенностях современных правовых регуляторов актуальным является идентичный правовой опыт стран во многом общих по юридическому «духу».

Таким образом, метод сравнительного правоведения позволяет использовать зарубежный опыт и практику для улучшения законодательства, и защиты прав пациентов в России, создавая более эффективные и справедливые механизмы компенсации вреда, причиненного жизни и здоровью граждан.

Формально-юридический метод познания является существенным инструментом, необходимым для осмысления и изучения предмета исследования. В его основе лежит строгое соблюдение юридических процедур и правил, которые направлены на обеспечение справедливости и защиты прав пострадавших. Данный метод предусматривает рассмотрение каждого конкретного случая возмещения вреда в соответствии с действующим законодательством и применимыми нормами права. При этом учитывается как материальный ущерб, вызванный потенциальной потерей дохода, медицинскими расходами и другими непосредственными расходами, так и моральный ущерб, связанный с физической и эмоциональной болью, психологическим стрессом и утратой жизненных возможностей.

Таким образом, применение указанных методов оптимизирует изучение проблем правового регулирования возмещения вреда, причинного жизни или здоровью гражданина при оказании медицинских услуг, а также поспособствует разработке путей их разрешения.

Список литературы

1. Тепляшин, П.В. Социально-правовая обусловленность реализации компенсаторного подхода в современной законотворческой и правоприменительной деятельности государства / П.В. Тепляшин // Обеспечение прав участников уголовного судопроизводства с ограниченными возможностями: компенсаторный подход: материалы международной научно-практической конференции (18-19 июня 2021 года, г. Красноярск). Часть 1. Красноярск: Национальный исследовательский университет «Московский институт электронной техники»; Сибирский юридический институт МВД России; Красноярский государственный аграрный университет, 2021. – С. 100-106.

2. Яковлева, Н.Ф. Социологическое исследование / Н.Ф. Яковлева // [Электронный ресурс]: учеб. пособие. – 2-е изд., стер. – М.: ФЛИНТА, 2014. - 250с.

УДК 347.9

ЗНАЧЕНИЕ ИМУЩЕСТВЕННОГО ПОЛОЖЕНИЯ ГРАЖДАНИНА ПРИ РАСПРЕДЕЛЕНИИ СУДЕБНЫХ РАСХОДОВ ПО ДЕЛУ

Орлова Александра Ивановна

кандидат юридических наук, доцент

Красноярский государственный аграрный университет, г. Красноярск, Россия
email: ai_orlova@mail.ru

Аннотация: Данная статья посвящена проблеме отсутствия четких критериев применения судами правила об освобождении гражданина от судебных расходов или снижения их размера с учетом его имущественного положения. Автор приходит к выводу, что допускаемые судами ошибки порождены несовершенством законодательного регулирования и предлагает внесение соответствующих изменений в процессуальное законодательство.

Ключевые слова: гражданский процесс, судебные расходы, судебское усмотрение.

THE IMPORTANCE OF A CITIZEN'S PROPERTY STATUS IN THE DISTRIBUTION OF COURT COSTS IN A CASE

Orlova Aleksandra Ivanovna

candidate of legal sciences, associate professor

Krasnoyarsk state agrarian university,

Krasnoyarsk, Russia

email: ai_orlova@mail.ru

Abstract: This article is devoted to the problem of the lack of clear criteria for the application by the courts of the rule on the exemption of a citizen from legal expenses or their reduction taking into account his property status. The author comes

to the conclusion that the mistakes made by the courts are caused by the imperfection of legislative regulation and proposes to make appropriate changes to the procedural legislation.

Keywords: civil procedure, court costs, judicial discretion.

В основе содержащегося в ст. 98 ГПК РФ правила о распределении судебных расходов по делу, в силу которого сторона, в чью пользу вынесено судебное постановление, вправе отнести на противоположную сторону все судебные расходы по делу, лежит представление о том, что с экономической точки зрения правосудие не должно повлечь умаление имущественной сферы лиц, чьи права или законные интересы были нарушены, а также лиц, к которым необоснованно (в отсутствие со стороны последних нарушения прав и законных интересов лица, обратившегося в суд) предъявлены иски. В первом случае речь идет о возможности компенсации понесенных судебных расходов истцами либо третьими лицами, заявляющими самостоятельные требования относительно предмета спора, при принятии судебного постановления об удовлетворении соответственно иска либо требования третьего лица, во втором – о возмещении расходов, понесенных ответчиками, при отказе в удовлетворении предъявленных к ним требований.

Аналогичные положения содержатся в иных процессуальных актах (ст. 110 АПК РФ, ст. 111 КАС РФ) и направлены, с одной стороны, на обеспечение доступности правосудия, под которым понимается гарантированная законом возможность для заинтересованных лиц инициировать судебный процесс в любой его стадии и получить судебную защиту посредством вынесения законного и обоснованного судебного акта [1; с. 136-137]. Предполагается, что лицо, чье право (законный интерес) нарушено, не должно «просчитывать» экономическую целесообразность защиты своего права в судебном порядке, сравнивая полученную в случае удовлетворения заявленного требования стоимость присуждения с необходимыми для такого удовлетворения судебными расходами, в составе которых могут быть достаточно крупные расходы на оплату услуг представителей, на проведение экспертизы и иные.

С другой стороны, риск возмещения противоположной стороне понесенных последней судебных расходов выступает в качестве сдерживающего фактора для необоснованных обращений в суд, и в этом аспекте также регулирует общее количество рассматриваемых судебных споров.

Достижение указанных задач не предполагает каких-либо изъятий из правила распределения судебных расходов, обусловленных обстоятельствами, связанными с личностью субъекта, обязанного возместить судебные расходы, в том числе с его имущественным положением.

Тем не менее, законодатель, реализуя социальную функцию права, закрепил в ч. 3 ст. 96 ГПК РФ право суда, рассматривающего дело, освободить гражданина с учетом его имущественного положения от уплаты судебных расходов или уменьшить их размер. В этом случае расходы возмещаются за счет средств соответствующего бюджета.

Практика применения данной нормы выявила проблемы различного толкования судами условий и механизма реализации гражданином права на освобождение от возмещения судебных расходов.

Так, содержание ч. 3 ст. 96 ГПК РФ не позволяет однозначно ответить на вопрос, является ли необходимым в целях применения данной нормы обращение гражданина с ходатайством об освобождении или уменьшении судебных расходов либо достаточно в любой форме заявить об их несоразмерности, представив соответствующие доказательства своего имущественного положения. По одному из рассмотренных дел причиной неприменения нижестоящими судами указанной нормы явилось формальное отсутствие ходатайства гражданина, несмотря на фактические доводы его представителя о тяжелом имущественном положении гражданина, заявленные в качестве возражений на заявление о взыскании судебных расходов. Данный подход по результатам рассмотрения кассационной жалобы на судебные акты признан Верховным Судом РФ не соответствующим законодательству с указанием на то, что суду необходимо проверять и принимать во внимание всю совокупность обстоятельств, связанных с имущественным положением гражданина, на которые он ссылается в подтверждение неразумности (чрезмерности) взыскиваемых с него судебных расходов[7].

Одним из вопросов, возникших в судебной практике, явилось определение момента, до которого гражданин может заявить о своем тяжелом имущественном положении в целях освобождения его от судебных расходов либо уменьшения их размера. Согласно позиции Верховного Суда РФ, отменившего постановления нижестоящих инстанций по другому делу, утверждение судов о том, что ходатайство в порядке ч. 3 ст. 96 ГПК РФ об освобождении гражданина с учетом его имущественного положения от уплаты судебных расходов, связанных с оплатой экспертизы, или о снижении их размера разрешается до назначения экспертизы, основано на ошибочном толковании норм процессуального права, подобного ограничения нормативные положения ГПК РФ не содержат, а потому гражданин не может быть лишен возможности обратиться с таким ходатайством и при распределении судом судебных расходов между сторонами в соответствии со ст. 98 ГПК РФ. Иное приводило бы к необеспечению баланса прав и законных интересов участников гражданского судопроизводства, несоблюдению их прав и требований справедливости [3].

В числе граждан, чье имущественное положение необоснованно не было учтено судами нижестоящих инстанций, в практике Верховного Суда РФ отмечены: неработающий пенсионер, одновременно являющийся инвалидом II группы [3], неработающий студент дневной формы обучения [4], нетрудоспособный инвалид II группы [5], гражданин, находящийся на лечении и проходящий курс реабилитации [6], гражданка, после смерти супруга одна воспитывающая несовершеннолетнего ребенка, содержащая также мать-пенсионера и ежемесячно выплачивающая задолженность по кредитным договорам [8], одинокая гражданка-пенсионер, несущая затраты на приобретение медицинских препаратов и других средств реабилитации, в

которых она нуждается в связи с неудовлетворительным состоянием здоровья [9].

Изложенное позволяет заключить, что применение судейского усмотрения, заложенного законодателем в механизм применения ч. 3 ст. 96 ГПК РФ, осуществляется судами произвольно, без учета обстоятельств, заслуживающих внимания.

Несмотря на то, что еще в 2019 году на одном из публичных совещаний председатель совета судей РФ В.В. Момотов высказался в пользу расширения судейского усмотрения в целом как свойства развитых правовых порядков [2], показательным является то, что ошибки, допускаемые судами первой инстанции, не устраняются в судах проверочных инстанций: апелляционной и кассационной. Вероятность же передачи жалобы для рассмотрения по существу в судебную коллегия Верховного Суда РФ крайне мала и составляет чуть более 1% от поданных жалоб.

Представляется, что повышению эффективности применения ч. 3 ст. 98 ГПК РФ судами будет способствовать внесение в данную норму детализирующих порядок её применения положений, а также замена формулировки, трактуемой как право, а не обязанность суда, на более императивную, предписывающую судам освободить гражданина от судебных расходов или снизить их размер при наличии к тому оснований, а именно изложение ч. 3 ст. 98 ГПК РФ в следующей редакции: «3. Суд, а также мировой судья по заявлению гражданина, поданному до разрешения вопроса о распределении судебных расходов, освобождает гражданина от уплаты расходов, предусмотренных частью первой настоящей статьи, или уменьшает их размер при представлении гражданином доказательств его тяжелого имущественного положения, исключающего возможность несения судебных расходов без ущерба для обеспечения базовых потребностей гражданина и находящихся на его иждивении нетрудоспособных членов семьи. В этом случае расходы возмещаются за счет средств соответствующего бюджета».

Список литературы

1. Аргунова, Е.Э. Условия обеспечения права на доступ к правосудию / Е.Э. Аргунова // Вопросы российского и международного права. – 2018. – Том 8. - № 7А. – С. 135–140.

2. ВС: в России все чаще будет применяться "судейское усмотрение"[Электронный ресурс]. – URL:https://rapsinews.ru/judicial_analyst/20190606/300114416.html (дата обращения: 22.03.2023).

3. Обзор судебной практики Верховного суда Российской Федерации № 4 (2021) // СПС «КонсультантПлюс: Судебная практика».

4. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 21.02.2022 № 78-КГ21-63-К3 // СПС «КонсультантПлюс: Судебная практика».

5. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 27.09.2021 № 36-КГ21-3-К2// СПС «КонсультантПлюс: Судебная практика».

6. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 19.07.2021 № 66-КГ21-12-К8// СПС «КонсультантПлюс: Судебная практика».

7. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 07.06.2021 № 5-КГ21-17-К2// СПС «КонсультантПлюс: Судебная практика».

8. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 24.05.2021 № 67-КГПР21-5-К8// СПС «КонсультантПлюс: Судебная практика».

9. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 03.02.2020 № 41-КГ19-52// СПС «КонсультантПлюс: Судебная практика».

УДК 341.1

ПРЕКРАЩЕНИЕ УГОЛОВНОГО ДЕЛА: ОСНОВАНИЯ, ПОРЯДОК, ПОСЛЕДСТВИЯ

Плешакова Наталья Александровна, магистр

Красноярский государственный аграрный университет, г. Красноярск, Россия
email: chulakova.natalya@mail.ru

Научный руководитель: Курбатова Светлана Михайловна

кандидат юридических наук, доцент

Красноярский государственный аграрный университет, г. Красноярск, Россия
email: sveta_kurbatova@mail.ru

Аннотация: Автором работы рассмотрены общие вопросы, возникающие при реализации института прекращения уголовного дела в российском судопроизводстве. Проанализированы основания, порядок и последствия прекращения уголовных дел в связи с назначением меры в виде судебного штрафа. Выявлены некоторые законодательные проблемы по анализируемому вопросу и предложены пути их решения.

Ключевые слова: уголовный процесс, уголовное дело, судебный штраф, преступление, наказание, обвиняемый.

TERMINATION OF THE CRIMINAL CASE: FOUNDATION, ORDER, CONSEQUENCES

Pleshakova Natalia Alexandrovna, master

Krasnoyarsk state agrarian University,
Krasnoyarsk, Russia

email: chulakova.natalya@mail.ru

Scientific supervisor: Kurbatova Svetlana Mikhailovna,
candidate of law, associate professor
Krasnoyarsk state agrarian University,
Krasnoyarsk, Russia
email: sveta_kurbatova@mail.ru

Abstract: The author of the paper considers general issues arising in the implementation of the institution of termination of a criminal case in Russian legal proceedings. The grounds, procedure and consequences of termination of criminal cases in connection with the appointment of a measure in the form of a court fine are analyzed. Some legislative problems on the analyzed issue are identified and ways to solve them are proposed.

Keywords: criminal process, criminal case, judicial fine, crime, punishment, accused.

В июле 2016 года законодателем был введен институт прекращения уголовного дела в связи с назначением меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа, что по мнению многих ученых юристов стало «большим» шагом на пути к гуманизации российского уголовного судопроизводства [2].

По данным, представленным Судебным департаментом при ВС РФ (статистическая отчетность о рассмотрении дел за 2022 г.) в России за прошедший год было прекращено свыше 156 тысяч уголовных дел (далее – УД). Однако, при анализе данной информации специалистами адвокатского бюро «Инфралекс» было отмечено следующее: вполне вероятно, что в 2023 году это количество будет намного ниже предыдущего, поскольку немаловажную роль в данном факторе стала играть система новых кассационных судов, действующих в стране с конца 2019 г. [5]. Вместе с тем, существующие сегодня законодательные пробелы в нормах, регламентирующих анализируемый автором институт, вызывают противоречивую практику его применения. Рассмотрим их более детально.

В доктрине уголовного процессуального права под процедурой прекращения уголовных дел понимают такое его окончание, которое осуществляется в связи с наличием обстоятельств, исключающих дальнейшее его производство или наличием оснований для освобождения лица от уголовной ответственности.

Перечень таких оснований законодатель предусмотрел в ч. 1 ст. 212 УПК РФ, а также был закреплен в главе 4 УПК РФ (ст. 24-28). К данным основаниям законодатель отнес отсутствие события или состава преступления, истечение сроков давности, смерть подозреваемого или обвиняемого, амнистию, наличие вступившего в законную силу приговора по тому же обвинению или определения суда о прекращении УД по тому же обвинению, примирение сторон и т.д. [1]. Однако, одним из самых обсуждаемых в научных кругах оснований стала ст. 25.1 УПК РФ, в соответствии с которой суд по собственной инициативе (либо по результатам рассмотрения ходатайства,

поданного следователем, либо дознавателем с полученного согласия), вправе прекратить уголовное дело в отношении лица, впервые совершившего преступление небольшой или средней тяжести, если это лицо возместило ущерб, и назначить данному лицу судебный штраф в качестве меры уголовно-правового характера [1].

По мнению Е.В. Елагиной и Т.Г. Николаевой такая «гуманная» новация законодателя по своему выражению стала универсальной формой освобождения лица от уголовной ответственности по очень компромиссным основаниям. Действительно, после введения данной статьи в УПК РФ возник вполне обоснованный вопрос: не является ли судебный штраф излишне мягкой мерой? Кроме того, до сих пор открытым остается вопрос и о применении судебного штрафа по делам о преступлениях, в результате которых наступила смерть потерпевшего, а также по делам о должностных преступлениях [4].

Пытаясь найти ответы на данные вопросы Е.В. Елагина и Т.Г. Николаева обозначили ряд проблем, образующих 2 основные группы: во-первых, это проблемы, связанные с выполнением уголовно-правовых условий, необходимых для принятия решения о прекращении УД с назначением меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа, а во-вторых – проблемы уголовно-процессуальной регламентации прекращения УД по данному основанию [4].

Считаем, что вторая проблема связана с «дефектами» уголовно-процессуальной регламентации прекращения УД с назначением судебного штрафа. Например, трудности возникают тогда, когда исчисляются сроки расследования по УД, направляемым в суд с ходатайством о его прекращении с применением иной меры в виде судебного штрафа. Ярким примером на практике послужит постановление мирового судьи Солецкого судебного района от 12.05.2020, в соответствии с которым было отказано в принятии к рассмотрению постановления начальника Группы дознания ОМВД России о возбуждении перед судом ходатайства о прекращении УД по обвинению лица в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 158 УК РФ, и применении в отношении него меры в виде судебного штрафа. Судом было указано, что органом дознания незаконно принято решение о направлении в суд УД с постановлением о возбуждении ходатайства о его прекращении и применении в отношении обвиняемого судебного штрафа, поскольку само дело было направлено в суд после истечения срока дознания, что лишает суд возможности принять и рассмотреть поступившее ходатайство дознавателя.

Действительно, обращаясь к ч. 2 ст. 162 УПК РФ срок предварительного следствия исчисляется со дня возбуждения УД и до дня его направления прокурору с обвинительным постановлением о передаче УД в суд до дня вынесения постановления о прекращении производства по делу. Поскольку само решение о прекращении УД с применением данной меры уголовно-правового характера принимает суд, то вполне логично было бы предположить, что и срок расследования должен заканчиваться судебным решением о его прекращении. Хотя, с другой стороны, такой подход является еще более проблематичным, поскольку ходатайство следователя (дознавателя) подлежит

рассмотрению судьей в срок не позднее 10 суток со дня поступления ходатайства в суд, а до этого времени прокурор должен изучить материалы дела с тем, чтобы дать согласие на возбуждение перед судом соответствующего ходатайства, что также требует установленного законом времени. В связи с этим срок предварительного расследования существенно сокращается, поскольку при исчислении сроков расследования должны учитываться указанные сроки выше, причем если сроки расследования истекают при направлении ходатайства о прекращении УД и применении иной меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа, то не ясно, на какой период и кем должен быть продлен срок расследования [3].

На наш взгляд, приведенная выше ситуация – это яркий пример нарушения установленных законом сроков расследования, поскольку прокурору или руководителю следственного отдела в обязательном порядке придется продлевать срок расследования без необходимости проведения следственных действий, причем по УД которое уже передано на рассмотрение в суд. Следует отметить, что в приведенном примере решение мирового судьи было отменено, апелляционная инстанция направила дело на новое рассмотрение. Согласно выводам суда апелляционной инстанции, учитывая особенности производства о назначения данной меры уголовно-правового характера, все же допустимо рассмотрение судом ходатайства дознавателя за рамками срока дознания.

Справедливо заметить, что ВС РФ предпринимает попытки и формирует позиции, учитывающие различные нюансы реализации данного института, излагая их в своих постановлениях (например, в Постановлении Пленума № 19 от 27.06.2013) и разбирает проблемные ситуации в обзорах судебной практики освобождения от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа. Однако, это не является «рычагом» для устранения существующих проблем, а лишь является небольшой помощью в применении уголовно-процессуальных норм.

Считаем, что на сегодняшний день назрела необходимость в пересмотре положений, регламентирующих вопросы прекращения УД в российском судопроизводстве. Представляется, что выявленные правоприменительной практикой недостатки законодательной техники при формулировании уголовно-процессуальных норм по данной теме требуют законодательного разрешения путем внесения в закон соответствующих изменений. Надеемся, законодатель в скором времени обратит на это свое внимание и внесет в УПК РФ соответствующие поправки.

Список литературы

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 04.08.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 12.10.2023) // СПС «КонсультантПлюс: Законодательство».
2. Васильев, Ф.Ю. Проблемы прекращения уголовного дела (уголовного преследования) по основанию, предусмотренному статьей 25.1 УПК РФ, на предварительных слушаниях: пути их решения / Ф.Ю. Васильев // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2019. – № 3(57). – С. 15-18.

3. Володина, Л.М. Новые проблемы прекращения уголовных дел по нереабилитирующим основаниям / Л.М. Володина // Судебная власть и уголовный процесс. – 2017. – №1[Электронный ресурс]. – URL:<https://cyberleninka.ru/> (дата обращения: 11.11.2023).

4. Елагина, Е.В. Некоторые проблемы прекращения уголовного дела или уголовного преследования в связи с назначением меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа / Е.В. Елагина, Т.Г. Николаева // Криминалистика. – 2021. – № 4 (37). – С. 68—74.

5. Правовая статистика: Судебный департамент при Верховном Суде РФ опубликовал отчетность о рассмотрении уголовных дел за 2022 г. [Электронный ресурс]. – URL:<https://www.advgazeta.ru/novosti/v-2022> (дата обращения: 11.11.2023).

УДК 343

ОСОБЕННОСТИ ПРОВЕДЕНИЯ НЕОТЛОЖНЫХ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ О КОРРУПЦИОННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЯХ В СФЕРЕ ЛЕСОПРОМЫШЛЕННОГО КОМПЛЕКСА

Серда Ольга Викторовна

старший преподаватель

Красноярский государственный аграрный университет, г. Красноярск, Россия

email: o.v.sereda@mail.ru

Аннотация: Автором рассмотрены виды неотложных следственных действий, которые необходимо произвести по коррупционным преступлениям в сфере лесопромышленного комплекса при выявлении данного вида преступлений. Обозначаются критерии проведения таких действий, указываются типичные ошибки в их проведении.

Ключевые слова: преступления в сфере лесопромышленного комплекса, коррупционные преступления, неотложные следственные действия, осмотр места происшествия, экспертиза, следы, доказывание по уголовному делу.

FEATURES OF URGENT INVESTIGATIVE ACTIONS IN CRIMINAL CASES OF CORRUPTION CRIMES IN THE TIMBER INDUSTRY

Sereda Olga Viktorovna

senior lecturer

Krasnoyarsk state agrarian university,

Krasnoyarsk, Russia

email: o.v.sereda@mail.ru

Abstract: The author considers the types of urgent investigative actions that need to be carried out on corruption crimes in the timber industry when identifying

this type of crime. The criteria for carrying out such actions are indicated, typical errors in their conduct are indicated.

Keywords: crimes in the timber industry, corruption crimes, urgent investigative actions, inspection of the scene, examination, traces, evidence in a criminal case.

Коррупционные преступления в сфере лесопромышленного комплекса, как и любые преступления коррупционного характера, совершаются лицами максимально скрытно, и, зачастую, влекут за собой дальнейшую преступную деятельность в сфере незаконной рубки, транспортировки, переработки, реализации или контрабанды леса и лесоматериалов. Не редки случаи, когда коррупционное преступление в данной сфере совершается дабы скрыть незаконный оборот леса. Учитывая скрытность данного вида преступлений, актуальность производства неотложных следственных действий, при их выявлении весьма высока.

Законодательно не закреплен исчерпывающий перечень неотложных следственных действий, это связано, как нам думается, с тем, что в целях выявления следов преступлений в целом, может возникнуть необходимость в проведении любого следственного действия, закрепленного в УПК РФ. Но в законе содержится понятие «неотложного следственного действия», согласно п.19 ст.5 УПК РФ, «это действия, осуществляемые органом дознания после возбуждения уголовного дела, по которому производство предварительного следствия обязательно, в целях обнаружения и фиксации следов преступления, а также доказательств, требующих незамедлительного закрепления, изъятия и исследования».

Непосредственно производство неотложных следственных действий регламентируется ст.157 УПК РФ, она в чем-то повторяет, но больше расширяет понятие, которое дано в п.19 ст.5 УПК РФ, указывая нам на конкретных лиц, которые могут их производить. После производства неотложных следственных действий, не позднее 10 суток со дня возбуждения уголовного дела (а неотложные следственные действия возможны только по возбужденному уголовному делу) орган дознания направляет уголовное дело руководителю следственного органа (ч.3 ст. 157 УПК РФ) [1].

Первая особенность данных следственных действий в их «неотложности», что подразумевает – если не произвести действия незамедлительно, могут быть утрачены следы преступления, лица, совершившие преступление могут скрыться, будет утрачена возможность возмещения ущерба, причиненного преступлением.

Перечень следственных действий, которые могут быть проведены в неотложном порядке, усекаются невозможностью проведения «проверочных следственных действий», таких как: следственный эксперимент, проверка показаний на месте, очная ставка, опознание.

Процесс проведения неотложных следственных действий регламентируется статьями 157-163 УПК РФ. В рамках этих действий может

быть осуществлено изъятие предметов, производство осмотра, досмотра и иных оперативно-розыскных мероприятий.

Подозреваемый имеет право на присутствие своего защитника при проведении неотложных следственных действий. Он также имеет право на информирование о своих правах и обвинении, а также на возможность задавать вопросы своему защитнику и вносить предложения и замечания по ходу процесса.

Свидетель должен явиться по вызову следователя и давать показания по существу дела правдиво и полно. Он вправе отказаться от дачи показаний, если это может противоречить его интересам или интересам близких ему лиц. Свидетель также обязан соблюдать порядок и дисциплину во время проведения неотложных следственных действий.

Вторая особенность в том, что возбуждение уголовного дела и производство этих самых неотложных следственных действий производит орган дознания. Исконный смысл такого расследования уголовного дела, при котором оно начинается органом дознания (будем говорить о полиции), а лишь затем, по миновании короткого срока, передается следователю, заключается в том, что на первоначальном этапе работа по делу полностью сосредотачивается в единолично руководящем мощном военизированном органе государства, одновременно располагающем оперативно-розыскными и уголовно-процессуальными полномочиями, который дополняет их, если нужно, еще и полномочиями из области законной административной юрисдикции различных полицейских служб.

По коррупционным преступлениям в сфере лесопромышленного комплекса необходимыми неотложными следственными действиями являются:

- осмотр места происшествия,
- обыск,
- допрос подозреваемых и свидетелей,
- проведение экспертизы,
- изъятие и осмотр предметов или документов.

При этом, специфика сферы общественных отношений – сфера лесопромышленного комплекса, предполагает, что данное преступление совершено не единично, а значит необходимо предусмотреть возможность поиска доказательств и по другим эпизодам преступления, также стоит рассмотреть ситуацию, когда коррупционное преступление либо покрывает либо предвещает новое преступление в сфере лесопромышленного комплекса, а, соответственно, существует необходимость в производстве следственных действий по всем направлениям.

Например, уголовное дело в отношении брата министра лесного хозяйства Красноярского края, показывает нам, как эффективно можно применить такой инструмент уголовного процесса, как неотложные следственные действия – вовремя наложенный арест на имущество обеспечил возможность оперативной уплаты штрафа, как дополнительного наказания [2].

Одним из широко применяемых неотложных следственных действий по делам данной категории является обыск. Он может проводиться как в кабинете

должностного лица, так и у него дома, на даче, в гараже, других строениях и местах, где-либо бывает (машина, квартира друга, офис подконтрольной компании и пр.). Главные тактические положения, на которые необходимо обратить внимание субъекта, проводящего данное неотложное следственное действие:

- внезапность проведения,
- соблюдение этических норм,
- использование технических средств, знаний и навыков,
- использование предварительно полученной оперативной информации.

Подводя итоги нашего исследования, мы пришли к выводу, что при производстве неотложных следственных действий по делам коррупционной направленности в сфере лесопромышленного комплекса, необходимо не только добывать доказательства по указанному преступлению, но и по преступлениям, которые могут предварять или последовать после данного преступления, это деяния связанные с непосредственно незаконным оборотом леса и лесоматериалов, незаконной рубкой лесных насаждений.

Список литературы

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 02.11.2023) // СПС «КонсультантПлюс».
2. Сайт Советского районного суда г. Красноярска [Электронный ресурс]. – URL:<https://sovets--krk.sudrf.ru/> (дата обращения: 01.10.2023).

УДК 343.146

К ВОПРОСУ О ВОЗМОЖНОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ МЕДИАЦИИ ПРИ РАССМОТРЕНИИ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ О ПРЕСТУПЛЕНИЯХ В СФЕРЕ ЛЕСОПРОМЫШЛЕННОГО КОМПЛЕКСА

Серета Ольга Викторовна, ассистент

Красноярский государственный аграрный университет, г. Красноярск, Россия
email: o.v.sereta@mail.ru

Аннотация: Автор статьи анализирует существующее уголовно-процессуальное законодательство на предмет наличия признаков медиации. Приводятся примеры из судебной практики Красноярского края рассмотрения уголовных дел в отношении преступлений по ст. 260 УК РФ (незаконная рубка лесных насаждений), и анализируется возможность применения норм УПК РФ, имеющих признаки медиации.

Ключевые слова: медиация, преступления в сфере лесопромышленного комплекса, незаконная рубка лесных насаждений, особый порядок принятия судебного решения, примирение сторон, судебный штраф, возмещение ущерба, деятельное раскаяние.

ON THE QUESTION OF THE POSSIBILITY OF USING MEDIATION IN THE CONSIDERATION OF CRIMINAL CASES OF CRIMES IN THE TIMBER INDUSTRY

Sereda Olga Viktorovna, assistant
Krasnoyarsk state agrarian university,
Krasnoyarsk, Russia
email: o.v.sereda@mail.ru

Abstract: The author of the article analyzes the existing criminal procedure legislation for signs of mediation. Examples are given from the judicial practice of the Krasnoyarsk Territory of the consideration of criminal cases in relation to crimes under Article 260 of the Criminal Code of the Russian Federation (illegal logging of forest plantations) and the application of the norms of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation with signs of mediation in it.

Keywords: mediation, crimes in the sphere of the timber industry, illegal logging of forest plantations, a special procedure for making a court decision, reconciliation of the parties, a court fine, compensation for damages, active repentance.

Процедура медиации закреплена законодательно и представляет собой один из способов договорного урегулирования споров при содействии независимого лица или лиц на основе добровольного согласия двух договаривающихся сторон с целью достижения ими решения, которое будет приемлемо обеим сторонам. Также законодатель предусмотрел сферы применения данной процедуры, это гражданская, административная и иная публичная сфера правоотношений, в том числе связанная с осуществление предпринимательской и иной экономической деятельности, дополнительно упоминаются трудовые и семейные споры. При этом существует отсылка к федеральным законам, регулиующим процедуру медиации в конкретной сфере [1].

Рассматривая уголовно-процессуальную деятельность, мы должны руководствоваться уголовно-процессуальным законом. В Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации (далее – УПК РФ) не содержится прямого упоминания о возможности применения процедуры медиации при расследовании или рассмотрении судом уголовных дел.

Проведя анализ норм УПК РФ в разрезе понимания наличия договорных средств урегулирования споров, отдельные авторы указывают на наличие признаков договорного построения уголовно-процессуальных отношений, в первую очередь исходящих из наличия компромиссных производств [2].

Первым признаком является, как мы уже указывали выше, наличие в УПК РФ компромиссных процедур, в которых, на основании согласия потерпевшего и обвиняемого, принимается компромиссное решение.

Второй признак выражен в определенных процедурах уголовного судопроизводства, при которых условия компромисса достигнуты не

договаривающимися сторонами (потерпевшим и обвиняемым), а установлены законодателем в нормах УПК РФ:

- возможность прекращения уголовного дела в связи с примирением сторон (ст. 25 УПК РФ);

- возможность прекращения уголовного дела или уголовного преследования в связи с назначением меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа (ст. 25.1 УПК РФ);

- возможность прекращения уголовного преследования в связи с деятельным раскаянием (ст. 28 УПК РФ) или возмещением ущерба (ст. 28.1 УПК РФ);

- возможность прекращения уголовного преследования с применением принудительной меры воспитательного воздействия (ст. 427 УПК РФ);

- возможность применения особого порядка принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением (гл. 40 УПК РФ);

- возможность применения особого порядка принятия судебного решения при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве (гл. 40.1 УПК РФ).

И третий признак выделен как наличие письменного оформления договоренностей сторон о достигнутом соглашении в виде письменного документа [3].

При этом некоторые авторы отмечают, что в уголовно-процессуальных отношениях характер вреда, причиненного преступлением, не имеет однозначной природы. Уголовное судопроизводство имеет своим свойством публичный характер совершенного деяния, в связи с чем, договорное урегулирование спора между потерпевшим и обвиняемым, не в полной мере отвечает объему причиненного вреда [4].

В рамках нашего исследования мы провели анализ применения норм «специальных» производств при рассмотрении судами отдельных уголовных дел по преступлениям в сфере лесопромышленного комплекса. Нами был рассмотрен такой состав преступления, как «Незаконная рубка лесных насаждений» ст. 260 УК РФ.

По данным открытых источников, в Красноярском крае преступления по данному составу (незаконная рубка лесных насаждений) совершаются в достаточно большом количестве. Например, в последние годы, их число неуклонно увеличивалось, с 460 зарегистрированных преступлений в 2017 году, до 775 - в 2021 году, при этом рост составил более чем на 68 % [5].

Обратившись к portalу судебных актов, мы видим, что за период 2020-2022 год по ст. 260 УК РФ (незаконная рубка лесных насаждений) на территории Красноярского края были рассмотрены 31 уголовное дело (размещенные данные на 01.11.202), вынесены 25 обвинительных приговоров, из которых в особом порядке вынесены 20 приговоров, что составляет 80%.

Например, Приговор Емельяновского районного суда Красноярского края от 30 января 2020 г., в отношении Волочкова А.В., признанного виновным в незаконной рубке в особо крупном размере на общую сумму 336 696 рублей 68 копеек. Обвиняемый признал вину, раскаялся, согласился с предъявленным гражданским иском. Наказание по данному приговору было назначено в виде

лишения свободы условно, с конфискацией незаконно добытой древесины и орудия преступления, принадлежащего обвиняемому [6].

Если случаи вынесения судебного решения о прекращении уголовного дела на основании ст.25.1 УПК РФ, в связи с заглаживанием причиненного преступлением вреда и назначением меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа.

Например, Постановлением Большемуртинского районного суда Красноярского края, Калинин А.С. был освобожден судом от уголовной ответственности за совершение незаконной рубки лесных насаждений в крупном размере на сумму 52 568 рублей, с назначением ему судебного штрафа в сумме 5000 рублей. При этом, конечно же, обвиняемым были выполнены условия применения ст. 25.1 УПК РФ, а именно – загладил вину возмещением причиненного ущерба.

Подводя итоги настоящего исследования, хочется подчеркнуть, что в настоящее время законодатель идет по пути применения в уголовном судопроизводстве инструментов медиации, вводя в уголовно-процессуальный кодекс различные механизмы урегулирования конфликта интересов стороны защиты и обвинения.

Список литературы

10. Федеральный закон «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» от 27.07.2010 № 193-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс: Законодательство».

11. Муратова, Н.Г. О проблемах уголовно-процессуальных договоров / Н.Г. Муратова // Правосудие в Татарстане. – 2011. – № 4 (48). – С. 36-38.

12. Кувалдина, Ю.В. Предпосылки и перспективы развития компромиссных способов разрешения уголовно-правовых конфликтов в России / Ю.В. Кувалдина [Электронный ресурс]. – URL:http://www.kalinovsky-k.narod.ru/b/kuvaldina_2011/ (дата обращения: 10.10.2022).

13. Шестакова, Л.А. Медиация в уголовном судопроизводстве: учебное пособие / Л.А. Шестакова // Самара. Издательство Самарского университета, 2021. – 120 с.

14. Середа, О.В. О состоянии преступности в сфере незаконной рубки лесных насаждений (на примере Красноярского края) / О.В. Середа // Альманах лектория. Майские правовые чтения на Енисее: Сборник научных трудов. – Красноярск: Красноярский государственный аграрный университет, 2022. – С. 114-117.

15. Приговор Емельяновского районного суда Красноярского края № 1-44/2020 от 30 января 2020 г. по делу № 1-44/2020 в отношении Волочкова А.В. [Электронный ресурс]. – URL:<https://sudact.ru/> (дата обращения: 01.11.2022).

16. Постановление Большемуртинского районного суда Красноярского края № 1-31/2020 от 27 июля 2020 г. в отношении Калинина А.С. [Электронный ресурс]. – URL:<https://sudact.ru/> (дата обращения: 01.11.2022).

**ОСНОВНЫЕ НОРМАТИВНО-ПРАВОВЫЕ ТЕНДЕНЦИИ
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ СИБИРСКОГО
ФЕДЕРАЛЬНОГО ОКРУГА**

Сторожева Анна Николаевна

кандидат юридических наук, доцент

Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия
email: storanya@yandex.ru

Дадаян Елена Владимировна

кандидат юридических наук, доцент

Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия
email: dadaelena@yandex.ru

Аннотация: В статье авторы анализируют основные нормативно-правовые акты, регулирующие социально-экономического развитие Сибирского Федерального округа. Авторы обращают свое внимание на последние тенденции правового регулирования, а именно: утверждение в начале 2023 года Стратегии социально-экономического развития Сибирского федерального округа до 2035 года.

Ключевые слова: устойчивое развитие, социально-экономическое развитие, стратегия, Сибирский федеральный округ (СФО), нормативно-правовое регулирование, комплексный план, модернизация.

Исследование выполнено при финансовой поддержке ККФН в рамках научного проекта «Разработка Проекта регионального стандарта социального благополучия и качества жизни сельского населения Красноярского края».

**MAIN REGULATORY AND LEGAL TRENDS OF SOCIO-ECONOMIC
DEVELOPMENT OF THE SIBERIAN FEDERAL DISTRICT**

Storozheva Anna Nikolaevna

candidate of legal sciences, associate professor

Krasnoyarsk state agrarian university,

Krasnoyarsk, Russia

email: storanya@yandex.ru

Dadayan Elena Vladimirovna

candidate of legal sciences, associate professor

Krasnoyarsk state agrarian university,

Krasnoyarsk, Russia

email: dadaelena@yandex.ru

Annotation: In the article, the authors analyze the main legal acts regulating the socio-economic development of the Siberian Federal District. The authors draw

their attention to the latest trends in legal regulation, namely the approval at the beginning of 2023 of the Strategy for the socio-economic development of the Siberian Federal District until 2035.

Keywords: sustainable development, socio-economic development, strategy, Siberian Federal District (SFO), legal regulation, comprehensive plan, modernization.

The study was carried out with the financial support of the Krasnoyarsk Foundation for Basic Research within the framework of the scientific project «Development of a draft regional standard for social well-being and quality of life of the rural population of the Krasnoyarsk Territory».

Правительство Российской Федерации и правительство субъектов Российской Федерации уделяют огромное значение социально-экономическому развитию, в частности качественным изменениям экономики, которое положительно отражается на качестве жизни населения, развития региона, города. Устойчивое развитие экономики страны, региона, города актуально для исследования в научных кругах, так подробно о социально-экономическом развитии пишут, например Е. Ю. Волгузов, О. В. Михайлова, Т.И. Коломеец, Ю.И. Колоскова, Д.В. Паршуков, З.Е. Шапорова и др.

Так, Т.И. Коломеец отмечает, что «государство, обеспечивая реализацию общенациональных интересов на территории регионов, должно способствовать, а не препятствовать развёртыванию инициативы в поиске вариантов развития» [1].

По мнению Е.Ю. Волгузова «специфика России, проявляющаяся в ее масштабности и региональной дифференциации, требует более активной по сравнению с типичной мировой практикой деятельности государства по устранению диспропорций в национальном экономическом пространстве, решению сложных региональных проблем, созданию условий для устойчивого развития всех регионов и страны в целом» [2].

Авторы исследования полагают, что стратегия является документом планирования любого субъекта Российской Федерации. Стратегия определяет цели, задачи, ориентиры, к которым будут стремиться субъекты Российской Федерации в своем приоритетном направлении и механизмах их достижения [4].

Так, Правительством Российской Федерации 26 января 2023 года утверждена Стратегия социально-экономического развития Сибирского федерального округа до 2035 года, которая определяет основные направления устойчивого развития субъектов Российской Федерации, входящих в состав Сибирского федерального округа [5].

В свою очередь стратегия учитывает современное состояние и тенденции развития экономики, инфраструктуры, культуры, социальной сферы и человеческого капитала субъектов Российской Федерации, входящих в состав Сибирского федерального округа, экономики Российской Федерации, глобальной экономики и перспективы их развития [5].

Стратегией определяются конкретные регионы страны, которые отнесены государством к Сибирскому федеральному округу. К их числу относятся:

- Красноярский край;
- Иркутская область;
- Кемеровская область;
- Новосибирская область;
- Томская область.
- Республика Хакасия;
- Алтайский край;
- Омская область.

Из данного состава два субъекта - Красноярский край и Иркутская область являются регионами, которые не получили дотаций на выравнивание бюджетной обеспеченности.

Три региона с долей дотаций из федерального бюджета, у которых не превышает 10 процентов объема собственных доходов консолидированного бюджета субъекта – это Кемеровская область - Кузбасс, Новосибирская и Томская области.

Три региона с долей дотаций из федерального бюджета, у которых превышает 10 процентов объема собственных доходов – это Республика Хакасия, Алтайский край и Омская область.

И только два региона – это Республика Алтай и Республика Тыва с долей дотаций из федерального бюджета более 40 процентов объема собственных доходов консолидированного бюджета субъекта.[5]

Стратегией определяется, что административной столицей Сибирского федерального округа является г. Новосибирск.

Кроме того, Сибирский федеральный округ обладает уникальными конкурентными преимуществами и потенциалом развития, обусловленными сочетанием большинства природных ресурсов:

- лесом;
- земли;
- каменный уголь;
- золото и редкие металлы;
- нефть, газ;
- железные и полиметаллические руды, а также нерудные минералы;
- выгодного географического положения;
- накопленного высококвалифицированного трудового ресурса.

Стратегия последовательно определяет социально-экономическое развитие вышеперечисленных субъектов Российской Федерации, входящих в состав Сибирского федерального округа.

Таким образом, отметим, что законодатель сегодня самостоятельно концентрирует социально-экономического развитие по округам отраженной в Стратегии, где целью развития Сибирского федерального округа является создание условий для повышения конкурентоспособности экономик субъектов Российской Федерации, входящих в состав Сибирского федерального округа,

обеспечение их экономического роста и, как следствие, повышение уровня и качества жизни населения [5].

Повышение уровня жизни населения является одной из главных целей любого государства. Для достижения этой цели необходимо обеспечить доступность основных благ и услуг для всех граждан, включая образование, здравоохранение, жилье, транспорт и т.д. Кроме того, необходимо создавать условия для развития человеческого потенциала, включая доступ к информации, культуре и науке.

Список литературы

1. Коломеец, Т.И. Социально-экономическое развитие региона: теория и современное состояние»/Т.И. Коломеец//Вестник Томского государственного университета. – №279. – С. 173-179.

2. Волгузов, Е.Ю. Понятие и сущность социально-экономического развития региона / Е.Ю. Волгузов, О.В. Михайлова // Стратегия социально-экономического развития общества: управленческие, правовые, хозяйственные аспекты: сборник научных статей 8-й Международной научно-практической конференции, Курск, 22–23 ноября 2018 года. Том 1. – Курск: Юго-Западный государственный университет, 2018. – С. 108-112.

3. Колоскова, Ю.И. Уровень потребления товаров и услуг населением сельских территорий как индикатор оценки качества и уровня жизни / Ю.И. Колоскова, Д.В. Паршуков, З.Е. Шапорова //Национальные интересы: приоритеты и безопасность. – 2021. – Т. 17. – № 9. – С. 1762-1779.

4. Сторожева, А.Н. Сравнительный анализ регулирования социально-экономического развития на примере Томской области и Красноярского края АПК /А.Н. Сторожева, Е.В. Дадаян// Научно-практические аспекты развития АПК: мат-лынацион. науч. конф.Краснояр. гос. аграр. ун-т. – Красноярск, 2023. – С. 368-370.

5. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 26 января 2023 г. № 129-р «Об утверждении стратегии социально-экономического развития сибирского федерального округа до 2035 года// СПС «КонсультантПлюс: Законодательство».

**К ВОПРОСУ ОБ ОПРЕДЕЛЕНИИ ПОЛНОМОЧИЙ
ГОСУДАРСТВЕННОГО ОРГАНА В ЦЕЛЯХ ДАЧИ ЗАКЛЮЧЕНИЯ
ОБ ОТНЕСЕНИИ ИЛИ НЕОТНЕСЕНИИ ОБЪЕКТА ГРАЖДАНСКОГО
ПРАВА К ПРОДУКЦИИ ВОЕННОГО НАЗНАЧЕНИЯ**

Сторожева Анна Николаевна

кандидат юридических наук, доцент

Красноярский государственный аграрный университет, г. Красноярск, Россия
email: storanya@yandex.ru

Дадаян Елена Владимировна

кандидат юридических наук, доцент

Красноярский государственный аграрный университет, г. Красноярск, Россия
email: dadaelena@yandex.ru

Аннотация: Авторами настоящей статьи поднимается вопрос о том, к компетенции какого государственного органа относится вопрос отнесения объекта, находящегося в гражданском обороте, к объектам, ограниченным в гражданском обороте. Так, при разрешении разногласий, возникших между конкурсным управляющим, конкурсным кредитором и залоговым кредитором по утверждению Положения о порядке, сроках и условиях продажи имущества должника (далее по тексту Положение о торгах) в редакции залогового кредитора, возник вопрос о правовом режиме объекта, являющегося предметом залога, а именно относится ли или нет установка каталитической переработки углеводородов к объектам, ограниченным в обороте. От решения данного вопроса будет зависеть право залогового кредитора, имеющего национальную принадлежность к праву недружественного с Российской Федерацией государства оставить или нет предмет залога за собой по результатам торгов, проводимых с целью реализации имущества должника (банкрота).

Ключевые слова: объект гражданского права, гражданский оборот, продукция военного назначения, недружественное государство, личный закон, юридическое лицо, банкротство, конкурсный кредитор, конкурсный управляющий, торги, банкрот, залог.

**ON THE ISSUE OF DETERMINING THE POWERS OF A STATE BODY IN
ORDER TO GIVE AN OPINION ON THE ATTRIBUTION OR NON-
ATTRIBUTION OF AN OBJECT OF CIVIL LAW TO MILITARY
PRODUCTS**

Dadayan Elena Vladimirovna

candidate of legal sciences, associate professor

Krasnoyarsk state agrarian university,

Krasnoyarsk, Russia

email: dadaelena@yandex.ru

Storozheva Anna Nikolaevna
candidate of legal sciences, associate professor
Krasnoyarsk state agrarian university,
Krasnoyarsk, Russia
email: storanya@yandex.ru

Abstract: The authors of this article raise the question of which state authority is responsible for the issue of attributing an object in civil circulation to objects limited in civil circulation. Thus, when resolving disagreements that arose between the bankruptcy trustee, the bankruptcy creditor and the collateral creditor on the approval of the Regulations on the procedure, Terms and Conditions for the sale of the debtor's property (hereinafter referred to as the Auction Regulations) in the wording of the collateral creditor, a question arose about the legal regime of the object that is the subject of the pledge, namely whether or not the installation of a catalytic processing of hydrocarbons to objects limited in turnover. The decision of this issue will depend on the right of a secured creditor who has a nationality belonging to the right of a state unfriendly to the Russian Federation to keep or not the subject of the pledge for himself according to the results of auctions conducted for the purpose of selling the debtor's (bankrupt) property.

Keywords: object of civil law, civil turnover, military products, unfriendly state, personal law, legal entity, bankruptcy, bankruptcy creditor, bankruptcy trustee, auction, bankrupt, pledge.

В правоприменительной деятельности достаточно важным является правильное определение компетенции того или иного государственного органа. От правильного (оперативного) определения государственного органа и его полномочий порой зависят не только сроки рассмотрения гражданских дел, но и реализация гражданских прав и обязанностей лицами, участвующими в деле.

Приведем конкретный пример, как по одному из дел, рассматриваемому в арбитражном суде [1] заявитель достаточно долгое время не мог определиться, к компетенции какого органа относится решение вопроса об отнесении конкретного объекта гражданских прав к объектам, ограниченным в гражданском обороте. Решение указанного вопроса было осложнено тем, что одной из сторон спора явилось лицо, имеющее национальную принадлежность праву другого государства, причем праву той страны, которая включена в перечень государств, осуществляющих недружественные действия по отношению к Российской Федерации [2].

Так, арбитражный суд субъекта Российской Федерации при рассмотрении дела по разрешению разногласий, возникших между конкурсным управляющим, конкурсным кредитором и залоговым кредитором и утверждению Положения о торгах, утвердил Положение о торгах в редакции залогового кредитора [1]. Залоговый кредитор является субъектом, имеющим национальную принадлежность праву другого государства, а именно швейцарскому праву. Согласно нормам банкротного законодательства залоговый кредитор имеет право претендовать на оставление предмета залога

за собой согласуется с пунктами 4.1 и 4.2 статьи 138 Закона о банкротстве. Так, «В случае признания несостоявшимися повторных торгов конкурсный кредитор по обязательствам, обеспеченным залогом имущества должника, вправе оставить предмет залога за собой с оценкой его в сумме на десять процентов ниже начальной продажной цены на повторных торгах...» [3].

Процессуальный оппонент залогового кредитора – конкурсный кредитор, не согласившись с судебным актом суда первой инстанции, обратился с жалобой на определение суда, утвердившего Положение о торгах в редакции залогового кредитора.

Заявитель апелляционной жалобы полагает, что суд первой инстанции не дал оценку доводам конкурсного кредитора о невозможности передачи права собственности на установки каталитической переработки углеводородов (УКПУ 1, УКПУ 2) кредитору, чьи права обеспечены залогом оборудования должника - швейцарскому юридическому лицу. Швейцария входит в список государств, которые осуществляют недружественные действия по отношению к Российской Федерации [2]. Помимо всего прочего заявитель апелляционной жалобы полагает, что предмет залога - каталитические установки по переработке углеводородов являются объектами, относящимися к вооружению и вооруженной технике. В этой связи заявитель апелляционной жалобы, полагая, что компетентным в данном вопросе органом является Министерство вооруженных сил Российской Федерации, заявляет ходатайство об обращении в Министерство с запросом, относятся ли установки каталитической переработки углеводородов к вооружению или вооруженной технике. Правовое управление Минобороны России дает ответ, что решение указанного вопроса не относится к компетенции министерства.

Скриншот №1 ответа Минобороны России.

Во исполнение определения Третьего арбитражного апелляционного суда от 7 сентября 2022 г. по делу № А33-36598/2019 Минобороны России сообщается следующее.

В отношении промышленной продукции, являющейся объектами поставки в Вооруженные Силы Российской Федерации, подготовка заключений об ее отнесении к вооружению и военной технике возложены на федеральное бюджетное государственное учреждение «46 Центральный научно-исследовательский институт» Министерства обороны Российской Федерации (далее – Учреждение) и осуществляются на основании критериев, определенных указанием заместителя Министра обороны Российской Федерации, отвечающего за организацию военно-технического обеспечения войск (сил), от 10 марта 2017 г. № 210/3/3/1417, в том числе:

приказа о принятии на вооружение (снабжение, в эксплуатацию) запрашиваемых изделий (для финальных изделий);

кода по классификатору вооружения, военной, специальной техники и военно-технического имущества Минобороны России, присвоенного в установленном порядке (для финальных изделий);

тактико-технического (технического) задания на разработку, а также конструкторской документации на производство запрашиваемых изделий, утвержденных в установленном порядке Минобороны России (для финальных образцов, составных частей и комплектующих изделий).

Полагая, что необходимо далее продолжить поиск компетентного органа, заявитель апелляционной жалобы ходатайствует перед судом о новом запросе, но уже в ФСВТС России.

ФСВТС России в ответ на запрос суда достаточно детально разъясняет свою компетенцию в области военно-технического сотрудничества, а именно обращает внимание суда, что отнесение продукции к вооружению и военной технике не входит в полномочия Службы. Одновременно указанный государственный орган поясняет, что в его полномочия входит соответствующая экспертиза на предмет отнесения или неотнесения продукции, предлагаемой к ввозу в Российскую Федерацию или вывозу из Российской Федерации, к ПВН [4].

Скриншот №2 ответа ФСВТС России

В соответствии с пунктом 1 Положения о Федеральной службе по военно-техническому сотрудничеству, утвержденного Указом Президента Российской Федерации от 16 августа 2004 г. № 1083 «Вопросы Федеральной службы по военно-техническому сотрудничеству» (далее – Указ № 1083), ФСВТС России является федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по контролю и надзору за деятельностью в области военно-технического сотрудничества Российской Федерации с иностранными государствами (далее – ВТС).

В соответствии со статьей 1 Федерального закона от 19 июля 1998 г. № 114-ФЗ «О военно-техническом сотрудничестве Российской Федерации с иностранными государствами» (далее – Закон № 114) военно-техническое сотрудничество – это деятельность в области международных отношений, связанная в том числе с вывозом и ввозом продукции военного назначения (далее – ПВН). Таким образом, для целей ВТС необходимо понимать, относится ли вышеназванная продукция к ПВН.

Ознакомившись с ответом Службы, заявитель апелляционной жалобы ходатайствует о назначении экспертизы с постановкой перед экспертом вопроса «относятся ли установки каталитической переработки углеводородов (УКПУ№1, УКПУ№2), преобразованные из установок по переработке жидкого ракетного топлива (системы НДМГ) к продукции военного назначения?».

В очередном ответе на запрос суда ФСВТС России разъясняет, что производство судебной экспертизы не входит в полномочия данного государственного органа. Должностные лица ФСВТС России не могут осуществлять деятельность, выходящую за рамки их должностного регламента.

Скриншот №3 ответа ФСВТС России

Производство судебной экспертизы к полномочиям ФСВТС России не относится (Положение о Федеральной службе по военно-техническому сотрудничеству, утвержденное Указом Президента Российской Федерации от 16 августа 2004 г. № 1083, далее – Положение). В составе Службы не имеется судебно-экспертных учреждений и, как следствие, акты, регламентирующие порядок осуществления должностными лицами ФСВТС России судебных экспертиз, отсутствуют. С учетом изложенного Служба не отвечает требованиям, установленным статьей 11 Федерального закона от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации».

Должностные лица федеральных органов исполнительной власти осуществляют служебную деятельность в соответствии с должностными регламентами, устанавливающими исключительно права и обязанности, позволяющие реализовать полномочия соответствующего органа.

Так, должностные лица ФСВТС России не могут осуществлять какую-либо деятельность, выходящую за рамки полномочий, установленных Положением и, как следствие, их должностными регламентами.

Далее ФСВТС России обращает внимание на то, что все заключения даются от имени федерального органа исполнительной власти, а не от конкретного специалиста. Для получения заключения об отнесении или неотнесении продукции к продукции военного назначения требуется письменный запрос по установленной форме с обязательным приложением документов. А также обращает внимание, что заключения выдаются только на продукцию, предполагаемую к ввозу в Российскую Федерацию или вывозу из Российской Федерации.

Конкурсный управляющий обратился с таким запросом в данную Службу.

На момент написания настоящей статьи ответ на запрос не поступил в суд апелляционной инстанции.

Иностранная компания (залоговый кредитор) не считают правильным применять такую трактовку законодательства, предложенную его процессуальными оппонентами. Полагает, что данные установки не являются объектами, ограниченными в гражданском обороте, поскольку право собственности на них возникло у должника по договору купли-продажи, заключенному в 2011 году, т.е. более 10 лет указанное имущество было в свободном гражданском обороте, являлось предметом гражданско-правовых сделок. Кроме того, совсем не обязательно, что именно залоговый кредитор приобретет спорные установки, а если и приобретет, то вовсе не обязательно, что субъект, имеющий национальную принадлежность праву недружественного государства примет решение о вывозе указанной продукции в какое-либо иностранное государство. Отсюда, только получив ответ от ФСВТС России, суд может сделать какие-либо выводы о возможности или невозможности утверждения Положения о торгах в редакции залогового кредитора, чьим личным законом является швейцарское право.

Список литературы

1. Дело № А33-36598/2019к13[Электронный ресурс]. – URL:<https://my.arbitr.ru> (дата обращения :12.10.2023).
2. Распоряжение Правительства РФ от 05.03.2022 № 430-р (ред. от 29.10.2022) «Об утверждении перечня иностранных государств и территорий,

совершающих недружественные действия в отношении Российской Федерации, российских юридических и физических лиц» // СПС «КонсультантПлюс».

3. Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ (ред. от 04.08.2023) «О несостоятельности (банкротстве)» // СПС «КонсультантПлюс».

4. Указ Президента РФ от 16.08.2004 № 1083 (ред. от 07.10.2022) «Вопросы Федеральной службы по военно-техническому сотрудничеству» // СПС «КонсультантПлюс».

УДК 372

СЕМЕЙНО-ПРАВОВАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ РОДИТЕЛЕЙ: РОССИЙСКИЙ И ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

Сторожева Анна Николаевна

кандидат юридических наук, доцент

Красноярский государственный аграрный университет, г. Красноярск, Россия

email: storanya@yandex.ru

Дадаян Елена Владимировна

кандидат юридических наук, доцент

Красноярский государственный аграрный университет, г. Красноярск, Россия

email: dadaelena@yandex.ru

Аннотация: Статья посвящена исследованию семейно-правовой ответственности родителей в сравнении с российским и зарубежным опытом. Авторы рассматривают основания возникновения, меры и формы ответственности в семейных правоотношениях. В заключении приводятся выводы о семейно-правовой ответственности как механизме защиты прав ребенка.

Ключевые слова: семейно-правовая ответственность, родители, законные представители, юридическая ответственность, ребенок, защита, дети, права, опыт.

FAMILY LEGAL RESPONSIBILITY OF PARENTS: RUSSIAN AND FOREIGN EXPERIENCE

Storozheva Anna Nikolaevna

candidate of legal sciences, associate professor

Krasnoyarsk state agrarian university,

Krasnoyarsk, Russia

email: storanya@yandex.ru

Dadayan Elena Vladimirovna

candidate of legal sciences, associate professor

Krasnoyarsk state agrarian university,

Krasnoyarsk, Russia

email: dadaelena@yandex.ru

Annotation: The article is devoted to the study of family legal responsibility of parents in comparison with Russian and foreign experience. The authors consider the grounds for occurrence, measures and forms of responsibility in family legal relations. In conclusion, conclusions are drawn about family legal responsibility as a mechanism for protecting the rights of the child.

Keywords: family legal responsibility, parents, legal representatives, legal responsibility, child, protection, children, rights, experience.

Семья играет важную роль в жизни каждого человека, обеспечивая поддержку и заботу членов семьи.

Семейным кодексом Российской Федерации регулируются права и обязанности. Родители имеют право на воспитание и образование своих детей, а также на защиту их интересов. Они также обязаны обеспечивать своих детей всем необходимым для их развития и благополучия [1].

Конституция Российской Федерации (ст.38) провозглашает заботу о детях, а также их воспитание равным правом и обязанностью родителей [2].

Конвенция ООН о правах ребенка, принятая в 1989 году разработана с целью защиты прав и благополучия детей во всем мире. Конвенция устанавливает права детей на образование, здравоохранение, социальное обеспечение, защиту от насилия и дискриминации, а также право на участие в общественной жизни [3].

Права ребенка – это права, которые принадлежат ребенку в соответствии с международными нормами и отечественным законодательством. Они включают в себя право на жизнь, свободу, безопасность, образование, здоровье, социальное обеспечение и многое другое. Защита прав ребенка является важной задачей для всех государств и обществ.

Семейно-правовую ответственность регулируют различные нормативно-правовые акты, включая Семейный кодекс РФ, Гражданский кодекс РФ и др. законы.

Статья 56 СК РФ предусматривает гражданско-правовую ответственность родителей, согласно которой родители обязаны заботиться о содержании своих несовершеннолетних детей и об обеспечении их жильем. В случае невыполнения этой обязанности родители могут быть привлечены к гражданско-правовой ответственности, например в виде выплаты алиментов.

Формы семейно-правовой ответственности могут быть различными в зависимости от конкретной ситуации и нарушения. Некоторые из наиболее распространенных форм включают в себя:

1. Лишение родительских прав — это крайняя мера, которая применяется в случае, если родители не выполняют свои обязанности по отношению к детям или жестоко обращаются с ними.

2. Ограничение родительских прав - эта мера применяется, если родители временно не могут выполнять свои обязанности по уважительным причинам (например, болезнь или тяжелое материальное положение).

3. Взыскание алиментов - эта мера используется для обеспечения содержания несовершеннолетних детей или нетрудоспособных членов семьи.

4. Возмещение морального вреда - эта мера применяется в случае причинения вреда здоровью или достоинству члена семьи.

5. Привлечение к уголовной ответственности - эта мера может быть применена в случае совершения преступления против жизни, здоровья, чести и достоинства членов семьи.

Все это позволяет сделать вывод, что семейно-правовая ответственность – это тождественное понятие «юридической ответственности».

Юридическая ответственность – это обязанность лица, совершившего правонарушение, претерпеть неблагоприятные последствия, предусмотренные законом. Юридическая ответственность может быть дисциплинарной, административной, уголовной и гражданской.

Зарубежный опыт семейно-правовой ответственности может быть интересен для изучения и возможного применения в России. Однако, необходимо учитывать различия в культурных и социальных условиях, а также в законодательстве разных стран.

Например, в некоторых странах Западной Европы и США существует более развитая система защиты прав детей и поддержки семей, чем в России. В этих странах активно используются меры социальной помощи, такие как предоставление жилья и пособий, а также программы психологической помощи и консультирования.

Кроме того, в некоторых странах существуют более строгие меры наказания для родителей, не выполняющих свои обязанности. Например, в США и Великобритании возможно лишение родительских прав за жестокое обращение с детьми или невыполнение своих обязанностей.

Тем не менее, следует отметить, что каждый случай индивидуален, и применение зарубежного опыта должно быть адаптировано к российским условиям и законодательству.

Таким образом, семейно-правовая ответственность является важным механизмом защиты прав ребенка. Она предусматривает различные меры наказания для родителей, которые не выполняют свои обязательства по отношению к своим детям. Эти меры могут включать лишение родительских прав, взыскание алиментов, компенсацию морального вреда и другие. Кроме того, семейно-правовая ответственность также включает в себя меры социальной поддержки семей, такие как предоставление жилья, пособий и психологической помощи. В целом, семейно-правовая ответственность играет важную роль в обеспечении защиты прав и интересов детей.

Стоит согласиться с отдельными авторами, что целесообразно включить в Семейный кодекс РФ нормы о видах семейно-правовой ответственности.

Список литературы

1. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 г. № 223-ФЗ // Российская газета. -1996. - № 17. - 27.01.1996// СПС «КонсультантПлюс: Законодательство».

2. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) // Собрание законодательства РФ. - 2014. - № 31. - Ст. 4398 // СПС «КонсультантПлюс: Законодательство».

3. Конвенция о правах ребенка (одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 20 ноября 1989 г.) // Сборник международных договоров СССР. Выпуск XLVI. 1993 // СПС «КонсультантПлюс: Законодательство».

УДК 347.2

РОЛЬ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В РАЗВИТИИ ЭЛЕКТРОННЫХ ПРОДУКТОВ СУДОПРОИЗВОДСТВА И БЕЗОПАСНОСТИ

Фастович Галина Геннадьевна

старший преподаватель

Красноярский государственный аграрный университет, г. Красноярск, Россия

email: fastovich-85@mail.ru

Аннотация: В статье рассматриваются правовые вопросы функционирования информационной политики современной России в системе безопасности и судопроизводства. Автор приходит к выводам, что внедрение информационно-электронных программ деятельности будет способствовать эффективному функционированию информационной безопасности и судопроизводства в целом.

Ключевые слова: информационная безопасность, информационные технологии, государство, информационная политика, критерии эффективности, система судопроизводства.

THE ROLE OF INFORMATION TECHNOLOGIES IN THE DEVELOPMENT OF ELECTRONIC JUDICIAL AND SECURITY PRODUCTS

Fastovich Galina Gennadievna

senior lecturer

Krasnoyarsk state agrarian university,

Krasnoyarsk, Russia

email: fastovich-85@mail.ru

Abstract: The article deals with the legal issues of the functioning of the information policy of modern Russia in the system of security and legal proceedings. The author comes to the conclusion that the introduction of information-electronic activity programs will contribute to the effective functioning of information security and legal proceedings in general.

Keywords: information security, information technologies, state, information policy, performance criteria, judicial system.

Информационные технологии и их всеобщее применение в системе государственного регулирования представляют собой новый этап развития правовой системы современной России. Органы исполнительной власти – это основной сектор, где информационные услуги стали доступны гражданам на ежедневной основе [1]. В правовом поле информационного продукта задействованы не только органы исполнительной и законодательной власти, но и особое внимание уделяется информационным услугам в системе избирательного процесса.

Информационные технологии - процессы, методы поиска, сбора, хранения, обработки, предоставления, распространения информации и способы осуществления таких процессов и методов [2]. Нарастание информационных потоков, проникновение коммуникации во все сферы жизнедеятельности общества, возникновение и развитие качественно нового типа коммуникационных структур требуют глубокого переосмысления безопасности человека в целом, и информационной безопасности, в частности. На наш взгляд, понятие информационную безопасность нужно связывать с коммуникативными практиками, реализуемыми в информационно-коммуникационной среде, которая, будучи местом, где синхронизируют информационное взаимодействие множество социальных субъектов, способна наиболее широко обеспечить коммуникацию между индивидами [1, с. 55-60]. Информация, наряду с иными дополнительными объектами правового регулирования информационной сферы, в частности информационной безопасностью обладает характерной спецификой, выраженной в том, что у многих явлений и категорий существует несколько сторон понимания, которые дополняют друг друга, а само правовое регулирование должно исходить из сущностных особенностей его объекта. Современная информационно-коммуникационная среда служит новой средой жизнедеятельности современного общества, где на первый план выходит активная позиция граждан, общественных объединений, которая способствует формированию эффективной государственности, конституционного правопорядка и гражданского общества [2, с. 34-38]. Роль государства, как основного субъекта информационной безопасности трудно переоценить: «Государство должно создавать эффективные механизмы, при помощи которых достигается безопасность. Ряд носителей интересов – сообщества, выходящие за рамки национальных государств, а также человечество в целом. Ряд угроз носит транснациональный или общемировой характер, и для их решения необходимы усилия, согласованные на международном уровне» [3, с. 46]. Вопросы обеспечения информационной безопасности регулируются целым комплексом нормативно-правовых актов и отдельными международно-правовыми соглашениями. Отметим, что в науке информационного права нет единой точки зрения о том, какие из нормативно-правовых актов, целесообразно отнести к тем, которые регулируют информационную безопасность. Особое место среди актов занимает Указ Президента Российской Федерации от 05.12.2016 № 646 «Об утверждении доктрины информационной безопасности» [4]. Указанный акт является векторным в развитии стратегических программ развития

института информационных технологий в Российской Федерации. Как следует из обозначенного в Указе Президента РФ № 646 соответствующего определения, информационная безопасность - носит комплексный, правовой характер, при этом, важное значение приобретает трансграничный характер регулируемых отношений в информационной сфере. На наш взгляд, следует провести градацию соответствующих угроз информационной безопасности на внешние и внутренние угрозы. Первые связаны с осуществлением другими государствами определенного комплекса мероприятий, таких как разведывательные действия, осуществление компьютерных атак, информационно-психологическое воздействие, направленное на дестабилизацию внутривнутриполитической и социальной ситуации в различных регионах мира и приводящего к подрыву суверенитета и нарушению территориальной целостности российского государства, а также информационной инфраструктуры, иные подготовительные к военным действиям, мероприятия. Вторые возникают в самом государстве, такие как состояние развития информационных технологий, научной проработанности данной сферы, их конкурентоспособности на товарном рынке, совершение преступлений, с применением информационных технологий.

На основании вышеизложенного, можно сделать вывод, что использования информационных технологий позволит усовершенствовать институт цифровизации в современной России. Эффективность государственного механизма во многом обусловлена качественным функционированием информационных технологий. Информационные технологии активно используются для взаимодействия граждан и государства, представляют собой важный инструмент существующей системы народовластия. Приоритет защиты института персональных данных, информационная безопасность позволит сформировать «цифровую культуру» как граждан, так и органов публичной власти.

Список литературы

1. Трашкова, С.М. Международно-правовое регулирование как гарантия реализации правового статуса несовершеннолетних подозреваемых, обвиняемых в уголовном процессе / С.М. Трашкова // Казанская наука. – 2015. – № 5. – С.125-127.

2. Фастович, Г.Г. Информационные технологии в системе повышения эффективности деятельности органов государственной власти: теоретико-правовой аспект / Г.Г. Фастович, И.В. Кудашова // Право и политика. – 2020. – № 2. – С. 18-22.

3. Тепляшин, И.В. Участие институтов гражданского общества в реализации государственной политики в Арктической зоне Российской Федерации // Проблемы конституционно-правового регулирования статуса арктических территорий Российской Федерации: мат-лы круглого стола междунаро. науч.-практ. конф. «Енисейские политико-правовые чтения» (Красноярск, 21-22 сентября 2017 г.) / под ред. А.А. Кондрашева, О.В.

Роньжиной, А.Б. Зенкиной; Краснояр. гос. аграр. ун-т. – Красноярск, 2017. – С. 46-48.

4. Фастович, Г.Г. Эффективность государственного механизма: правовые средства, критерии, перспективы исследования / Г.Г. Фастович// Евразийский юридический журнал. – 2015. – № 8 (87). – С. 140-142.

5. Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ (ред. от 03.04.2020) «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // СПС «КонсультантПлюс: Законодательство».

6. Фастович, Г.Г., Осипова, Е.С. К вопросу о предоставлении земельных участков для нужд дипломатических представительств: теоретический аспект / Г.Г. Фастович и др.// Аграрное и земельное право. – 2019. – № 10 (178). – С. 4-5.

7. Фастович, Г.Г. К вопросу о формировании гражданского общества в Российской Федерации / Г.Г. Фастович// Эпоха науки. – 2018. – № 16. – С. 75-77.

УДК 347.1

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ В НАУКЕ

Чурсина Антонина Сергеевна

старший преподаватель

Красноярский государственный аграрный университет, г. Красноярск, Россия

email: znanial6@mail.ru

Аннотация:Рассматриваются некоторые аспекты применения искусственного интеллекта в различных научных сферах.

Ключевые слова: медицина, сельское хозяйство, искусственный интеллект, результаты интеллектуальной деятельности, авторское право, объект гражданского права.

ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN SCIENCE

Chursina Antonina Sergeevna

senior lecturer

Krasnoyarsk State Agrarian University,

Krasnoyarsk, Russia

email: znanial6@mail.ru

Annotation:Some aspects of the use of artificial intelligence in various scientific fields are considered.

Keywords: medicine, agriculture, artificial intelligence, results of intellectual activity, copyright, object of civil law.

Искусственный интеллект (далее – ИИ) – это термин, используемый для описания использования компьютеров и технологий для имитации разумного поведения и критического мышления, сравнимого с человеческим.

В настоящее время дискуссионным является вопрос о том, кому принадлежат результаты деятельности, если какой-то объект был создан при помощи ИИ – владельцу робота, создателю программного обеспечения или самому устройству? В России авторское право регламентировано Гражданским кодексом РФ частью 4 [1]. Российское законодательство в данной области имеет длительную историю [2].

Понятие ИИ впервые было закреплено в Указе Президента РФ от 10.10.2019 № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» [3] (далее – Указ Президента). Искусственный интеллект – это комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека (включая самообучение и поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые, как минимум, с результатами интеллектуальной деятельности человека. Комплекс технологических решений включает в себя информационно-коммуникационную инфраструктуру, программное обеспечение (в том числе, в котором используются методы машинного обучения), процессы и сервисы по обработке данных и поиску решений.

В современных реалиях ИИ стал важнейшим инструментом для ученых, работающих в различных областях науки.

Так, предлагается использовать ИИ для интерпретации социальной истории с помощью архивных данных.

Например, Архив национальных газет Британской библиотеки содержит миллионы страниц газетных сборников, права на которые не защищены авторскими правами, и исследователи работают с кураторами над созданием нового программного обеспечения для анализа данных, извлеченных из этих коллекций. В результате компьютерные лингвисты и историки смогут следить за социальным и культурным развитием во время промышленной революции, а также за изменениями, вызванными развитием технологий во всех сферах жизни общества [4].

Рассмотрим использование ИИ в медицине и сельском хозяйстве.

Медицина.

ИИ может помочь обрабатывать медицинские данные и дать медицинским работникам важную информацию, улучшая результаты лечения и качество обслуживания пациентов, с соблюдением принципа добросовестности [5]. Например, ежегодно более 5000 хирургических роботов используются в более чем 1 миллионе процедур по всему миру. У них есть потенциал во всем: от ортопедии, урологии, общей хирургии до неврологии и онкологии. Кроме того, роботизированные операции помогают проводить более точные процедуры [6].

Можно выделить следующие преимущества ИИ в медицине:

1. Информированный уход за пациентами.
2. Уменьшение ошибок.

Как отмечают доцент Университета Западной Вирджинии (Моргантаун, США) АвишекЧоудхури и доктор Технологического института Стивенса (Нью-Джерси, США) ОнурАсан системы поддержки принятия решений с ИИ при

правильном внедрении могут помочь в повышении безопасности пациентов за счет улучшения обнаружения ошибок, стратификации пациентов и управления лекарственными средствами [7]. Данное является значимым, поскольку правильность/неправильность выставленного клинического диагноза в ряде случаев, в силу закона, существенна при принятии решения по судебному делу [8], [9].

3. Снижение затрат на уход.

Существует множество потенциальных способов, с помощью которых ИИ может сократить расходы в отрасли здравоохранения. Некоторые из наиболее многообещающих возможностей включают сокращение количества ошибок при приеме лекарств, индивидуализированную виртуальную медицинскую помощь, предотвращение мошенничества и поддержку более эффективных административных и клинических рабочих процессов.

4. Повышение взаимодействия врача и пациента.

Так, многие пациенты думают о вопросах, связанных со здоровьем, предоставлением медицинских услуг вне обычного рабочего времени. ИИ может помочь обеспечить круглосуточную поддержку через чат-боты, которые могут отвечать на основные вопросы и предоставлять пациентам ресурсы, когда их врач не работает.

5. Обеспечение контекстуальной релевантности [10].

Сельское хозяйство.

ИИ в сельском хозяйстве помогает выявлять вредителей, болезни растений и недостаточное питание на фермах. Датчики ИИ могут идентифицировать и нацеливаться на сорняки, прежде чем принять решение, какой гербицид использовать на участке. Точное земледелие, часто известное как системы ИИ, помогает повысить общее качество и точность сбора урожая [11].

Можно выделить несколько преимуществ использования ИИ в сельском хозяйстве:

1. автоматическая прополка;
2. автоматический сбор урожая;
3. обнаружение болезней растений;
4. улучшение мониторинга состояния почвы;
5. более эффективное орошение сельскохозяйственных угодий;
6. применение пестицидов и гербицидов.

Сочетание ИИ и сельского хозяйства может быть полезно для следующих процессов:

1. Анализ рыночного спроса. ИИ может облегчить выбор культур и помочь фермерам определить, какие продукты будут наиболее прибыльными.

2. Управление рисками. Фермеры могут уменьшить количество ошибок в бизнесе и снизить риски неурожая.

3. Разведение семян. Собирая данные о росте растений, ИИ может помочь выращивать культуры, менее восприимчивые к болезням и лучше адаптированные к климатическим условиям.

4. Сбор урожая. ИИ может автоматизировать сбор урожая и предсказать лучшее время для него [12].

Как отмечают исследователи, ИИ в сельском хозяйстве — это полезный инструмент, который сейчас внедряется во всем мире на благо производителей. Особенно это помогает тем, кто занимается точным земледелием. На поле применяется набор технологий для сбора важной информации для принятия решений, которые фермеры должны предвидеть. Следовательно, машины ИИ используются для выполнения технических задач или имитации дедуктивных процессов человеческого мышления [13].

Таким образом, новые методы исследования привлекут внимание к жизни обычных людей. Все благодаря ИИ в науке.

Список литературы

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 № 230-ФЗ [Электронный ресурс]. – URL:https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_64629/?ysclid=lp5uy1ajo1682093177 (дата обращения: 01.06.2023).

2. Чурсина, А.С. Особенности авторского права в России в середине 1920-х годов / А.С. Чурсина // Аграрное и земельное право. - 2020. - № 2 (182). - С. 4-5. EDN: NCZECH.

3. Указ Президента РФ от 10.10.2019 № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» (вместе с «Национальной стратегией развития искусственного интеллекта на период до 2030 года») [Электронный ресурс]. – URL:www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_335184/ (дата обращения: 01.06.2023).

4. Искусственный интеллект совершает революцию во всех областях, и наука не является исключением[Электронный ресурс]. – URL:<https://dataconomy.com/2022/11/09/artificial-intelligence-in-science-examples/>(дата обращения: 01.06.2023).

5. Демешко, А.С., Чурсина, А.С. Добросовестность в системе основных начал гражданского законодательства / А.С. Демешко, А.С. Чурсина // Молодежь Сибири – науке России. Материалы международной научно-практической конференции /А.С. Демешко и др. - Красноярск, 2018. - С. 38-40.

6. Искусственный интеллект в медицине: какую пользу ИИ может принести индустрии здравоохранения[Электронный ресурс]. – URL:<https://robots.net/ai/artificial-intelligence-in-medicine/>(дата обращения: 01.06.2023).

7. Роль искусственного интеллекта в обеспечении безопасности пациентов: систематический обзор литературы[Электронный ресурс]. – URL:<https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/32706688/>(дата обращения: 01.06.2023).

8. Чурсина, А.С. Признание физического лица недееспособным в Кыргызской Республике: вопросы теории и практики /А.С. Чурсина // Право и государство: теория и практика. - 2023. - № 8(224). - С. 249-251[Электронный ресурс]. – URL:http://doi.org/10.47643/1815-1337_2023_8_249(дата обращения: 01.06.2023).

9. Чурсина, А.С. Некоторые аспекты правоприменительной практики ограничения дееспособности физических лиц по законодательству Республики Беларусь / А.С. Чурсина // Право и государство: теория и практика. - 2023. - № 10(226). - С. 257-259 [Электронный ресурс]. – URL: http://doi.org/10.47643/1815-1337_2023_10_257 (дата обращения: 01.06.2023).

10. Что такое искусственный интеллект в медицине? [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.ibm.com/topics/artificial-intelligence-medicine> (дата обращения: 01.06.2023).

11. Искусственный интеллект в сельском хозяйстве: компьютерное зрение и роботы используются для повышения эффективности [Электронный ресурс]. – URL: <https://dataconomy.com/2022/07/25/ai-in-agriculture/> (дата обращения: 01.06.2023).

12. Искусственный интеллект в сельском хозяйстве – роль, преимущества и примеры [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.agrifarming.in/artificial-intelligence-in-agriculture-role-benefits-and-examples> (дата обращения: 01.06.2023).

13. Как искусственный интеллект меняет сельское хозяйство шестью способами [Электронный ресурс]. – URL: <https://aihints.com/artificial-intelligence-in-agriculture-ai-hints/> (дата обращения: 01.06.2023).

УДК 347.1

АВТОРСКИЕ ПРАВА НА ОБЪЕКТЫ, СОЗДАННЫЕ ИСКУССТВЕННЫМ ИНТЕЛЛЕКТОМ

Чурсина Антонина Сергеевна

старший преподаватель

Красноярский государственный аграрный университет,

г. Красноярск, Россия

email: znanial6@mail.ru

Аннотация: Рассматриваются некоторые аспекты, связанные с правом авторства на результаты деятельности искусственного интеллекта.

Ключевые слова: искусственный интеллект, результаты интеллектуальной деятельности, авторское право, объект гражданского права.

COPYRIGHT FOR OBJECTS CREATED BY ARTIFICIAL INTELLIGENCE

Chursina Antonina Sergeevna

senior lecturer

Krasnoyarsk State Agrarian University,

Krasnoyarsk, Russia

email: znanial6@mail.ru

Annotation: some aspects related to the right of authorship to the results of artificial intelligence activities are considered.

Keywords: artificial intelligence, results of intellectual activity, copyright, object of civil law.

Вопрос о том, кто является автором произведения возникает в случае, когда в процессе его создания действие человека минимально или вообще отсутствует. Кому принадлежат результаты деятельности, если какой-то объект был создан при помощи искусственного интеллекта (далее – ИИ) – человеку или ИИ, владельцу робота, создателю программного обеспечения или самому устройству?

Как отмечают П. БернтХугенхольц, Жоао Педро Кинтайс (Институт информационного права (IViR)) и Дэниел Жерве (Школа права Университета Вандербильта) использование систем ИИ в сфере культуры, инноваций и науки в последние годы значительно выросло. Системы ИИ используются для создания разнообразного литературного и художественного контента, включая песни, переводы, стихи, сценарии, романы, фото, картины и т.д., а также глубоко проникают в средства массовой информации и журналистику [1].

В России понятие ИИ впервые было закреплено в Указе Президента РФ от 10.10.2019 № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» [2]. Искусственный интеллект – это комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека (включая самообучение и поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые, как минимум, с результатами интеллектуальной деятельности человека.

Вопросы интеллектуальной собственности, в частности авторского права регламентированы частью 4 Гражданского кодекса РФ [3]. Российское законодательство в данной области имеет длительную историю [4]. Согласно ст. 1228 ГК РФ автором результата интеллектуальной деятельности признается гражданин, творческим трудом которого создан такой результат. Автором может стать физическое лицо независимо от степени дееспособности, если соблюден основной критерий авторства, а именно в создание такого произведения вложен его творческий труд [5], [6]. Исходя из буквального толкования, ИИ не может владеть авторскими правами на созданные ими произведения [7].

В Ирландия, Великобритания, Индия, Новая Зеландия если произведение создано ИИ, авторские права предоставляются программисту. В законе Великобритании об авторском праве указано, что в случае литературного, драматического, музыкального или художественного произведения, созданного с помощью компьютера, автором считается лицо, осуществившее необходимые приготовления для создания произведения [8].

Следует согласиться с выводами специалиста в области интеллектуальной собственности Университета Сассекса (Великобритания) Андреса Гуадамуза. Исследователь указывает, что в рассматриваемой ситуации закон может либо отказать в защите авторских прав на произведения, созданные с помощью компьютера, либо приписать авторство таких произведений создателю программы. При этом, как считает А. Гуадамуза,

предоставление авторских прав человеку, который сделал возможным использование ИИ, является наиболее разумным подходом. Такой подход гарантирует, что компании будут продолжать инвестировать в технологии, будучи уверенными в том, что они получают возврат своих инвестиций [8].

Другой же автор из Йельского университета Шломиц Яниски-Равид [9] указывает на наличие у ИИ творческого начала, в обоснование этого приводит 10 критериев, согласно которым «машина» может создавать произведения:

1. Креативность.
2. Автономность и независимость.
3. Непредсказуемость.
4. Способность к аккумуляции данных.
5. Способность к обучению.
6. Эволюционирует.
7. Рационально-интеллектуальная система.
8. Эффективность.
9. «Свободный выбор».
10. Ориентированность на достижение цели.

Можно сделать вывод, что преобладающим подходом является прямое признание автором результатов деятельности, произведенных ИИ, создателя этого ИИ. В целом, исследователи сходятся во мнении, что субъектом авторского права на объекты, созданные ИИ, в большинстве случаев может быть признан только человек-создатель ИИ.

Список литературы

1. Тенденции и разработки в области искусственного интеллекта: проблемы авторского права [Электронный ресурс]. – URL: <https://copyrightblog.kluweriplaw.com/2020/12/16/trends-and-developments-in-artificial-intelligence-challenges-to-copyright/> (дата обращения: 01.06.2023).
2. Указ Президента РФ от 10.10.2019 № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» (вместе с «Национальной стратегией развития искусственного интеллекта на период до 2030 года») [Электронный ресурс]. – URL: www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_335184/ (дата обращения: 01.06.2023).
3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 № 230-ФЗ / СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_64629/?ysclid=lp5uy1ajo1682093177 (дата обращения: 01.06.2023).
4. Чурсина, А.С. Особенности авторского права в России в середине 1920-х годов / А.С. Чурсина // Аграрное и земельное право. - 2020. - № 2 (182). - С. 4-5.
5. Чурсина, А.С. Признание физического лица недееспособным в Кыргызской Республике: вопросы теории и практики / А.С. Чурсина // Право и государство: теория и практика. - 2023. - № 8(224). - С. 249-251 [Электронный ресурс]. – URL: http://doi.org/10.47643/1815-1337_2023_8_249 (дата обращения: 01.06.2023).

6. Чурсина А.С. Некоторые аспекты правоприменительной практики ограничения дееспособности физических лиц по законодательству Республики Беларусь / А.С. Чурсина // Право и государство: теория и практика. - 2023. - № 10(226). - С. 257-259[Электронный ресурс]. – URL:http://doi.org/10.47643/1815-1337_2023_10_257(дата обращения: 01.06.2023).

7. Демешко, А.С., Чурсина, А.С. Добросовестность в системе основных начал гражданского законодательства / А.С. Лемешко и др.// Молодежь Сибири – науке России. Материалы международной научно-практической конференции. - Красноярск, 2018. - С. 38-40.

8. Искусственный интеллект и авторское право[Электронный ресурс]. – URL:https://www.wipo.int/wipo_magazine/en/2017/05/article_0003.html (дата обращения: 01.06.2023).

9. Yanisky-Ravid S. Generating Rembrandt: Artificial Intelligence, Accountability and Copyright – The Human-Like Workers Are Already Here – A New Model[Электронный ресурс]. – URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=2957722 (дата обращения: 01.06.2023).

РАЗДЕЛ 2. АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ РОССИЙСКОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА: УНИФИКАЦИЯ ЭКСПЕРТНЫХ ПРОЦЕДУР

УДК 351.9

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ И МЕТОДИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ МЕХАНИЗМА ПРИВЛЕЧЕНИЯ ЭКСПЕРТОВ И ЭКСПЕРТНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ К ПРОБЛЕМАМ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО И МУНИЦИПАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ

Айснер Лариса Юрьевна

кандидат культурологии, доцент

Красноярский государственный аграрный университет, г. Красноярск, Россия

Наумов Олег Дмитриевич

кандидат философских наук, доцент

Красноярский государственный аграрный университет, г. Красноярск, Россия

email: stud.ui@kgau.ru

Аннотация: В статье акцентируется внимание на поиске и обосновании механизма привлечения экспертов и экспертных организаций к осуществлению государственного и муниципального управления. Обосновывается роль экспертного сообщества в вопросе повышения эффективности государственного и муниципального управления.

Ключевые слова: эксперт, экспертная организация, государственное и муниципальное управление, мониторинг и оценка, эффективность государственного управления, механизм государственного управления.

METHODOLOGICAL AND METHODOLOGICAL ASPECTS OF THE MECHANISM OF INVOLVING EXPERTS AND EXPERT ORGANIZATIONS TO THE PROBLEMS OF STATE AND MUNICIPAL GOVERNANCE

Aisner Larisa Yurievna

candidate of cultural studies, associate professor

Krasnoyarsk state agrarian university,

Krasnoyarsk, Russia

Naumov Oleg Dmitrievich,

candidate of philosophy, associate professor

Krasnoyarsk state agrarian university,

Krasnoyarsk, Russia

email: stud.ui@kgau.ru

Abstract: The article focuses on the search and justification of the mechanism for attracting experts and expert organizations to the implementation of state and

municipal government. The role of the expert community in the issue of improving the efficiency of state and municipal government is substantiated.

Keywords: expert, expert organization, state and municipal administration, monitoring and evaluation, efficiency of public administration, mechanism of public administration.

В настоящее время привлечение экспертов к работе органов государственной и муниципальной власти на разных этапах реализации управленческого цикла представляет собой необходимое условие обеспечения прозрачности, гласности, а также эффективности функционирования рассматриваемых органов и институций.

Вынося за скобки вопросы нормативно-правовой регламентации, касающиеся, прежде всего, юридического статуса субъекта эксперта и процедур осуществления им экспертной деятельности в рамках реализации функций государства и муниципального образования, сфокусируем внимание на проблемах поиска и выбора оптимального управленческого механизма привлечения эксперта к осуществлению государственного и муниципального управления [1]. Важность обращения к обозначенному аспекту взаимодействия государства, муниципальной власти и экспертного сообщества обусловлено тем, что в отечественной практике осуществления государственной управленческой деятельности, сфера применения и реализации специальных знаний в действительности оказывается значительно шире, нежели осуществление правовой экспертизы проектов принимаемых государственных решений. В связи с этим, вопрос, связанный с концептуализацией, унификацией и нормативно-правовым закреплением механизма привлечения экспертов и экспертных организаций в деятельность органов государственного и муниципального управления – заслуживает отдельного внимания, которое в перспективе может быть положено в очередной виток продолжающихся в Российской Федерации административно-управленческих реформ [3,4,6].

В современной теории государственного управления выделяется несколько подходов, определяющих характер функционирования механизмов государственно-управленческой деятельности в отношении общественных процессов. В первую очередь к ним следует отнести: рыночный механизм, характеризующийся слабой адаптивной способностью и сильными стимулами, являющийся в условиях современности наиболее предпочтительным, а также иерархический механизм, отличающийся большим количеством управленческих издержек и высоким уровнем административного контроля со стороны государства в отношении процессов и отношений, возникающих в обществе [8,9].

Принимая во внимание тезис о многоплановости осуществления управленческой деятельности, реализуемой государством на стратегическом, тактическом и оперативном уровнях, следует признать, что при разработке, принятии и реализации государственной политики – долгосрочной стратегии социально-экономического развития общества [2] и территории [5], наиболее предпочтительным оказывается второй механизм, вместе с тем, чрезмерное

вмешательство государства в вопросы общественного развития ставит вопросы, касающиеся не только обеспечения принципов открытой рыночной экономики, но и конституционных прав и обязанностей, характеризующих существующую форму государства с позиций правового демократического образования. Таким образом, мониторинг и оценка названных аспектов осуществления государственно-административной деятельности являются задачей экспертного сообщества, осуществляющего применение своих специальных знаний не только к экспертизе принимаемых государством решений, но и контролирующих его процессуальную деятельность, связанную с реализацией основополагающих функций последнего.

В ситуации развития стратегического управления государством, а также совершенствования законодательства, регламентирующим рассматриваемое направление реализации функций государства, отношения последнего с экспертным сообществом должны развиваться в направлении усложнения посредством детализации, спецификации и унификации механизмов экспертной оценки управления для обеспечения долгосрочного характера описываемого взаимодействия. Особенно актуальной эта задача становится в ситуациях увеличения рисков и неопределенности, как внутри государства, так и за его пределами. Это означает, что помимо осуществления специфической – специальной контрольно-надзорной деятельности за реализацией функций государства, экспертное сообщество должно пересмотреть свое положение в существующей системе государственного и муниципального управления. Из рядового исполнителя технических заданий, регламентированных многочисленными требованиями и положениями, носящих преимущественно формальный и необязательный характер, оно должно стать полноценным субъектом разработки, принятия и реализации государственных решений, оставляющим за собой не только право рекомендательного голоса, но и активного вмешательства, заключающегося в разработке и обосновании оптимальных требований к осуществляемым со стороны транзакций в рамках его административно-управленческой деятельности. Несложно предположить, что рост сложности объема проводимых государством транзакций может вызвать необходимость интеграции и институализации экспертного сообщества не только с целью научно-методического обеспечения реализации функций государства, но и в связи с разработкой новых – более сложных механизмов осуществления административно-управленческой деятельности.

Благодаря последовательному развитию приведенного предположения становится очевидным, что существующие механизмы осуществления управленческой деятельности государства и административно-публичных муниципальных образований с привлечением экспертов и экспертных организаций оказываются не достаточно эффективными, поскольку в полной мере не подразумевают реализацию мультипликативного эффекта воздействия экспертного сообщества на политических акторов, принимающих решения. Иными словами, определяя и указывая на транзакционные издержки, экспертное сообщество, помимо прочего, тем самым способствуют увеличению темпов роста последних, поскольку наиболее значимый масштаб они начинают

приобретать не по отдельности, а благодаря их сочетанию в рамках предлагаемых экспертными сообществами парадигмальных сценариях развития ситуации, строящихся на сочетании количественных и качественных методах оценки.

Задача первой методики, как правило, сводится к выявлению, определению и расчету интегрального показателя на мультипликативный эффект воздействия существующих параметров на уровень транзакционных издержек. В общем виде она может быть рассчитана по формуле:

$$C = a_1 k_1 * a_{(i+1)} k_{(i+1)} \dots a_n k_n,$$

где:

C – значение общего критерия,

a_i – коэффициент, отражающий значимость критерия (характеристики);

k_i – значение критерия (характеристики);

n – количество частных критериев.

В силу универсальности приведенной методики оценки [7], последнюю возможно закрепить в нормативно-правовых источниках, определяющих порядок привлечения экспертов и осуществления ими своих полномочий при разрешении проблем государственно-муниципального управления.

Качественный анализ направлен не столько на анализ среды принятия решения, сколько на эффективность функционирования лица принимающего решения и может быть произведен по многочисленным авторским методикам, нуждающимся в своем нормативном закреплении с целью осуществления последовательного и систематического мониторинга и оценки эффективности реализацией государством и муниципалитетами своих функций.

Список литературы

1. Айснер, Л.Ю. К вопросу об оценке государственно-стратегического управления в контексте глобального посткризисного ландшафта: старые проблемы и новый формат решения /Л.Ю. Айснер, О.Д. Наумов // Тренды развития современного общества: управленческие, правовые, экономические и социальные аспекты. Сборник научных статей 10-й Всероссийской научно-практической конференции. –Курск, 2020. – С. 19-21.

2. Айснер, Л.Ю. К вопросу о путях развития экономики в условиях посткризисного мира: проблемы и пути решения / Л.Ю. Айснер, О.Д. Наумов // Тренды развития современного общества: управленческие, правовые, экономические и социальные аспекты. Сборник научных статей 10-й Всероссийской научно-практической конференции. – Курск, 2020. – С. 22-24.

3. Айснер, Л.Ю. Использование цифровых технологий при планировании, мониторинге и оценке государственного управления: анализ зарубежной практики /Л.Ю. Айснер, О.Д. Наумов // Высокотехнологичное право: генезис и перспективы. Материалы II Международной межвузовской научно-практической конференции. – Красноярск, 2021. – С. 12-15.

4. Айснер, Л.Ю. ESG управление и глобальный кризис: трансформация управленческих стратегий государства в XXI веке / Л.Ю. Айснер, О.Д. Наумов // Тренды развития современного общества:

управленческие, правовые, экономические и социальные аспекты. Сборник научных статей 11-й Всероссийской научно-практической конференции. – Курск, 2021. – С. 19-22.

5. Айснер, Л.Ю. Управление устойчивым развитием территорий: в поисках адекватных инструментов оценки развития и устойчивости (теоретико-методологический обзор) / Л.Ю. Айснер, О.Д. Наумов // Научно-практические аспекты развития АПК. Материалы национальной научной конференции. – Красноярск, 2021. – С. 211-216.

6. Айснер, Л.Ю. Применение высоких технологий в отечественной практике государственного управления: проблемы и перспективы / Л.Ю. Айснер, О.Д. Наумов // Высокотехнологичное право: генезис и перспективы. Материалы II Международной межвузовской научно-практической конференции. – Красноярск, 2021. – С. 7-11.

7. Дубров, А.М. Многомерные статистические методы / А.М. Дубров, В.С. Мхитаряч, Л.И. Трошин. – М.: Финансы и статистика, 1998. – 369 с.

8. Куприн, А.А. Теоретико-методологические основы государственного управления и поддержки инновационной деятельности – А.А. Куприн // Экономика и управление: вчера, сегодня, завтра. – 2018. – № 2. – С. 24-35.

9. Куприн, А.А. Формирование и разработка механизма адаптации в целях устранения дисбаланса целевых характеристик системы управления / А.А. Куприн, В.С. Кудряшов // Экономика и управление: вчера, сегодня, завтра. – 2018. – № 2. – С. 80-85.

УДК 351.9

ПЕРСПЕКТИВЫ ПРИМЕНЕНИЯ НЕЗАВИСИМОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ В РАМКАХ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ РЕГИОНАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ТЕРРИТОРИЙ

Айснер Лариса Юрьевна

кандидат культурологии, доцент

Красноярский государственный аграрный университет, г. Красноярск, Россия

Наумов Олег Дмитриевич

кандидат философских наук, доцент

Красноярский государственный аграрный университет, г. Красноярск, Россия

email: stud.ui@kgau.ru

Аннотация: В статье рассматриваются перспективы привлечения независимых экспертов при решении вопросов комплексной оценки деятельности региональных органов государственной власти в части социально-экономического развития территорий. Рассматриваются функции экспертного сообщества, а также специфика риск-ориентированного подхода в управлении территориями.

Ключевые слова: эксперт, экспертная организация, государственное и муниципальное управление, мониторинг и оценка, эффективность государственного управления, механизм государственного управления.

PROSPECTS FOR THE APPLICATION OF INDEPENDENT EXPERTISE IN THE FRAMEWORK OF REGIONAL MANAGEMENT OF THE SOCIO- ECONOMIC DEVELOPMENT OF THE TERRITORIES

Aisner Larisa Yurievna

candidate of cultural studies, associate professor
Krasnoyarsk State Agrarian University,
Krasnoyarsk, Russia

Naumov Oleg Dmitrievich

candidate of philosophy, associate professor
Krasnoyarsk State Agrarian University,
Krasnoyarsk, Russia
email: stud.ui@kgau.ru

Abstract: The article discusses the prospects for attracting independent experts in matters of a comprehensive assessment of the activities of regional government bodies in terms of the socio-economic development of territories. The functions of the expert community are considered, as well as the specifics of the risk-based approach to the management of territories.

Keywords: expert, expert organization, state and municipal administration, monitoring and evaluation, efficiency of public administration, mechanism of public administration.

В сложившейся на территории Российской Федерации системе государственного и муниципального управления привлечение независимых экспертов к участию в реализации государственного и муниципального управления – необходимое условие для обеспечения прозрачности, гласности и эффективности функционирования государственного аппарата.

Анализ ситуации на существующем рынке экспертных услуг показывает, что все чаще экспертное сообщество в своем взаимодействии с государством и административно-публичным образованиями берет на себя функции контрольно-надзорной инстанции, следящей не столько за соблюдением процессуальных норм и регламентов со стороны государства и администрацией муниципалитетов, сколько за уровнем и темпом социально-экономического развития территорий [5]. В связи этим привлечение независимых экспертов к участию в осуществлении регионального уровня государственного управления является важной составляющей процесса принятия и реализации комплексной программы развития территорий.

Ассоциируя контрольно-надзорную деятельность экспертного сообщества с вопросами развития территорий [1,2], закономерным становится

вопрос о методологическом содержании проводимых экспертиз и критериях их назначения, поскольку осуществление независимой экспертизы является не только инструментом оценки эффективности деятельности региональной власти, но и достаточно затратным мероприятием. Особенно актуальным становится привлечение экспертов в рамках риск-ориентированного подхода, набирающего все большую популярность в современной теории и практики государственного управления, связывающей задачи, стоящие перед государством с регулированием, управлением и минимизацией рисков.

При таком подходе к определению тактических задач государства перед экспертным сообществом открывает широкий простор для применения своих специальных знаний [6]: от комплексного анализа ситуации до обоснования рационального выбора мер регулятивного воздействия и оценка перспектив социально-экономического развития в условиях неопределенности [7,8]. Таким образом, первостепенная задача экспертного участия в вопросах регионального управления развитием территорий может быть определена в качестве обоснования необходимости государственного регулирования рисков в различных сферах общественной жизни и отраслях экономики [3,4].

Полагание риска в качестве единицы управленческого цикла влечет за собой необходимость определения степеней последнего с целью конкретизации приемлемого или допустимого уровня риска, определяющей возможности и границы регулирования со стороны уполномоченных органов и лиц принимающих решения. В результате научно обоснованного вмешательства со стороны государства, издержки со стороны государства минимизируются, а выгоды для общественного развития – увеличивается, что на практике оборачивается увеличением темпов и качества социально-экономического развития. Таким образом, определение допустимого уровня риска – это эффективный механизм осуществления управленческой деятельности в отношении развития территории и происходящих на ней социально-экономических и политических процессов.

Кроме того, осуществление государственного управления с позиций риск-ориентированного подхода при участии экспертного сообщества обеспечивает оптимальность системы контроля и надзора не только за сферами общественной жизни, но и за реализацией административно-управленческого механизма на всех стадиях управленческого цикла, что в свою очередь позволяет оптимизировать и адекватно применять на практике инструментарий контрольно-надзорных мероприятий, призванных не столько выявить и устранить возможные негативные последствия, сколько предупредить их, в том числе посредством нормативно-правового регулирования.

Список литературы

1. Айснер, Л.Ю. К вопросу об оценке государственно-стратегического управления в контексте глобального посткризисного ландшафта: старые проблемы и новый формат решения /Л.Ю. Айснер, О.Д. Наумов // Тренды развития современного общества: управленческие, правовые, экономические и

социальные аспекты. Сборник научных статей 10-й Всероссийской научно-практической конференции. – Курск, 2020. – С. 19-21.

2. Айснер, Л.Ю. К вопросу о путях развития экономики в условиях посткризисного мира: проблемы и пути решения / Л.Ю. Айснер, О.Д. Наумов // Тренды развития современного общества: управленческие, правовые, экономические и социальные аспекты. Сборник научных статей 10-й Всероссийской научно-практической конференции. – Курск, 2020. – С. 22-24.

3. Айснер, Л.Ю. Использование цифровых технологий при планировании, мониторинге и оценке государственного управления: анализ зарубежной практики / Л.Ю. Айснер, О.Д. Наумов // Высокотехнологичное право: генезис и перспективы. Материалы II Международной межвузовской научно-практической конференции. – Красноярск, 2021. – С. 12-15.

4. Айснер, Л.Ю. ESG управление и глобальный кризис: трансформация управленческих стратегий государства в XXI веке / Л.Ю. Айснер, О.Д. Наумов // Тренды развития современного общества: управленческие, правовые, экономические и социальные аспекты. Сборник научных статей 11-й Всероссийской научно-практической конференции. – Курск, 2021. – С. 19-22.

5. Айснер, Л.Ю. Управление устойчивым развитием территорий: в поисках адекватных инструментов оценки развития и устойчивости (теоретико-методологический обзор) / Л.Ю. Айснер, О.Д. Наумов // Научно-практические аспекты развития АПК. Материалы национальной научной конференции. - Красноярск, 2021. - С. 211-216.

6. Айснер, Л.Ю. Применение высоких технологий в отечественной практике государственного управления: проблемы и перспективы / Л.Ю. Айснер, О.Д. Наумов // Высокотехнологичное право: генезис и перспективы. Материалы II Международной межвузовской научно-практической конференции. – Красноярск, 2021. – С. 7-11.

7. Куприн, А.А. Теоретико-методологические основы государственного управления и поддержки инновационной деятельности / А.А. Куприн // Экономика и управление: вчера, сегодня, завтра. – 2018. – № 2. – С. 24-35.

8. Куприн, А.А. Формирование и разработка механизма адаптации в целях устранения дисбаланса целевых характеристик системы управления / А.А. Куприн, В.С. Кудряшов // Экономика и управление: вчера, сегодня, завтра. – 2018. – № 2. – С. 80-85.

**НЕКОТОРЫЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРАКТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ
РАССЛЕДОВАНИЯ УГОЛОВНЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ
И АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЙ В СФЕРЕ
НАРКООБОРОТА И НАРКОПОТРЕБЛЕНИЯ И УЧАСТИЕ
СПЕЦИАЛИСТОВ, ЭКСПЕРТОВ В ОБЛАСТИ КОМПЬЮТЕРНОЙ
ТЕХНИКИ В ХОДЕ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ**

Власов Валерий Александрович

Красноярский государственный аграрный университет, г. Красноярск, Россия

Сибирский юридический институт МВД России, г. Красноярск, Россия

Сибирская пожарно-спасательная академия ГПС МЧС России,

г. Железногорск, Россия

email: vav.70@mail.ru

Аннотация: В настоящей статье исследуются некоторые теоретические и практические аспекты расследования уголовных преступлений и административных правонарушений в сфере незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ, и их аналогов. Автором предложены отдельные эффективные средства противодействия незаконному наркообороту и наркопотреблению, а также сделаны обоснованные выводы о необходимости дальнейшей системной работы по данному направлению. В частности, предлагается в целях гармонизации уголовно-процессуального законодательства подкорректировать формулировку ч.2 ст. 164-1 УПК РФ и предусмотреть в ней, что не только изъятие, но также поиск и фиксация электронных носителей информации в ходе проведения следственных действий проводились с обязательным участием специалиста.

Ключевые слова: наркооборот, наркопотребление, противодействие, наркотические средства, психотропные вещества, сеть Интернет, доказательства, наркотизация общества, наркозависимость, предложения, гармонизация законодательства, эксперт, специалист, следственные действия.

**SOME THEORETICAL AND PRACTICAL ASPECTS OF THE
INVESTIGATION OF CRIMINAL CRIMES AND ADMINISTRATIVE
OFFENSES IN THE SPHERE OF DRUG TRAFFIC AND DRUG USE AND
THE PARTICIPATION OF SPECIALISTS, EXPERTS IN THE FIELD OF
COMPUTER EQUIPMENT DURING INVESTIGATIVE ACTIONS**

Vlasov Valery Alexandrovich

Krasnoyarsk state agrarian university,

Siberian law institute of the Ministry of internal affairs of Russia,

Krasnoyarsk, Russia

Siberian fire and rescue academy of the State fire service of the Ministry of
emergency situations of Russia,

Zheleznogorsk, Russia

Abstract: This article examines some theoretical and practical aspects of the investigation of criminal offenses and administrative offenses in the field of illicit trafficking in narcotic drugs and psychotropic substances, and their analogues. The author proposes separate effective means of counteracting illegal drug trafficking and drug consumption, and also draws reasonable conclusions about the need for further systematic work in this area. In particular, it is proposed to correct the wording of Part 2 of Art. 164-1 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation and provide in it that not only the seizure, but also the search and fixation of electronic media in the course of investigative actions were carried out with the obligatory participation of a specialist.

Keywords: drug trafficking, drug consumption, counteraction, narcotic drugs, psychotropic substances, the Internet, evidence, drug addiction of society, drug addiction, proposals, harmonization of legislation, expert, specialist, investigative actions.

Такие деструктивные явления, как: «наркомания», «распространение наркотиков» и «наркопреступность» не только представляют собой угрозу государственной и общественной безопасности, но и ведут к деградации и вымиранию всего человечества. В современный период времени политика Российского государства по противодействию незаконному наркообороту является приоритетной для нашей страны. Сегодня перед Российской Федерацией стоят ряд актуальных социально-правовых и социально-политических задач, решение которых требует очень взвешенной правовой политики во многих сферах, в том числе и в сфере противодействия наркомании и наркопреступности [1].

В Указе Президента РФ от 23.11.2020 № 733 «Об утверждении Стратегии государственной антинаркотической политики Российской Федерации на период до 2030 года» закреплено: «В результате реализации антинаркотической политики в 2010 - 2020 годах наркоситуация в России в целом стабилизировалась, однако согласно данным мониторинга, проводимого Государственным антинаркотическим комитетом, в большинстве регионов Российской Федерации она остается напряженной», поскольку ежегодно правоохранительными органами выявляется около 200 тысяч преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков [2].

«Незаконный оборот наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсоров или аналогов», является сложной и комплексной уголовно-правовой категорией, поскольку объединяет в себе достаточно объемную группу преступлений.

Федеральный закон от 08.01.1998 № 3-ФЗ «О наркотических средствах и психотропных веществах» закрепляет следующее понятие исследуемого феномена – это оборот наркотических средств, психотропных веществ - разработка, производство, изготовление, переработка, хранение, перевозка, пересылка, отпуск, реализация, распределение, приобретение, использование,

ввоз на территорию Российской Федерации, вывоз с территории Российской Федерации, уничтожение наркотических средств, психотропных веществ, разрешенные и контролируемые в соответствии с законодательством Российской Федерации [4]. Наркооборот - это реализованные с нарушением законодательства РФ наркотические средства, психотропные вещества, их прекурсоры или аналоги.

Следовательно, исходя из легального определения исследуемого явления можно сделать вывод том, что преступления, предусмотренные ст. 228-ст. 233 УК РФ представляют из себя непосредственно действия:

- 1) предполагающие только оборот наркотиков (ст. 228-ст. 228.4 УК РФ);
- 2) представляющие собой элемент оборота наркотиков (ст.ст. 229, 229.1, 231, 233 УК РФ).

В зависимости от механизма совершения проступков в сфере наркооборота и наркопотребления все административные правонарушения можно разделить на три группы:

- 1) административные правонарушения, связанные с потреблением наркотических средств;
- 2) административные правонарушения, связанные с распространением наркотических средств;
- 3) административные правонарушения в сфере применения специальных правил оборота наркотических средств юридическими лицами.

К первой группе относятся: статья 6.9 КоАП РФ, запрещающая употребление наркотиков и иных запрещенных законом веществ без назначения врача, статья 6.9.1 КоАП РФ - уклонение от прохождения диагностики, профилактических мероприятий, лечения от наркомании и (или) медицинской и (или) социальной реабилитации в связи с потреблением наркотических средств или психотропных веществ без назначения врача либо новых потенциально опасных психоактивных веществ, часть 2 статьи 20.20 КоАП РФ, запрещающая употребление наркотиков, психотропных или одурманивающих препаратов, статья 20.22 КоАП РФ, запрещающая нахождение в состоянии опьянения в общественных местах не достигших совершеннолетия лиц, распитие ими алкоголя либо употребление ими наркотиков, небезопасных психоактивных, одурманивающих и иных веществ.

Во вторую группу входят такие правонарушения, как перечисленные в статье 6.8 КоАП РФ, запрещающей незаконный оборот наркотиков и препаратов, являющихся их аналогом, а также нелегальное распространение растений, которые содержат наркотические средства, статье 6.13 КоАП РФ, запрещающей пропаганду наркотиков, иных опасных веществ и их аналогов, растений, содержащих такие вещества, статье 6.16 КоАП РФ - нарушение правил оборота наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров либо хранения, учета, реализации, перевозки, приобретения, использования, ввоза, вывоза или уничтожения растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества либо их прекурсоры, и их частей, содержащих наркотические средства или психотропные вещества либо их прекурсоры, статье 6.16.1, запрещающей незаконные приобретение,

хранение, перевозку, производство, сбыт или пересылку прекурсоров наркотических средств или психотропных веществ, а также незаконные приобретение, хранение, перевозку, сбыт или пересылку растений, содержащих прекурсоры наркотических средств или психотропных веществ, либо их частей, содержащих прекурсоры наркотических средств или психотропных веществ, принятие мер по уничтожению дикорастущих растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества либо их прекурсоры (статья 10.5 КоАП РФ), статье 10.5.1 КоАП РФ, запрещающей нелегальное культивирование растений, которые содержат наркотические средства, психотропные и другие опасные вещества.

К третьей группе относятся статья 10.4, предусматривающая ответственность за принятие мер по обеспечению режима охраны посевов и территории хранения растений, которые содержат наркотические средства и их аналоги, статья 6.15 КоАП РФ, предусматривающая ответственность за нарушение правил оборота инструментов или оборудования, которые используются для изготовления наркотиков, статья 6.16 КоАП РФ, предусматривающая ответственность за нарушение правил оборота наркотиков и их аналогов, а также распространения или уничтожения растений, которые содержат наркотические средства, психотропные и иные опасные вещества и их прекурсоры [3].

Процессуальный поиск и предварительное изучение компьютерных устройств с предполагаемыми следами наркопреступлений, требует неременного участия специалиста в области компьютерной техники. Средствами поиска выступают предусмотренные законом следственные действия, наименования и порядок их проведения которых регламентирован ст. ст. 164-170, 176-207 УПК РФ [5].

Безусловно, важнейшая роль при расследовании уголовных преступлений и административных правонарушений в рассматриваемой области отводится специалисту в обеспечении технически корректного обращения с электронным носителем с целью сохранения находящейся на нем компьютерной информацией. Именно он позволяет, в известных пределах, изучить содержимое носителя и технически правильно описать основные данные о его электронном наполнении в протоколе следственного действия Автор в своих публикациях уже обращал внимание на то, что желательно подкорректировать формулировку ч.2 ст. 164-1 УПК РФ и предусмотреть в ней, что не только изъятие, но также поиск и фиксация электронных носителей информации в ходе проведения следственных действий проводились с обязательным участием специалиста. Такое решение вопроса позволит исключить двусмысленность и ориентирует правоохранительные органы на изыскание возможностей обеспечивать участие компьютерно-технических специалистов во всех следственных действиях, в ходе которых могут быть обнаружены электронные носители и информация на них [6]. Практика раскрытия преступлений в области незаконного оборота наркотиков свидетельствует, что на территории г. Красноярска рассматриваемый способ выполнения нехватки компьютерно-технических специалистов оказался в

достаточной мере востребованным и в настоящее время демонстрирует устойчивую тенденцию к росту [7].

В уголовном законодательстве США, в отличие от России, рекламе посвящен отдельный подраздел, где в качестве отдельного признака выделяется использование сети Интернет. Более того, в Своде законов США закрепляется непосредственно цель рекламы - поиск или предложение незаконно получить, купить или распространить контролируемую субстанцию. В российском законодательстве за совершение подобных деяний предусмотрена административная ответственность (ст. 6.13 КоАП РФ). Диспозиция указанной выше статьи является бланкетной. Собственно, понятия «пропаганда» или «незаконная реклама наркотических средств» раскрываются в иных нормативных правовых актах.

В статье 3 Федерального закона от 13.03.2006 № 38-ФЗ «О рекламе» законодатель собственно под рекламой понимает информацию, распространенную любым способом, в любой форме и с использованием любых средств, адресованную неопределенному кругу лиц и направленную на привлечение внимания к объекту рекламирования, формирование или поддержание интереса к нему и его продвижение на рынке; под ненадлежащей рекламой - реклама, не соответствующая требованиям законодательства РФ.

Предлагаем закрепить в КоАП РФ ответственность не только за пропаганду, но и за незаконную рекламу наркотических средств и психотропных веществ, и их аналогов в сети Интернет. В частности, статью 6.13 «Пропаганда наркотических средств, психотропных веществ или их прекурсоров, растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества либо их прекурсоры, и их частей, содержащих наркотические средства или психотропные вещества либо их прекурсоры, новых потенциально опасных психоактивных веществ», а именно п. 1.1. «Пропаганда и незаконная реклама (дополнение – В.В.) наркотических средств, психотропных веществ или их прекурсоров, растений, содержащих наркотические средства, психотропные вещества или их прекурсоры, их частей, содержащих наркотические средства, психотропные вещества или их прекурсоры, либо новых потенциально опасных психоактивных веществ с использованием информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» - далее по тексту.

Также в КоАП необходимо разработать проект изменений и затем закрепить отдельный состав административного правонарушения, закрепляющего административную ответственность несовершеннолетних лиц за потребление новых потенциально опасных психоактивных веществ.

Обращает на себя внимание тот факт, что состояние преступности в сфере противоправного наркооборота, в том числе совершаемых с использованием сети Интернет, обусловлено достаточно высоким уровнем латентности. Поэтому специально уполномоченные подразделения по контролю за оборотом наркотиков МВД России должны качественно осуществлять постоянный профессиональный контроль как вновь создаваемых веб-сайтов в социальных сетях, так и отслеживать факты распространения массовых рассылок электронных писем или сообщений и т.п.

Подводя итог, следует сделать вывод о том, что необходим комплексный и системный подход для решения обозначенных в данном исследовании проблем.

Список литературы

1. Власов, В.А. Государственная антинаркотическая политика: понятие, этапы, приоритетные направления / В.А. Власов // Вестник Сибирского юридического института ФСКН России. – 2016. – № 2 (23). – С. 9-15.

2. Указ Президента РФ от 23.11.2020 № 733 «Об утверждении Стратегии государственной антинаркотической политики Российской Федерации на период до 2030 года» // СЗ РФ. – 2020. – № 48. – Ст. 7710.

3. Занина, Т.М. К вопросу об административной ответственности в сфере оборота наркотиков в рамках Концепции нового Кодекса об административных правонарушениях / Т.М. Занина, Н.А. Орехова // Административное право и процесс. – 2019. – № 10. – С. 52-54.

4. Федеральный закон от 08.01.1998 № 3-ФЗ «О наркотических средствах и психотропных веществах» // СЗ РФ. – 1998. – № 2. – Ст. 219.

5. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 17.02.2023) // СЗ РФ. – 2001. – № 52 (ч. I). – Ст. 4921.

6. Червяков, М.Э. Участие специалиста в области компьютерной техники в следственных действиях по уголовным делам о незаконном обороте наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов: отдельные актуальные аспекты (начало) / М.Э. Червяков, В.А. Власов // Право и государство: теория и практика. – 2022. – № 11 (215). – С. 217-220.

7. Червяков, М.Э., Участие специалиста в области компьютерной техники в следственных действиях по уголовным делам о незаконном обороте наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов: отдельные актуальные аспекты (продолжение) / Червяков, М.Э., В.А. Власов // Право и государство: теория и практика. – 2022. – № 12 (216). – С. 283-285.

ОСОБЕННОСТИ ПРОЦЕДУРЫ НАЗНАЧЕНИЯ СУДЕБНО-ПСИХИАТРИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ НА СТАДИИ ИСПОЛНЕНИЯ ПРИГОВОРА

Галицкая Елизавета Евгеньевна,
помощник судьи Красноярского краевого суда, аспирант
Красноярский государственный аграрный университет, г. Красноярск, Россия
email: ques13@yandex.ru

Аннотация: целью данной статьи является постановка проблемы отсутствия в уголовно-процессуальном праве нормы о назначении судебной экспертизы на стадии исполнения приговора в том положении, когда общие положения о назначении экспертизы на иных стадиях уголовного судопроизводства неприменимы. Результатом исследования явился вывод о необходимости унификации процедуры назначения судебной экспертизы в различных стадиях уголовного процесса в целях устранения данного правового пробела, а также приведены основания для расширения законодательных рамок производимого судом контроля за исполнением постановленных им судебных актов.

Ключевые слова: исполнение приговора, назначение судебной экспертизы, судебно-психиатрическая экспертиза, суд.

FEATURES OF THE PROCEDURE FOR APPOINTING A FORENSIC PSYCHIATRIC EXAMINATION AT THE STAGE OF SENTENCE IMPLEMENTATION

Galitskaya Elizaveta Evgenievna
assistant judge of the Krasnoyarsk Regional Court, graduate student
Krasnoyarsk state agrarian university,
Krasnoyarsk, Russia
email:ques13@yandex.ru

Abstract:The purpose of this article is to identify the problem of the absence in the criminal procedural law of the norm on the appointment of a forensic examination at the stage of execution of a sentence in a situation where the general provisions on the appointment of an examination at other stages of criminal proceedings are not applicable. The result of the study was the conclusion that it is necessary to unify the procedure for appointing a forensic examination at various stages of the criminal process in order to eliminate this legal gap, as well as the grounds for expanding the legislative framework of the control exercised by the court over the execution of judicial acts decreed by it.

Keywords: execution of a sentence, appointment of a forensic examination, forensic psychiatric examination, court.

Согласно разъяснениям, содержащимся в пункте 6 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 07 апреля 2011 года № 6 «О практике применения судами принудительных мер медицинского характера», в соответствии с требованиями пункта 3 статьи 196 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации по каждому уголовному делу назначение и производство судебно-психиатрической экспертизы обязательно, если необходимо установить психическое состояние подозреваемого, обвиняемого, подсудимого, когда возникает сомнение в его вменяемости или способности самостоятельно защищать свои права и законные интересы в уголовном судопроизводстве [2].

В соответствии с положениями статей 195 и 283 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации судебную экспертизу назначает либо следователь, либо суд по ходатайству сторон или по собственной инициативе [3]. При этом глава 47 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регламентирующая порядок исполнения приговора, не содержит норм о процедуре назначения судебной экспертизы на стадии исполнения приговора.

Вместе с тем, одной из задач судебно-психиатрической экспертизы является также дача заключений о необходимости применения предусмотренных законом принудительных мер медицинского характера к лицам, совершившим общественно опасные деяния в состоянии невменяемости или совершившим такие деяния в состоянии вменяемости, но заболевшим после совершения преступления душевной болезнью, лишающей их возможности отдавать себе отчет в своих действиях или руководить ими, если эти лица по характеру совершенного ими деяния и своему болезненному состоянию представляют опасность для общества.

Таким образом, судебно-психиатрическая экспертиза может проводиться в отношении лица, совершившего общественно опасное деяние, и на стадии исполнения приговора, а именно при рассмотрении вопросов о назначении, о продлении, об изменении или о прекращении применения принудительных мер медицинского характера в соответствии со статьями 102 и 104 Уголовного кодекса Российской Федерации (пункт 12 статьи 397 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации).

Основанием для обращения в суд с представлением о назначении, о продлении, об изменении или о прекращении применения принудительных мер медицинского характера служит заключение комиссии врачей-психиатров, которое является экспертным заключением и к содержанию которого должны применяться положения статьи 80 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации.

Однако ответ на вопрос о том, какова процедура назначения такой экспертизы, содержится уже в Уголовном кодексе Российской Федерации, в статье 102, содержащей нормы о продлении, изменении и прекращении применения принудительных мер медицинского характера [4].

Так, частью 2 указанной статьи предусмотрено, что лицо, которому назначена принудительная мера медицинского характера, подлежит

освидетельствованию комиссией врачей-психиатров не реже одного раза в шесть месяцев для решения вопроса о наличии оснований для внесения представления в суд о прекращении применения или об изменении такой меры. Освидетельствование такого лица проводится по инициативе лечащего врача, если в процессе лечения он пришел к выводу о необходимости изменения принудительной меры медицинского характера либо прекращения ее применения, а также по ходатайству самого лица, его законного представителя и (или) близкого родственника. При отсутствии оснований для прекращения применения или изменения принудительной меры медицинского характера администрация медицинской организации, осуществляющей принудительное лечение, или уголовно-исполнительная инспекция, осуществляющая контроль за применением принудительных мер медицинского характера, представляет в суд заключение для продления принудительного лечения.

Между тем, из содержания указанной нормы не следует то, каким документом оформляются результаты освидетельствования лица комиссией врачей-психиатров и являются ли они заключением экспертов, отвечающим требованиям статьи 80 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации. Кроме того, остается неясной правовая природа заключения для продления принудительного лечения. Является ли данное заключение представлением в суд либо оно содержит выводы экспертов?

Несмотря на обозначенную законодателем в вышеприведенных нормах процессуальную самостоятельность медицинской организации, осуществляющей принудительное лечение, и уголовно-исполнительной инспекции, осуществляющей контроль за применением принудительных мер медицинского характера, суд наделен правом назначения судебно-психиатрической экспертизы в отношении лица, указанного в пункте «д» части 1 статьи 97 Уголовного кодекса Российской Федерации, в целях решения вопроса о необходимости применения к нему принудительных мер медицинского характера в период условно-досрочного освобождения или в период отбывания более мягкого вида наказания, а также после отбытия наказания. Однако такое решение суд может принять исключительно на основании внесенного не позднее чем за шесть месяцев до истечения срока исполнения наказания ходатайства администрации учреждения, исполняющего наказание.

Таким образом, при назначении судебно-психиатрической экспертизы на стадии исполнения приговора для разрешения вопроса, предусмотренного пунктом 12 статьи 397 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, не подлежат применению статьи 195 и 283 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регламентирующие порядок назначения судебной экспертизы на иных стадиях уголовного судопроизводства.

В таком положении целесообразно вести научный диалог об унификации процедуры назначения судебной экспертизы в различных стадиях уголовного процесса в целях устранения данного правового пробела.

Частью 3 статьи 396 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации предусмотрено, что вопросы, указанные в пунктах 3, 4, 4.2, 5, 6, 12, 13 и 19 статьи 397 настоящего Кодекса, разрешаются судом по месту нахождения учреждения, исполняющего наказание, в котором осужденный отбывает наказание в соответствии со статьями 60.1 и 81 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации, либо по месту применения принудительных мер медицинского характера.

Так, законом не предусмотрено осуществление судом, постановившим приговор или принявшим постановление о применении принудительных мер медицинского характера, судебного контроля за исполнением данных судебных актов, который мог быть выражен в законодательно регламентированном праве суда инициировать проведение судебно-психиатрической экспертизы в отношении лица, находящегося на принудительном лечении, а учитывая «неограниченность объекта контрольной деятельности, которая придает судебному контролю всеобъемлющий и универсальный характер», отмечаемую Левиным С.В. [1], мы приходим к выводу о возможности расширения законодательных рамок производимого судом контроля за исполнением постановленных им судебных актов.

Список литературы

1. Левин, С.В. Судебный контроль над исполнительной властью в Российской Федерации // С.В. Левин / Судебная власть. – 2007. – № 6. – С. 53-55.

2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 07 апреля 2011 года № 6 «О практике применения судами принудительных мер медицинского характера» [Электронный ресурс]. – URL:<http://www.consultant.ru> (дата обращения: 15.02.2022).

3. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ [Электронный ресурс]. – URL:<http://www.consultant.ru> (дата обращения: 15.02.2022).

4. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ [Электронный ресурс]. – URL:<http://www.consultant.ru> (дата обращения: 15.02.2022).

К ВОПРОСУ ОБ ОПРЕДЕЛЕНИИ ЭКСПЕРТОМ РЫНОЧНОЙ СТОИМОСТИ ЗЕМЕЛЬНОГО УЧАСТКА

Дадаян Елена Владимировна

кандидат юридических наук, доцент

Красноярский государственный аграрный университет, г. Красноярск, Россия
email:dadaelena@yandex.ru

Сторожева Анна Николаевна

кандидат юридических наук, доцент

Красноярский государственный аграрный университет, г. Красноярск, Россия
email:storanya@yandex.ru

Аннотация: В статье рассмотрен вопрос об определении экспертом рыночной стоимости земельного участка. Показывается, что указанный вопрос является весьма актуальным при определении рыночной стоимости земельного участка, существовавшей на момент заключения сделки. От профессионального решения данного вопроса зависит вопрос признания сделки недействительной по специальным основаниям, предусмотренным законом о банкротстве.

Ключевые слова: земельный участок, рыночная стоимость, эксперт, экспертное заключение, недействительная сделка, контролирующее должника лицо, конкурсный управляющий.

ON THE ISSUE OF DETERMINING THE MARKET VALUE OF A LAND PLOT BY AN EXPERT

Dadayan Elena Vladimirovna

candidate of legal sciences, associate professor
Krasnoyarsk state agrarian university,
Krasnoyarsk, Russia
email:dadaelena@yandex.ru

Storozheva Anna Nikolaevna

candidate of legal sciences, associate professor
Krasnoyarsk state agrarian university,
Krasnoyarsk, Russia
email:storanya@yandex.ru

Abstract: The article considers the issue of determining the market value of a land plot by an expert. It is shown that this issue is very relevant in determining the market value of the land that existed at the time of the transaction. The issue of invalidation of the transaction on special grounds provided for by the bankruptcy law depends on the professional solution of this issue.

Keywords: land plot, market value, expert, expert opinion, invalid transaction, debtor's controlling person, bankruptcy trustee.

Достаточно часто в рамках дела о банкротстве конкурсным управляющим оспариваются сделки, совершенные контролирующими должника лицами, связанные с отчуждением имущества должника. Данные сделки признаются недействительными по специальным основаниям, предусмотренным законом о банкротстве [1].

Авторами уже поднимался вопрос о том, что сделки, связанные с отчуждением имущества должника могут быть признаны недействительными, если будет доказана совокупность следующих обстоятельств, предусмотренных статьей 61.2 Закона о банкротстве [2].

Одним из таких обстоятельств, а именно необходимым условием для признания сделки должника недействительной по основаниям пункта 1 статьи 61.2 Закона о банкротстве является неравноценное встречное исполнение обязательств другой стороной этой сделки. При этом в части, касающейся согласования договорной цены, неравноценность имеет место в тех случаях, когда эта цена существенно отличается от рыночной.

Из диспозиции названной нормы следует, что помимо цены для определения признака неравноценности во внимание должны приниматься и все обстоятельства совершения сделки, то есть суд должен исследовать контекст отношений должника с контрагентом для того, чтобы вывод о подозрительности являлся вполне убедительным и обоснованным [3].

При оценке приведенных конкурсным управляющим доводов значимым является выяснение вопроса о равноценности встречного предоставления по сделке со стороны покупателя, то есть о соответствии согласованной договором купли-продажи цены имущества его реальной (рыночной) стоимости на момент отчуждения.

Далее рассмотрим, какие доказательства могут служить обстоятельствами, подтверждающими или опровергающими факт неравноценности встречного предоставления в результате совершения контролирующим должника лицом сделки.

Так, по одному из дел конкурсный управляющий подал в арбитражный суд заявление о признании сделки недействительной и применении последствий недействительности сделки. Конкурсный управляющий просит признать недействительным договор купли-продажи земельного участка площадью 499 522 кв.м., кадастровый номер: 24:11:0210304:871, категория земель: земли населенных пунктов, разрешенное пользование: под жилое строительство, расположенный по адресу: Красноярский край, Емельяновский район и применить последствия недействительности сделки в виде восстановления права собственности общества с ограниченной ответственностью «ЕС» [4].

Заключение договора купли-продажи для общества с ограниченной ответственностью «ЕС» по мнению конкурсного управляющего было экономически не целесообразным, привело к выводу из оборота общества

59,89% основных средств, повлекло не возможность последнего осуществить строительство в коттеджном поселке «ЕС» и исполнить обязательство перед дольщиками, что привело к несостоятельности (банкротству) общества с ограниченной ответственностью «ЕС».

В ходе рассмотрения указанного обособленного спора была назначена судебная оценочная экспертиза, проведение которой поручено ООО «ЦНО».

Перед экспертом поставлен следующий вопрос: какова рыночная стоимость земельного участка площадью 449 552 кв.м., адрес: Красноярский край, Емельяновский район, кадастровый номер 24:11:0210304:871 по состоянию на дату заключения договора?

В материалы дела поступило заключение эксперта №158/20 в соответствии, с которым рыночная стоимость земельного участка площадью 449 552 кв.м., адрес: Красноярский край, Емельяновский район, кадастровый номер 24:11:0210304:871 по состоянию на 09.04.2015 с учетом разумного округления составляет 37 464 000 руб.

Конкурсный управляющий не согласился с выводами эксперта. Так, конкурсным управляющим было отмечено, что экспертом неполно описан сегмент рынка. Неверное описание сегмента рынка приводит к неопределённости в разделах Заключения эксперта, в которых приводятся данные рынка и расчёты. Помимо всего прочего, в заключение эксперта отсутствует описание правил отбора объектов-аналогов, а также обоснование использования той части аналогов, которые приведены в Заключении эксперта. Экспертом не проанализирован вопрос и не представлены доказательства (обоснования) того, что вид разрешенного использования не является ценообразующим фактором, т.к. фактически в расчетах все виды использования (ИЖС, МЖС ЛПХ) приравнены между собой.

Экспертом в заключении не приведены сведения из представленных ему материалов дела, содержащих сведения, относящиеся к характеристикам объекта оценки, в частности отсутствует анализ сведений из указанных актов по технологическому присоединению и акту выполнения технических условий.

Такие неточности в отчете эксперта привели к тому, что судом была назначена повторная экспертиза, проведение которой поручено ООО «АО». Отметим, что перед вторым экспертом был поставлен тот же самый вопрос о стоимости земельного участка на момент заключения договора купли-продажи.

Повторной экспертизой было установлено, что стоимость земельного участка площадью 449 552 кв.м. с кадастровым номером 24:11:0210304:871 по состоянию на 09.04.2015 составляет 87 927 000 руб.

Указанное заключение не было принято во внимание арбитражным судом первой инстанции по причине того, что экспертом не дана оценка влияния на стоимость спорного участка наличия на его территории дорог и водоемов.

Конкурсный управляющий полагал, что вывод суда противоречит содержанию представленных в дело документов, т.к. вывод о наличии на территории спорного участка водоемов, сделан судом исключительно из пояснений ответчика и не подтверждается имеющимися в деле документами.

Данный довод о несостоятельности заключения эксперта лег в основу и апелляционной и кассационной жалоб по делу. Арбитражный суд Восточно-Сибирского округа постановил обособленный спор направить на новое рассмотрение в Арбитражный суд Красноярского края.

Суд округа относительно доводов конкурсного управляющего указал, что нижестоящие суды, признавая результаты первоначальной судебной экспертизы достоверными, не исследовал, какие индивидуальные особенности земельного участка, не учтенные при проведении оценки массовым методом в ходе государственной кадастровой оценки, привели к значительному завышению кадастровой стоимости по отношению к рыночной цене, не сослались на какие-либо ошибки, допущенные при проведении кадастровой оценки, в том числе, на недостоверность сведений о недвижимости, использованных при кадастровой оценке и т.д.[4].

Таким образом, хочется отметить важную роль в установлении вопроса причинения вреда имущественным правам кредиторов должника, отводится отчету эксперта. И от того насколько достоверными будут выводы эксперта порой зависит судьба спора о признании сделки, совершенной контролирующими должника лицами недействительной и применении последствий недействительности.

Список литературы

1. Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ (ред. от 28.12.2022) «О несостоятельности (банкротстве)» // СПС «КонсультантПлюс».

2. Дадаян, Е.В., Сторожева, А.Н. Доказательства причинения существенного вреда имущественным правам кредиторов, в результате совершения контролирующим должника лицом сделки/ Е.В. Дадаян, А.Н. Сторожева// Актуальные вопросы российского судопроизводства: доказывание с использованием современных технологий. – Красноярск, 2022. – С.45-47.

3. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 15.02.2019 № 305-ЭС18-8671(2)) // СПС «КонсультантПлюс».

4. Материалы арбитражного дела № А33-7330-77/2018[Электронный ресурс]. – URL:kad.arbitr.ru (дата обращения: 06.02.2023).

К ВОПРОСУ О ДОКУМЕНТАРНОМ ПРОВЕДЕНИИ ЗАКАЗЧИКОМ ЭКСПЕРТИЗЫ РЕЗУЛЬТАТОВ ИСПОЛНЕНИЯ КОНТРАКТА

Дадаян Елена Владимировна

кандидат юридических наук, доцент

Красноярский государственный аграрный университет, г. Красноярск, Россия

email:dadaelena@yandex.ru

Сторожева Анна Николаевна

кандидат юридических наук, доцент

Красноярский государственный аграрный университет, г. Красноярск, Россия

email:storanya@yandex.ru

Аннотация: В настоящей статье рассмотрен вопрос о проблеме, требующей решения на законодательном уровне – это документальное подтверждение экспертизы результатов исполнения контракта, проведенной заказчиком своими силами. Несмотря на то, что закон предусматривает право заказчика своими силами проводить экспертизу результатов исполнения контракта, но алгоритм такой проверки не прописан законодательно. Отсюда любой заказчик имеет возможность самостоятельно регламентировать функции, порядок организации работы экспертной комиссии. Представляется, что более подробное законодательное закрепление вопросов внутренней экспертизы соответствия контракта способствовало бы унификации данной деятельности.

Ключевые слова: государственный контракт, экспертиза, исполнение, экспертная организация.

TO THE QUESTION OF THE DOCUMENTARY CARRYING OUT BY THE CUSTOMER OF THE EXAMINATION OF THE RESULTS OF THE EXECUTION OF THE CONTRACT

Dadayan Elena Vladimirovna

candidate of legal sciences, associate professor

Krasnoyarsk state agrarian university,

Krasnoyarsk, Russia

email:dadaelena@yandex.ru

Storozheva Anna Nikolaevna

candidate of legal sciences, associate professor

Krasnoyarsk state agrarian university,

Krasnoyarsk, Russia

email:storanya@yandex.ru

Abstract: This article discusses the issue of a problem that needs to be solved at the legislative level – this is a documentary confirmation of the examination of the

results of the execution of the contract carried out by the customer on his own. Despite the fact that the law provides for the right of the customer to conduct an examination of the results of the execution of the contract on their own, but the algorithm for such verification is not prescribed by law. From here, any customer has the opportunity to independently regulate the functions and organization of the work of the expert commission. It seems that a more detailed legislative consolidation of the issues of internal examination of compliance with the contract would contribute to the unification of this activity.

Keywords: state contract, expertise, execution, expert organization.

Частью 3 статьи 94 Федерального закона № 44-ФЗ установлено, что для проверки предоставленных поставщиком (подрядчиком, исполнителем) результатов, предусмотренных контрактом, в части их соответствия условиям контракта заказчик обязан провести экспертизу. Экспертиза результатов, предусмотренных контрактом, может проводиться заказчиком своими силами или к ее проведению могут привлекаться эксперты, экспертные организации на основании контрактов, заключенных в соответствии с названным Федеральным законом [1].

Помимо указанной нормы в законе не прописан алгоритм проведения таких экспертиз. Можно с большой долей вероятности предположить, что в принципе внутренняя экспертиза может быть проведена любым сотрудником заказчика или группой сотрудников. Представляется, что такие сотрудники должны обладать квалификационными характеристиками, позволяющими им определить соответствие результатов исполнения контракта, а именно оценить предмет закупки с точки зрения качественных, технических и функциональных характеристик. Отсюда наличие подписи руководителя заказчика должно свидетельствовать о том, что товар проверен.

О не разработанности института внутренней экспертизы контракта говорят многие авторы, к примеру, Л.В. Андреева [2].

Некоторые авторы полагают, что экспертиза должна проводиться только сторонней организацией, сотрудники которой обладают специальными знаниями, и оплату для таких организаций необходимо изначально закладывать в стоимость товаров, работ, услуг [3].

Здесь дать однозначный ответ на вопрос, какие должны привлекаться эксперты внутренние или внешние не представляется возможным.

Полагаем, что ответ на данный вопрос будет зависеть от того, что является предметом государственного контракта, есть ли сотрудники организации, обладающие требуемыми квалификационными характеристиками, дающими им возможность оценить контракт. И самый важный вопрос, если для оценки контракта привлекать сторонних экспертов, то за счет каких средств оплачивать такие услуги.

При проведении внутренней экспертизы закон дает право самому заказчику разработать локальные акты, описывающие процедуру такой экспертизы. Здесь каждый заказчик может индивидуально подойти к решению данного вопроса. Но нам представляется, что более подробное законодательное

закрепление вопросов внутренней экспертизы соответствия контракта способствовало бы унификации данной деятельности. Так разработка единых документированных процедур внутренней экспертизы результатов, предусмотренных контрактом, прежде всего, направлено на упорядочивание такой деятельности и предупреждения нарушений в указанной сфере деятельности.

Список литературы

1. Федеральный закон от 05.04.2013 № 44-ФЗ (ред. от 28.12.2022) «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд»// СПС «КонсультантПлюс».

2. Андреева, Л.В. Выбор эксперта в сфере государственных закупок//Л.В. Андреева // Аукционный вестник. - 2014. - №2020. - С.1.

3. Игонина, Е.С., Соловьев, О.Д. Организационные и методические аспекты приемки товаров, работ и услуг, приобретаемых в рамках государственных контрактов//Е.С. Игонина, О.Д. Соловьев// На страже экономики. - 2022. - №2 (22). - С.58-63.

УДК343.1

УНИФИКАЦИЯ ПОНЯТИЙНО-ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКОГО АППАРАТА, ИСПОЛЬЗУЕМОГО ПРИ ПРОВЕДЕНИИ СУДЕБНОЙ ФОНОСКОПИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ

Костылев Александр Анатольевич,
старший преподаватель

Красноярский государственный аграрный университет, г. Красноярск, Россия
email: kostilev_alex@mail.ru

Аннотация: В статье обосновывается необходимость скорейшего решения вопроса об общепринятой системе понятий и терминов, используемых в экспертных методиках исследования фонограмм. Описывается ряд практических мероприятий, направленных на введение в экспертную практику единых научно-методических подходов, а также унификацию понятийно-терминологического аппарата, в частности принятие и введение в действие с 01 июня 2019 года национального стандарта РФ ГОСТ Р 58332-2018 «Судебная экспертиза фонограмм. Термины и определения». Вместе с тем, остаётся ещё ряд проблемных вопросов, требующих дальнейшего разрешения.

Ключевые слова: национальный стандарт, судебная экспертиза фонограмм, единый научно-методический подход.

UNIFICATION OF THE CONCEPTS AND SPECIFICATIONS USED IN FORENSIC PHONOSCOPIC EXAMINATION

Kostylev Aleksandr Anatolevich,
senior lecturer

Abstract: The article substantiates the need to resolve the issue of a generally accepted system of concepts and terms used in expert methods for studying phonograms as soon as possible. A number of practical measures are described aimed at introducing unified scientific and methodological approaches into expert practice, as well as unifying the conceptual and terminological apparatus, in particular, the adoption and entry into force from June 01, 2019 of the national standard of the Russian Federation GOST R 58332-2018 "Forensic examination of phonograms. Terms and Definitions". However, there are still a number of problematic issues that require further resolution.

Keywords: national standard, forensic examination of phonograms, unified scientific and methodological approach.

Фоноскопические лаборатории судебно-экспертных учреждений Российской Федерации работают по единой системе, однако, методики разных ведомств, применяемые при проведении похожих исследований, порой противоречат друг другу и с трудом согласуются. Проблема усугубляется активным развитием данного вида экспертиз в негосударственных экспертных организациях. Одним из ключевых вопросов, как и во многих других относительно недавно появившихся видах экспертной деятельности, который требует скорейшего решения, является отсутствие общепринятой системы понятий и терминов, используемых в экспертных методиках.

Стандартизация в теории и практике судебной экспертизы рассматривается как процесс формирования национальных стандартов, направленный на улучшение качества экспертных исследований.

Стандартизация – это деятельность, направленная на достижение упорядоченности в определённой области путём установления стандартов – положений, рекомендованных для всеобщего применения [1, с. 219]. Применительно к фоноскопической экспертизе стандартизация должна служить инструментом повышения качества в первую очередь за счёт введения единых научно-методических подходов к экспертной практике, а также посредством унификации понятийно-терминологического аппарата.

Для того, чтобы создать научное единообразие, был намечен и осуществлён целый ряд практических мероприятий. Так, ещё в июне 1996 года руководством Министерства внутренних дел и Министерства юстиции России создан Федеральный координационно-методический совет по проблемам экспертных исследований. В работе совета участвовали ведущие учёные в области криминалистики и судебной экспертизы, а также представители Верховного суда и Генеральной прокуратуры. Под его эгидой выпущен «Каталог регистрационных паспортов экспертных методик исследования вещественных доказательств».

Важной вехой в данной работе стало создание в 2015 году Технического комитета по стандартизации «Судебная экспертиза» (ТК 134), деятельность

которого направлена на систематизацию и унификацию национальных стандартов, норм и рекомендаций, обеспечение единства измерений, технической и информационной совместимости. В состав комитета вошли представители 31 организации, специализирующейся на судебно-экспертной, образовательной и научной деятельности в области экспертизы.

За период деятельности ТК 134 разработаны и утверждены Федеральным агентством по техническому регулированию и метрологии (Росстандартом) 12 национальных стандартов, унифицирующих терминологию в целом ряде судебных экспертиз. Среди них, молекулярно-генетическая, судебно-психологическая, трасологическая, компьютерно-техническая, судебно-экологическая и другие виды экспертиз.

Отдельно хотелось бы остановиться на национальном стандарте РФ ГОСТ Р 58332-2018 «Судебная экспертиза фонограмм. Термины и определения», утверждённом Приказом Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии от 27 декабря 2018 г. №1158-ст. [2]. Данный стандарт разработан при участии Федерального центра судебной экспертизы при Минюсте России, Экспертно-криминалистического центра МВД России, Института Криминалистики Центра специальной техники ФСБ России, Главного управления криминалистики СК России, Московского государственного лингвистического университета и Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина.

Стандарт введён в действие с 01 июня 2019 года и его обязаны применять все специалисты, проводящие судебные экспертизы, независимо от формы собственности судебно-экспертной организации, а также эксперты, не являющиеся сотрудниками судебно-экспертных организаций.

Вместе с этим, ряд видных практиков в области фоноскопической экспертизы отмечают, что этот стандарт, будучи несомненно очень важным этапом в работе по терминологическому упорядочению деятельности в области судебной экспертизы фонограмм, тем не менее не решил на данный момент главной проблемной задачи стандартизации экспертной деятельности – обеспечения единообразия научно-методических подходов к экспертной практике и специализации экспертов, включая и само название «Судебная экспертиза фонограмм», не нашедшего закрепления ни в одном из ведомственных классификаторов судебных экспертиз, выполняемых в системе государственных судебно-экспертных учреждений [3]. Отмечается, что хотя новый стандарт содержит 28 терминов и определения понятий, применяемых в судебной экспертизе фонограмм, однако не дано определений таких ключевых понятий, как например «аутентичность», «копирование», «монтаж», «оригинал» и т.п.

Необходимо отметить, что в практике деятельности экспертных подразделений различных ведомств и организаций отсутствует единообразие в подходе не только к данным терминам и понятиям, но и к методикам определения целостности и неизменности фонограмм в целях установления достоверности записанной информации.

Так, например, в методике «Дуэт», разработанной ИК ЦСТ ФСБ России, дано определение ряда понятий, в частности: «монтаж фонограммы – соединение в необходимом порядке частей одной или нескольких фонограмм» [4, с. 13].

Вместе с тем, в экспертно-криминалистических подразделениях МВД России типовая методика технического исследования фонограмм предлагает отказаться от понятия «монтаж», заменив его термином «неситуационные изменения». [5, с.454, 455]. При этом экспертам рекомендуется отказываться от исследования фонограмм на предмет монтажа (поиска неситуационных изменений), если инициатор в постановлении о назначении экспертизы не обосновал необходимость решения такого вопроса с указанием предполагаемого способа, текстовых и/или временных границ фрагментов, содержащих искажения фонограммы.

Очевидно, что методическое обеспечение экспертного исследования фонограмм должно опираться на единую и стандартизованную понятийно-терминологическую базу, соответствующую современному уровню развития техники звукозаписи и последующей обработки полученных фонограмм. В этой связи перспективным видится существенное дополнение национального стандарта РФ ГОСТ Р 58332-2018 «Судебная экспертиза фонограмм. Термины и определения» ключевыми для данного рода судебно-экспертной деятельности понятиями.

Список литературы

1. Майлис, Н.П. Стандартизация судебно-экспертной деятельности – необходимый аспект её развития / Н.П. Майлис, Т.Ф. Моисеева // Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2018. – № 2 (42). – С. 219–224.

2. Национальный стандарт РФ ГОСТ Р 58332-2018 «Судебная экспертиза фонограмм. Термины и определения» [Электронный ресурс]. – URL: <https://base.garant.ru/72674404/> (дата обращения: 16.02.2023).

3. Галяшина, Е.И. Стандартизация как инструмент повышения качества судебной экспертизы фонограмм / Е.И. Галяшина // Вестник экономической безопасности. – 2020. – № 4. – С. 146–147.

4. Диденко, В.В. Техничко-криминалистическое исследование звукозаписей. Методика выявления признаков изменений фонограммы, оригинальности и непрерывности процесса звукозаписи «ДУЭТ» / В.В. Диденко, Н.Б. Кураченкова, М.И. Иванов и др. / под редакцией В.М. Богданова. – М.: ИК ЦСТ ФСБ России, 2009. – 54 с.

5. Типовые экспертные методики исследования вещественных доказательств. Ч. I / Под ред. канд. техн. наук Ю.М. Дильдина. Общая редакция канд. техн. наук В.В. Мартынова. – М.: ЭКЦ МВД России, 2010. – 568 с.

О ПОДГОТОВКЕ ЭКСПЕРТА К ДАЧЕ ПОКАЗАНИЙ В СУДЕ: НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ

Курбатова Светлана Михайловна^{1,2},

канд. юрид. наук, доцент

¹ Красноярский государственный аграрный университет, г. Красноярск, Россия

² Красноярский медицинский университет им. проф. В.Ф. Войно-Ясенецкого,
г. Красноярск, Россия

email:sveta_kurbatova@mail.ru

Аннотация: Рассмотрен ряд вопросов, касающихся допроса эксперта в суде первой инстанции по проведенному им исследованию и содержанию его заключения. Отмечены некоторые проблемы теоретического и правоприменительного характера, касающиеся участия эксперта в ходе допроса в судебном заседании.

Ключевые слова: эксперт, показания, допрос, суд.

ON THE PREPARATION OF AN EXPERT TO TESTIFY IN COURT: SOME ASPECTS

Kurbatova Svetlana Mikhailovna^{1,2},

candidate of legal sciences, associate professor

¹ Krasnoyarsk state agrarian university,

² Krasnoyarsk medical university named after prof. V. F. Voino-Yasenetsky
Krasnoyarsk, Russia

email:sveta_kurbatova@mail.ru

Abstract: A number of issues related to the interrogation in the court of first instance of an expert on the research conducted by him and the content of his conclusion are considered. Some problems of theoretical and law enforcement nature concerning the participation of an expert in giving evidence in court are noted.

Keywords: expert, testimony, interrogation, trial.

Допрос эксперта при рассмотрении дела в суде первой инстанции представляет собой один из видов судебных действий, которые предусмотрены национальным законодательством разных государств. Тем не менее, везде имеется своя специфика, в большей или меньшей степени. Например, в странах англо-саксонской семьи права допрос эксперта в суде представляет собой сложносоставную процедуру процессуального характера, к которой эксперту рекомендуется готовиться заблаговременно. Для этих целей разрабатываются методические советы и рекомендации и даже разработаны специальные курсы и тренинги.

По этому поводу Дорис Уэллс пишет следующее: Независимо от того, как и почему свидетели-эксперты вызываются для дачи показаний, они должны

быть готовы. Подготовленность и организованность помогают свидетелям-экспертам придать своим показаниям чувство профессионализма. Свидетели-эксперты должны убедить судью или присяжных в том, что их показания достоверны и правдивы. Они должны быть хорошо осведомлены, организованы, бдительны, невозмутимы и этичны. Д. Уэллс выделяет следующие требования к свойствам личности и навыкам экспертов-свидетелей:

– Осведомленность — раскрывает уровень подготовки эксперта, и включает в себя знания о последних достижениях в данной экспертной области, о ее предмете и особенностях, о законодательстве в данной сфере и в сфере процессуальных процедур.

– Организованность — иметь возможность легко сослаться и находить ключевые доказательства, иную информацию, имеющую значение для дела и для аргументации своих выводов, сделанных в статусе эксперта; а для этого необходимо, что разные отчеты, записи и т.п. были «под рукой».

– Позиционированность — подача материала (уверенно/неуверенно, быстро/с длительными паузами, четкая речь/сбивчивая и т.п.), ответы на вопросы (быстрота, полнота и т.п.) и пр. также влияет на формирование общего впечатления об эксперте.

– Невозмутимость — игнорирование нападок противоположной стороны, попыток вывести из себя; необходимость оставаться собранным и уверенным в себе на протяжении всего допроса; не проявлять воинственности или раздражения во время допроса, особенно во время перекрестного допроса (допроса адвокатом противной стороны).

– Этические — знать этические нормы поведения, демонстрировать объективность, а не агитацию, не давать ложных показаний [1].

В 2009 году Верховный суд США постановил в деле Мелендес-Диас против Массачусетса, что ответчики имеют право на перекрестный допрос аналитиков судебно-медицинской лаборатории по уголовным делам. До Мелендес-Диас аналитики обычно представляли отчеты о результатах судебно-медицинской экспертизы, не являясь в суд. Однако решение Мелендес-Диас определило, что лабораторный отчет не может быть принят в качестве доказательства вместо свидетельских показаний. Суд постановил, что в соответствии с пунктом о конфронтации Шестой поправки судмедэксперты, которые проводят лабораторные испытания и анализ для обвинения и представляют отчет, должны быть доступны для дачи показаний в суде.

Мелендес-Диас имеет далеко идущие последствия для судебного и юридического сообщества, но одним из его практических результатов является то, что судебные эксперты, которые проводят тестирование и анализ по уголовным делам, должны быть готовы давать показания в суде по результатам тестирования.

Перспектива дачи экспертных показаний может быть пугающей, и подготовка к ней имеет решающее значение. Для нивелирования этого разрабатываются различные курсы и тренинги, среди которых можно выделить самостоятельный онлайн-курс от Национального института юстиции США (NIJ) «Право 101: Юридическое руководство для судебно-медицинских

экспертов», который призван помочь специалистам подготовиться к даче показаний в суде. За первые три месяца после его выпуска обучение прошли около 500 человек, благодаря чему он стал одним из самых популярных онлайн-курсов НИ. Содержание разделено на модули, которые можно использовать в качестве общего обзора судебного процесса, в качестве отдельных глав, посвященных конкретным аспектам анализа и свидетельских показаний, или в качестве начального или повторного курса по определенной теме. В хотя эта программа предназначена для судебно-медицинских экспертов, отмечается, что данный курс может быть полезен любому свидетелю, у которого ограниченный опыт дачи показаний в суде. И особенно он полезен для специалистов, мало знакомых с процессом уголовного судопроизводства [1].

Сложившаяся практика работы экспертных учреждений в России такова, что эксперты, зачастую, не обладают ни знаниями, ни положительным опытом. Поэтому каждый эксперт, участвующий в суде, как правило, вынужден самостоятельно приобретать опыт этого вида экспертной деятельности [2]. Представляется полезным заимствование положительного опыта зарубежных государств для решения этого вопроса, реализуя подобного рода курсы как онлайн (в дистанционном формате), так и офлайн, на площадках образовательных учреждений.

Список литературы

1. Уэллс, Д. Выступление в суде в качестве судебного эксперта [Электронный ресурс]. – URL:<https://crime-scene-investigator.net/testifying-in-court-as-a-forensic-expert.html> (дата обращения: 22.02.2023).
2. Судебно-медицинская процессуалистика: монография / Д.С. Кадочников, В.А. Ракитин. – М.: Инфра-М, РИОР, 2014. – 292 с.

О ЗНАЧЕНИИ СУДЕБНОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ ДЛЯ ПРОИЗВОДСТВА ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ С УЧАСТИЕМ ЛИЦ С ОГРАНИЧЕННЫМИ ВОЗМОЖНОСТЯМИ

Курбатова Светлана Михайловна^{1,2},

канд. юрид. наук, доцент

¹ Красноярский государственный аграрный университет, г. Красноярск, Россия

² Красноярский медицинский университет им. проф. В.Ф. Войно-Ясенецкого,
г. Красноярск, Россия

email:sveta_kurbatova@mail.ru

Аннотация: Рассмотрены вопросы, касающиеся роли судебной экспертизы для производства по уголовным делам и ее значения для решения задач уголовного судопроизводства. Отмечены некоторые особенности теоретического и правоприменительного характера.

Ключевые слова: судебная экспертиза, уголовное судопроизводство, лицо с ограниченными возможностями, доказательство.

ON THE IMPORTANCE OF FORENSIC EXAMINATION FOR CRIMINAL PROCEEDINGS INVOLVING PERSONS WITH DISABILITIES

Kurbatova Svetlana Mikhailovna^{1,2},

candidate of legal sciences, associate professor

¹ Krasnoyarsk state agrarian university,

² Krasnoyarsk medical university named after prof. V. F. Voino-Yasenetsky
Krasnoyarsk, Russia

email:sveta_kurbatova@mail.ru

Abstract: The issues concerning the role of forensic examination for criminal proceedings and its significance for solving the tasks of criminal proceedings are considered. Some problems of theoretical and law enforcement nature are noted.

Keywords: forensic examination, criminal proceedings, a person with disabilities, evidence.

Судебная экспертиза давно и прочно «вошла» в уголовное судопроизводство. Следует согласиться с высказыванием о том, что «трудно представить процесс доказывания по уголовным делам без производства судебных экспертиз, которые являются одним из наиболее важных источников доказательств и находят широкое применение при расследовании и рассмотрении уголовных дел» [1].

Значение судебной экспертизы возрастает и приобретает иной, правозащитный, характер, когда речь идет о ее назначении в производстве по уголовным делам, в которых в качестве участников являются лица с ограниченными физическими, физиологическими, интеллектуальными,

психическими и иными когнитивными ограничениями их способностей самостоятельно в полной мере участвовать в уголовном судопроизводстве (лица с ограниченными возможностями).

Так, Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (УПК РФ) в ст. 196 закрепляет случаи, когда назначение судебной экспертизы происходит в обязательном порядке, в том числе это и такие случаи, имеющие значение для лиц с ограниченными возможностями, как установление:

- характера и степени вреда, причиненного здоровью;
- психического или физического состояния подозреваемого, обвиняемого, когда возникает сомнение в его вменяемости или способности самостоятельно защищать свои права и законные интересы в уголовном судопроизводстве;

- психического состояния подозреваемого, обвиняемого в совершении в возрасте старше восемнадцати лет преступления против половой неприкосновенности несовершеннолетнего, не достигшего возраста четырнадцати лет, для решения вопроса о наличии или об отсутствии у него расстройства сексуального предпочтения (педофилии);

- психического или физического состояния подозреваемого, обвиняемого, когда имеются основания полагать, что он является больным наркоманией;

- психического или физического состояния потерпевшего, когда возникает сомнение в его способности правильно воспринимать обстоятельства, имеющие значение для уголовного дела, и давать показания;

- возраста подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего, когда это имеет значение для уголовного дела, а документы, подтверждающие его возраст, отсутствуют или вызывают сомнение.

При этом учитывается конкретика ситуации. Так, для назначения, например, судебно-психиатрической экспертизы необходимо такое специальное основание, как «наличие достаточных данных (сведений), указывающих на необходимость использования специальных знаний эксперта в области психиатрии для определения психического состояния обвиняемого, подозреваемого. достаточными данными понимаются сведения, позволяющие следователю (дознавателю), суду (судье) обоснованно сомневаться во вменяемости подозреваемого, обвиняемого либо их способности самостоятельно защищать свои права и законные интересы» [2].

Для того чтобы подобного рода сомнения возникли, необходимы определенные предпосылки - конкретные данные, вызывающие сомнения в психическом здоровье лица. Такими данными могут быть, согласно Постановлению Пленума Верховного Суда РФ от 07.04.2011 № 6 «О практике применения судами принудительных мер медицинского характера», Методическим рекомендациям по выявлению и расследованию преступлений, предусмотренных статьей 157 Уголовного кодекса Российской Федерации (Неуплата средств на содержание детей или нетрудоспособных родителей) 2017 г., и др.:

— «наличие сведений о том, что лицу в прошлом оказывалась психиатрическая помощь (у него диагностировалось психическое расстройство, ему оказывалась амбулаторная психиатрическая помощь, он помещался в психиатрический стационар, признавался невменяемым по другому уголовному делу, негодным к военной службе по состоянию психического здоровья и тому подобное);

— нахождение лица на обучении в учреждении для лиц с задержкой или отставанием в психическом развитии, наличие информации о получении им в прошлом черепно-мозговых травм;

— странности в поступках и высказываниях лица, свидетельствующие о возможном наличии психического расстройства, его собственные высказывания об испытываемых им болезненных (психопатологических) переживаниях;

— перенесение лицом нейроинфекционного заболевания, сопровождающегося психическими расстройствами и приведшего к ухудшению успеваемости в учебном заведении, нарушению трудоспособности, социальной адаптации, изменению поведения;

— необычный характер совершенного деяния, особая тяжесть содеянного, отсутствие видимых, понятных мотивов преступления или их незначительность, несоответствие характера содеянного личности правонарушителя» [3, 4].

Соответственно, вовремя обнаруженные следователем, дознавателем, судом признаки, свидетельствующие о личностных особенностях участника производства по уголовному делу, и ставшие основанием для принятия решения о назначении в отношении него судебной экспертизы, будут способствовать обеспечению прав и защите интересов лиц с ограниченными возможностями, участвующими в уголовном судопроизводстве. В свою очередь, это может быть рассмотрено с точки зрения каузально-ассоциативных обязанностей субъектов, реализующих государственно-властные полномочия в сфере уголовного судопроизводства [5].

Список литературы

1. Обобщение судебной практики о назначении и производстве судебных экспертиз по уголовным делам // Антонов и партнеры. Адвокатское бюро [Электронный ресурс]. – URL:<https://pravo163.ru/obobshhenie-sudebnoj-praktiki-o-naznachenii-i-proizvodstve-sudebnyh-ekspertiz-po-ugolovnym-delam/> (дата обращения: 16.02.2023).

2. Сабельфельд, Т.Ю. К вопросу о назначении следователями судебных экспертиз по уголовным делам, совершенными лицами, страдающими психическими заболеваниями или наркоманией / Т.Ю. Сабельфельд // Криминалистические проблемы эффективности борьбы с преступностью и иными правонарушениями среди молодежи: Мат-лыМеждунар. научно-практич. конф., посвященной 95-летию профессора Л.Л. Каневского, Уфа, 25 апреля 2019 года. - Уфа: БГУ, 2019. - С. 161-165.

3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 07.04.2011 № 6 (ред.

от 03.03.2015) «О практике применения судами принудительных мер медицинского характера» // СПС «КонсультантПлюс».

4. Методические рекомендации по выявлению и расследованию преступлений, предусмотренных статьей 157 Уголовного кодекса Российской Федерации (Неуплата средств на содержание детей или нетрудоспособных родителей): утверждены Директором ФССП РФ 25.05.2017 г. // СПС «КонсультантПлюс».

5. Курбатова, С.М. Каузально-ассоциативная детерминация системы уголовно-процессуальных обязанностей субъектов, обеспечивающих достижение публичных интересов в уголовном судопроизводстве (компенсаторный подход) / С.М. Курбатова // Вестник военного права. - 2022. - № 3. - С. 14-20.

УДК 347

УНИФИКАЦИЯ ЭКСПЕРТНЫХ ПРОЦЕДУР В РОССИЙСКОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Русаков Алексей Геннадьевич

старший преподаватель

Красноярский государственный аграрный университет,

г. Красноярск, Россия

e-mail: rusalger@mail.ru

Аннотация: В статье поднимаются актуальные вопросы, поставленные в рамках современной тенденции приведения к единым стандартам (унификации) процедуры производства судебных экспертиз и оформления результатов экспертного исследования. Автор анализирует указанные вопросы под углом унификации институтов доказывания и доказательств в российском судопроизводстве. Заключение эксперта (экспертов) рассматривается как важнейшее из доказательств по юридическим делам.

Ключевые слова: судебно-экспертная деятельность, заключение эксперта (экспертов), процедура производства судебной экспертизы, унификация доказывания, российское административное, арбитражное, гражданское и уголовное судопроизводство.

UNIFICATION OF EXPERT PROCEDURES IN RUSSIAN JUDICIAL PROCEEDINGS

Rusakov Alexey Gennadievich

senior lecturer

Krasnoyarsk state agrarian university, Krasnoyarsk, Russia

e-mail: rusalger@mail.ru

Abstract: The article raises topical issues posed within the framework of the modern trend of bringing the procedure for conducting forensic examinations and

recording the results of expert research to common standards (unification). The author analyzes these issues from the angle of unification of the institutions of proof and proof in Russian legal proceedings. The opinion of the expert (experts) is considered as the most important evidence in legal cases.

Keywords: forensic activity, expert opinion (experts), forensic examination procedure, unification of evidence, Russian administrative, arbitration, civil and criminal proceedings.

Заключение эксперта в различных видах российского судопроизводства, особенно – в рамках уголовного судопроизводства – фактически является универсальным доказательством, устанавливающим новые фактические данные, имеющие значение для правильного разрешения юридического дела, а также - подтверждающие или опровергающие наличие таковых фактов.

Производство судебной экспертизы, по нашему мнению, представляет собой системный комплекс процедурно-процессуальных действий уполномоченных участников судопроизводства, реализующих свои процессуальные права и обязанности на нижеперечисленных этапах судебно-экспертной деятельности: формирование намерения назначить и провести конкретную судебную экспертизу, подготовка к ее проведению, назначение судебной экспертизы (сопровождается определенной совокупностью процессуальных действий, соответствующих виду судопроизводства), непосредственно проведение экспертного исследования, оканчивающегося оформлением ее результатов в виде заключения эксперта (экспертов), его последующее исследование и оценка (предварительная, промежуточная, окончательная) в качестве доказательства на всех стадиях судопроизводства, что сопровождается необходимыми способами процессуальной фиксации.

Заключение эксперта (экспертов) по своей структуре, как любой процессуальный документ, состоит из четырех составных частей: вводной содержит в себе время, место производства экспертизы, обоснование полномочий и компетенции эксперта (экспертов), отметку о разъяснении прав и обязанностей, предупреждение об юридической ответственности; описательной, в которую включены цель и задачи экспертизы, обоснование необходимости ее производства. описание фактических обстоятельств, подлежащих установлению или проверки по юридическому делу, перечень материалов, предоставленных эксперту, раскрывается содержание вопросов: исследовательской, в которой описан характер действий эксперта (экспертов) в соответствии с применяемой методикой, обоснование данной методики, необходимые расчеты и мотивировка предстоящих выводов, подводятся итоги экспертной деятельности; резолютивная или выводы (содержит ответы на поставленные перед экспертом вопросы).

В итоге правоприменитель располагает универсальным доказательством, которое при отсутствии экспертной ошибки и соблюдении процессуальных требований в ходе производства экспертизы, не вызывает сомнения в его допустимости и достоверности (однако, как любое доказательство подлежит исследованию и оценке).

В настоящее время процесс унификации экспертных процедур в нашей стране запущен: создан единый методологический центр, законодатель закрепил перечень экспертиз, которые производятся только в государственных экспертных учреждениях, но правоприменители сталкиваются с определенными трудностями, которые вызваны следующими причинами.

Судебные экспертизы производятся экспертными учреждениями, входящими в структуру различных ведомств в соответствии с профилем их управленческой и контрольной деятельности. Поэтому экспертная деятельность регулируется множественными ведомственными нормативными правовыми актами, зачастую не содержащими единых (унифицированных или универсальных) требований к оформлению ее результатов, в частности - к содержанию заключения эксперта (экспертов). По этой причине в настоящий момент отсутствует унифицированный «стандарт» допустимости заключения эксперта (экспертов) как доказательства по юридическому делу, который необходимо разработать, утвердить и апробировать. Также, полагаем, необходимо установить нормативные «границы» (пределы) использования электронно-цифровых технологий и технологии искусственного интеллекта, чтобы только человек контролировал и проверял результаты поисковых информационных действий, отвечал за соблюдение процедуры, объективности и достоверности результатов экспертного исследования. По нашему мнению, следует вменить в обязанность руководителю экспертного подразделения проверять результаты экспертной деятельности, исправлять выявленные ошибки и нести юридическую ответственность за неисполнение указанных требований. Также считаем необходимым в упомянутом «стандарте» установить границы так называемой «самостоятельности эксперта», не лишая его при этом возможности ставить перед инициаторами производства экспертизы вопросы предоставления необходимых для ее производства сведений и материалов, проведения процессуальных действий с его участием, уточнения формулировки вопросов, упорядочив форму и содержание служебной переписки по данным вопросам. На практике указанные действия судебного эксперта из области его прав должны «переместиться» в сферу процессуальных обязанностей сотрудников экспертных учреждений и руководителей их подразделений.

Таким образом, назрела необходимость в разработке и принятии описанного Стандарта, принятии Федерального закона «О доказательствах» и внесении соответствующих изменений в законодательство, регулирующее судебно-экспертную деятельность.

Это позволит избежать необходимости проведения повторных судебных экспертиз (связанных с многочисленными попытками участников судопроизводства «опорочить» заключения экспертов путем предоставления так называемых «рецензий»), снизит судебные расходы, обеспечит высокий уровень взаимодействия участников судебно-экспертной деятельности, повысит эффективность и оперативность судопроизводства, позволит реализовать принцип процессуальной экономии.

СУДЕБНАЯ БАЛЛИСТИКА: РОЛЬ, ЗАДАЧИ И ПРЕДМЕТ ИССЛЕДОВАНИЯ

Савкин Алексей Витальевич, студент

Красноярский государственный аграрный университет, г. Красноярск, Россия
email:aleksei2002@inbox.ru

Научный руководитель: Гладких Антон Валентинович, ассистент

Красноярский государственный аграрный университет, г. Красноярск, Россия
email:gladkih_anton@mail.ru

Аннотация: в настоящей работе рассматривается вопрос значения судебной баллистики в разделе криминалистического оружие ведения, как именно она влияет на этот процесс. В данной статье рассмотрены такие основные аспекты, как понятие, объект, предмет и задачи судебной баллистики, ее место в других науках. Также проведен анализ того, как судебная баллистика влияет на раскрытие уголовных преступлений и чем же она упрощает этот процесс.

Ключевые слова: баллистика, криминалистика, оружие ведение, идентификация оружия, следователь, экспертиза, криминалистическая техника, задачи судебной баллистики.

FORENSIC BALLISTICS: ROLE, OBJECTIVES AND SUBJECT OF THE STUDY

Savkin Alexey Vitalievich, student

Krasnoyarsk state agrarian university, Krasnoyarsk, Russia
email:aleksei2002@inbox.ru

Supervisor: Gladkikh Anton Valentinovich, assistant

Krasnoyarsk state agrarian university, Krasnoyarsk, Russia
email:gladkih_anton@mail.ru

Abstract: This paper examines the question of the importance of forensic ballistics in the section of forensic weapons of conduct, how exactly it affects this process. This article discusses such basic aspects as the concept, object, subject and tasks of forensic ballistics, its place in other sciences. There were also an analysis of how forensic ballistics affects the disclosure of criminal offenses and how it simplifies this process.

Keywords: ballistics, criminalistics, weapons management, identification of weapons, investigator, examination, forensic equipment, tasks of forensic ballistics.

Стоит начать с того, что судебная баллистика представляет собой особый раздел криминалистики. Баллистика изучает не просто закономерность конструирования и изготовления оружия, но и его отличительные свойства, как

пневматические, газовые, огнестрельные и т.д. Благодаря судебной баллистике в настоящее время стало проще узнать во время расследования какое оружие применялось на месте преступления. Традиционно считать в криминалистике, что судебная экспертиза, согласно Л.В.Бертовскому, – это «отрасль криминалистической техники, которая в свою очередь изучает боеприпасы и закономерности выстрела, также разрабатывающая средства и приемы собирания и исследования данных объектов уже в качестве вещественных доказательств при расследовании и предупреждении преступных деяний» [1, с. 200]. Важно сказать, что сейчас в криминалистике нет единого подхода к пониманию судебной баллистики, это обширная отрасль, которая имеет большое значение в науке криминалистики.

Можно выделить, несколько мнений, ученых по данному вопросу. Например, Белкин Р.С. считает, что судебная баллистика не просто раздел криминалистического оружия веления, но и система научных положений, которые соответствуют техническим средствам, методам обнаружения, изъятия, фиксации и исследования огнестрельного оружия, патронов, следов, и других объектов, которые важны для расследования [2, с. 230]. Однако Степанов М.Е. считает, что судебная баллистика – это «отдельная отрасль криминалистической техники, изучающая и разрабатывающая технические средства, приемы обнаружения и иные факторы, способствующие расследованию преступления [3, с. 12]. Таким образом, можно сделать вывод, что мнение авторов не однозначны и до сих пор не сложилось единой точки зрения, что же такое судебная баллистика, но все же можно предположить, что все понятия схожи и имеют родственное значение, поэтому, по нашему мнению, можно дать следующие понятие данной отрасли криминалистики. Так, судебная баллистика – это отрасль криминалистической техники, разрабатывающая методы, средства обнаружения, а также исследования огнестрельного оружия, помогающая узнать фиксацию, следы и иные объекты, применение которых поможет разрешить вопросов, которые возникли во время расследования уголовного дела.

На сегодняшнее время предметом судебной баллистики признается два блока, это блок закономерности и блок разработки прием [4, с. 26], что указано в табл. 1.

Таблица 1. Предмет судебной баллистики.

Блок 1. Закономерности.	Блок 2. Разработка того, что поможет раскрыть и расследовать преступление.
1. Конструирование и изготовление огнестрельного, газового, пневматического оружия, сигнальных устройств и конструктивно сходных с оружием изделий, а также патронов к ним; 2. Явлений внешней и внутренней баллистики; 3. Механизм образования следов, деталей оружия на пули или гильзе, а также следов выстрела на преграде.	1. Разработка методов, средств обнаружения, приемов, изъятия, исследования, фиксации, оценки данных объектов и следов в целях раскрытия и расследования преступления.

Таким образом, видно, что предмет судебной баллистики обширен, в частности это свойства огнестрельного оружия, боеприпасов, следов и т.д., которые помогают выяснить полностью совокупность существенных обстоятельств преступления.

Стоит отметить, что одной из форм практического применения судебной баллистики является производство судебно-баллистических экспертиз. Так, по мнению Сергеева А.Б. судебная-баллистическая экспертиза представляет собой специальное исследование, которое проводится в установленной законом процессуальной форме с составлением заключения в целях получения научно обоснованных фактических данных об огнестрельном, газовом, пневматическом оружии, огнестрельном оружии ограниченного поражения, сигнальных устройствах и конструктивно сходных с оружием изделиях, их деталях и частях, патронов к ним и обстоятельствах их применения, имеющих значение для расследования и судебного разбирательства [5, с. 157].

Далее важно разобрать задачи, которые ставятся перед судебной баллистикой. Во-первых, это идентификационные задачи, они заключаются в том, что устанавливается тождество, то есть групповая принадлежность объектов (идентификация боеприпасов, оружия, гильз и т.д. по следам). Во-вторых, это диагностические задачи, которые подразумевают установление свойств исследуемого объекта, то есть определение в каком состоянии находится оружие, его возможность к осуществлению выстрела, определение пригодности отдельных патронов для производства выстрела и др.). В-третьих, это реконструкционные задачи, которые означают выявление уничтоженных на оружии частных идентификационных признаков (оружейные клейма, номера и др.). Таким образом, задачи судебной баллистики делятся на несколько видов, что упрощает изучение данной отрасли, стоит отметить, что именно Корухов Ю.Г. предложил классификацию задач [6, с. 350].

Также для лучшего понятия судебной баллистики была предложена Плескачевским В.М. ее система, в которой разделялись общая и особенная части [7, с. 1060] (табл. 2).

Таблица 2. Система судебной баллистики.

Общая часть.	Особенная часть.
Представляет собой систему теоретических принципов, понятий, категорий, определений, терминов и методов, которые отражают в своей совокупности полностью предмет судебной баллистики, а также его внешние и внутренние связи.	<p>В 1-ом разделе говорится об исследовании газового, огнестрельного, пневматического оружия, сигнальных устройствах, огнестрельном оружии ограниченного поражения, а также конструктивно схожих с оружием изделий, их частей и деталей.</p> <p>Во 2-ом разделе говорит об исследовании патронов и их элементов.</p> <p>В 3-ем разделе говорится об исследовании выстрелянных снарядов и других метаемых элементах и стреляных гильз.</p> <p>В 4-ом разделе говорится об исследовании следов выстрела на стрелявшем оружии и преграде.</p> <p>В 5-ом разделе говорится о тактическом и судебно-баллистическом познании при расследовании и раскрытии преступления.</p>

Таким образом, можно сделать вывод, что подробная система судебной баллистики помогает следователем и экспертам правильно сформировать состав оружия и раскрыть преступление. Важно отметить, что расследование преступлений, связанных с применением огнестрельного оружия, не может быть успешно проведено без использования специальных познаний, которые можно получить из общей части и разделов особенной части данной системы.

Говоря о роли судебной баллистики, стоит упомянуть о ее усовершенствовании, так как во время первоначального осмотра места происшествия может возникнуть ряд вопросов и обстоятельств, которые требуют определенных знаний при обнаружении, расследовании и изъятии обнаруженных предметов. Сейчас для продуктивной правоохранительной деятельности органов необходимо привлекать различных специалистов и экспертов, чтобы применить комплекс мер для точного установления обстоятельств. Стоит отметить, что как показывает практика, возникает ряд вопросов при выявлении предметов, найденных в категории огнестрельного оружия или боеприпасов [8, с. 390]. На примере судебной правоприменительной практики можно рассмотреть важность роли судебной баллистики: Приговор № 1-159/2015 от 9 июня 2015 г. по делу № 1-159/2015 Октябрьского районного суда г. Ростова-на-Дону (Ростовская область) [9].

«Калашников Ю.С. (далее ФИО1) имея преступный умысел на незаконное хранение и ношение огнестрельного оружия и боеприпасов к нему, после того как в неустановленные время и месте, он приобрел путем присвоения, найденные им, нарезное короткоствольное огнестрельное оружие: пистолет марки «ПМ» СИ 0181, 1975 года выпуска, калибра 9 мм, промышленного изготовления, а также две обоймы (магазина), снаряженные боеприпасами к нему, в количестве не менее 12 патронов «ПМ», калибра 9,00 мм, являющиеся боеприпасами промышленного изготовления к нарезному огнестрельному оружию соответствующего калибра, а затем реализуя свой преступный умысел, направленный на незаконное хранение, и ношение огнестрельного оружия и боеприпасов к нему, незаконно хранил и носил при себе до 10.09.2014 года, то есть до момента, когда в период времени с 20 часов до 20 часов 25 минут, находясь возле <...>, он использовал данное огнестрельное оружие и был задержан сотрудниками полиции».

Важно отметить, что «ФИО 1. после того как в неустановленные время и месте, приобрел путем присвоения, найденные им 15 патронов калибра 5,45 мм, которые являются военными патронами, заводского изготовления, и являются штатными боеприпасами к нарезному огнестрельному оружию, автомату «АК-74» и его модификациям (АКС-74, АКС-74У), пулемету РПК-74 и т.д., а также 382 патрона калибра 9,00 мм, которые являются пистолетными патронами заводского изготовления и штатными боеприпасами к пистолетам конструкции Макарова (ПМ), Стечкина (АПС), «ИЖ-70», «ПП- 90», ПП-91, «Кипарис» и другому оружию соответствующего калибра, реализуя свой преступный умысел, незаконно хранил их до 16 часов 11.09.2014 года, по месту своего временного проживания, по адресу: <...>, то есть до момента их обнаружения в ходе производства обыска органами предварительного следствия».

Также ФИО1 «находясь возле дома, где имея преступный умысел на убийство ФИО 3, возникший внезапно на почве личных неприязненных отношений, при помощи огнестрельного оружия – пистолета и боеприпасов к нему произвел в последнего не менее 8 выстрелов, пять выстрелов, из которых попали в ФИО3, тем самым причинив ему телесные повреждения в виде: сквозного огнестрельного ранения верхней трети левого предплечья; сквозного огнестрельного ранения нижней трети правого бедра, квалифицирующиеся как легкий вред причиненный здоровью человека по признаку кратковременного расстройства здоровья (не свыше 3-х недель); касательного огнестрельного ранения лобно-теменной области справа; открытой черепно-мозговой травмы, ушиба головного мозга; слепого огнестрельного ранения нижней трети левого бедра, огнестрельного перелома медиальной мыщелка левой бедренной кости квалифицирующихся как средней тяжести вред причиненный здоровью человека по признаку длительного расстройства здоровья (свыше 3-х недель); сквозного огнестрельного ранения верхней трети правого бедра; огнестрельного многооскольчатого перелома верхней трети правой бедренной кости со смещением отломков; слепого огнестрельного ранения мошонки квалифицирующегося как тяжкий вред причиненный здоровью человека, по признаку значительной стойкой утраты общей трудоспособности не менее чем на одну треть, однако Калашников Ю.С., свой преступный умысел, направленный на убийство ФИО3 не смог довести до конца, по независящим от него обстоятельствам, осознавая, что его преступные действия очевидны для окружающих, испугавшись наступления возможных последствий, покинул место совершения преступления, но не успел скрыться, так как был задержан и обезврежен приехавшими на место сотрудниками полиции, а потерпевшему ФИО3 своевременно оказана квалифицированная медицинская помощь».

Однако «подсудимый ФИО1 свою вину в совершении указанных преступлений признал частично и пояснил, что в 2014 году на территории Республики Украина (точное место не помнит) нашел и присвоил себе пистолет, а также патроны, которые перевез на территорию Российской Федерации и хранил. 10.09.2014 года вечером он находился в состоянии сильного алкогольного опьянения, в связи с чем точно не помнит происшедших событий, но может пояснить, что находился на площади народного ополчения в районе магазина «Магнит» и, придя в себя, понял, что производит выстрелы в человека. Сколько произвел выстрелов, он не помнит, но точно более одного. Придя в себя, он прекратил стрелять и отошел в сторону магазина, после чего сразу был задержан сотрудниками полиции».

Так, вина ФИО1 подтверждалась:

- протоколом осмотра места происшествия от 10.09.2014 года, согласно которому осмотрен участок местности. В ходе осмотра обнаружены и изъяты: пистолет, два магазина от пистолета, две пули калибра 9 мм, мужской кошелек черного цвета, 4 пластиковых карты, картонная визитка, деньги в сумме 1200 рублей, смыв вещества бурого цвета, 10 гильз калибра 9 мм;

- протоколом дополнительного осмотра места происшествия от 11.09.2014 года, согласно которому осмотрен участок местности. В ходе

осмотра обнаружено и изъято: две пули калибра 9 мм, вырез из пластиковой декоративной панели с повреждением, металлическая декоративная панель с повреждением;

- заключением комплексной молекулярно-генетической, баллистической и дактилоскопической судебной экспертизы, согласно выводам которой: пистолет «ПМ» является нарезным короткоствольным огнестрельным оружием промышленного изготовления. Пистолет исправен, для производства выстрелов пригоден. На пистолете имеются следующие маркировочные обозначения: «СИ 0181» — на затворе слева; «СИ 0181», а также стилизованное изображение стрелы в треугольнике, помещенное в поле круга и «1975» — на рамке слева. Согласно маркировочным обозначениям, пистолет изготовлен на Ижевском механическом заводе в 1975 году. Признаки уничтожения маркировочных обозначений на пистолете не выявлены. Выстрелы из вышеуказанного пистолета после последней чистки и смазки производились. На рукояти пистолета «ПМ» № СИ 0181 1975 года выпуска обнаружен генетический материал К. 10 представленных гильз являются частями промышленных боеприпасов к нарезному огнестрельному оружию. Патроны, гильзы которых описаны выше, были изготовлены на Юрюзанском механическом заводе в 1985 году. Изъятые в ходе ОМП 10 гильз стреляны из вышеуказанного пистолета. Два патрона, представленные на экспертизу, — патроны «ПМ» калибра 9,0 мм, являются боеприпасами промышленного изготовления к нарезному огнестрельному оружию соответствующего калибра. Патроны изготовлены на Юрюзанском механическом заводе в 1985 году. Патроны для производства выстрелов, а также для производства выстрелов из представленного пистолета пригодны;

- заключением баллистической судебной экспертизы, согласно выводам которой: четыре пули, представленные на экспертизу, являются частями промышленных боеприпасов к нарезному огнестрельному оружию, а именно — частями патронов «ПМ» калибра 9,0 мм. Три пули из четырех выстрелены из представленного ранее пистолета «ПМ» № СИ 0181 1975 года выпуска, калибра 9,0 мм, а 1 пуля из четырех могла быть выстрелена из представленного ранее «ПМ» № СИ 0181 1975 года выпуска¹.

Таким образом, на основании изложенного, суд приговорил ФИО1 «по эпизоду, связанному с незаконным оборотом оружия и боеприпасов к нему признать виновным в совершении преступления, предусмотренного ч.1 ст.222 УК РФ и назначить ему наказание в виде 2 лет лишения свободы; по эпизоду покушения на убийство признать виновным в совершении преступления, предусмотренного ч.3 ст.30, ч.1 ст.105 УК РФ и назначить ему наказание в виде 7 лет 10 месяцев лишения свободы».

Следовательно, можно сделать вывод, что судебная баллистика очень важна при раскрытии и расследовании преступлений, важно знать все основные данные ее системы, для качественной проделанной работы. Стоит отметить, что сейчас существует немало множество хороших материалов, учебников и пособий, которые касаются судебной баллистики и судебно-баллистической

экспертизы. Данные материалы помогают разобраться все вопросы, касающиеся этой криминалистической техники.

В заключении, можно сказать, что судебная баллистика представляет особое значение в криминалистике. Поэтому необходимо улучшать систему, постоянно искать новые разработки для повышения уровня раскрытия уголовных преступлений.

Список литературы

1. Бертовский, Л.В. Криминалистика: учебник для бакалавров / Л.В. Бертовский. — Москва: РГ-Пресс, 2019. —960с.

2. Белкин, Р.С. Курс криминалистики: Учебное пособие для вузов. — 3-е изд., дополненное / Р.С. Белкин.— М.: ЮНИТИ-ДАНА, Закон и право, 2021. — 460 с.

3. Степанов, М.Е. Криминалистические аспекты инсценировок как способа сокрытия убийств, совершенных организованными преступными группами / М.Е. Степанов // Российский следователь. —2019. —№ 4. — С. 12—13.

4. Ушаков, С.И. Судебная баллистика: задачи, объект и предмет исследования / С.И. Ушаков// Новый юридический вестник. — 2020. — № 5 (19). — С. 26-27[Электронный ресурс]. — URL: <https://moluch.ru/th/9/archive/167/4961/> (дата обращения: 30.05.2023).

5. Сергеев, А.Б. Критический анализ отдельных положений проекта федерального закона «О судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» / А.Б. Сергеев // Юридическая наука и правоохранительная практика. — 2019. — № 2 (48). — С. 156—162.

6. Аверьянова, Т.В.Криминалистика. Расследование преступлений / Т.В. Аверьянова, Е.Р. Россинская, Р.С. Белкин, Ю.Г. Корухов. - Юридическое издательство Норма. – 2023. – С. 928.

7. Плескачевский, В.М. оружие в криминалистике. Понятие и классификация / В.М. Плескачевский. - Москва :Спарк, 2021. – С. 3426.

8. Бычков, В.В. Криминальный оборот оружия и боеприпасов: понятие, квалификация и расследование: учебное пособие / В.В. Бычков. — Москва: Юрлитинформ, 2019. — С. 448.

9. Приговор № 1-159/2015 от 9 июня 2015 г. по делу № 1-159/2015 Октябрьского районного суда г. Ростова-на-Дону (Ростовская область) [Электронный ресурс]. – URL:<https://sudact.ru/> (дата обращения 30.05.2023).

**К ВОПРОСУ ОБ ОШИБКАХ, ДОПУСКАЕМЫХ ПРИ ПРОИЗВОДСТВЕ
ДАКТИЛОСКОПИЧЕСКИХ ЭКСПЕРТИЗ**

Селезнев Виктор Михайлович

доцент

Красноярский государственный аграрный университет
г. Красноярск, Россия
email: svit1017@mail.ru

Червяков Михаил Эдуардович,

кандидат юридических наук, доцент

Красноярский государственный аграрный университет
г. Красноярск, Россия
email: mc256gt@gmail.com

Аннотация: В статье рассмотрены типичные ошибки, которые по данным специальных исследований чаще всего допускаются при производстве дактилоскопических экспертиз. Большая часть этих ошибок относится к числу деятельностных (операциональных). Они выражаются в невыполнении экспертом существующих рекомендаций, неправильном применении или отказу от применения методик, обеспечивающих наиболее целесообразный порядок исследования объектов судебной экспертизы. Некоторые ошибки могут повлечь за собой сомнения в достоверности результатов дактилоскопической экспертизы и как результат назначение повторной экспертизы. Одним из способов предупреждения экспертных ошибок рассматриваемой группы может стать усиление ведомственного контроля за качеством производства дактилических экспертиз.

Ключевые слова: следы рук, дактилоскопическая экспертиза, экспертная ошибка, экспертно-криминалистическое подразделение органа внутренних дел.

**ON THE ISSUE OF ERRORS MADE DURING THE PRODUCTION
OF FINGERPRINT EXAMINATIONS**

Seleznev Viktor Mikhailovich

Associate Professor

Krasnoyarsk State Agrarian University,
Krasnoyarsk, Russia
email: svit1017@mail.ru

Chervyakov Mikhail Eduardovich

candidate of Legal Sciences, Associate Professor

Krasnoyarsk State Agrarian University,
Krasnoyarsk, Russia
email: mc256gt@gmail.com

Annotation. The article discusses typical errors that, according to special studies, are most often made during the production of fingerprint examinations. Most of these errors belong to the number of activity (operational). They are expressed in the expert's failure to comply with existing recommendations, incorrect application or refusal to use techniques that provide the most appropriate way to study the objects of forensic examination. Some errors may lead to doubts about the reliability of the results of fingerprint examination and, as a result, the appointment of a reexamination. One of the ways to prevent expert errors of the group under consideration may be to strengthen departmental control over the quality of production of dactylic examinations.

Keywords: handprints, fingerprint examination, expert error, forensic unit of the internal affairs body.

Заключение дактилоскопической экспертизы имеет большую доказательственную силу и во многих случаях служит установлению фактов, на основе которых органы предварительного расследования и суда принимают решение о причастности конкретного лица к расследуемому преступлению [12].

Однако дактилоскопическая экспертиза может быть использована в качестве доказательства только в том случае, если выполнена на высоком профессиональном уровне, выводы о тождестве лица аргументированы, обоснованы и не вызывают сомнений.

Качество и полнота исследования, убедительность оценки совокупности выявленных признаков, грамотное оформление результатов экспертизы и наглядность иллюстративных материалов – необходимое условие правильной оценки результатов экспертизы органами дознания, предварительного следствия и судом.

На практике при производстве дактилоскопических экспертиз встречаются определенные ошибки и недостатки, которые не только снижают качество экспертиз, но и позволяют усомниться в полноте проведенного исследования, правильности применения методики и достоверности выводов судебного эксперта. В ряде случаев это приводит так же к формулированию противоположных выводов в ходе проведения повторных дактилоскопических экспертиз [13; С. 332-342].

Для устранения этих проблем в системе экспертно-криминалистических подразделений МВД РФ проводится постоянный анализ типичных ошибок и недостатков, встречающихся при производстве и оформлении дактилоскопических экспертиз на основе детального изучения материалов, поступающих в вышестоящие экспертные учреждения из территориальных отделов, а также заключений экспертов, по которым при производстве повторных экспертиз сделаны противоположные выводы [5; С. 149-150].

В результате обобщения материалов были выявлены основные причины, способствующие ошибочным выводам экспертов, составлен перечень основных недостатков, допускаемых при производстве и оформлении экспертиз.

По данным В.А. Ивашкова основными существенными ошибками при производстве экспертиз являются:

- неполное исследование объектов;
- нарушение порядка использования методов исследования по принципу от неразрушающих к разрушающим;
- неэффективное применение методов для выявления следов рук;
- неправильные выводы о количестве следов рук, пригодных для идентификации;
- ошибочные выводы о принадлежности, или напротив непринадлежности следов конкретным проверяемым лицам;
- самостоятельное получение экспертом в качестве сравнительных образцов дактилоскопических карт конкретных лиц, находящихся в массиве дактилокарт автоматизированных дактилоскопических информационных систем (АДИС);
- неправильное оформление заключений экспертов и иллюстрационных материалов [5; С. 150-151].

Рассмотрим некоторые из перечисленных ошибок более подробно.

Первая ошибка – неполное исследование объектов. Неполнота исследования проявляется при производстве данного вида экспертиз, прежде всего, в отсутствии в тексте заключения описания визуального исследования объекта с предположительно находящимися на них следами рук.

Визуальный осмотр объекта дактилоскопической экспертизы – обязательный этап ее производства, который, как отмечает В.А. Ивашков, «не может подразумеваться» [см.: 5]. Без непосредственного изучения объекта, осуществляемого при помощи органов зрения сведущего лица, невозможно сколько-ни будь определенно утверждать, имеются ли на нем вообще какие-либо следы, в том числе следы рук. В ходе визуального осмотра фиксируется наименование, форма, размер, состояние поверхности предмета-носителя, наличие или отсутствие на нем видимых и слабовидимых следов рук. Местоположение обнаруженных следов должно быть локализовано и подробно описано в протоколе, а сами следы сфотографированы. Способ фотосъемки выбирается экспертом исходя из характера следовоспринимающей поверхности и самого следа.

Если след слабовидимый, необходимо указать, при каком виде источника света (естественный, искусственный, смешанный) и каком направлении светового потока (косопadaющий, проходящий) обнаружены следы рук. Только после того, как в протоколе будут зафиксированы результаты визуального осмотра, и наблюдаемые невооруженным глазом следы-отображения зафиксированы при помощи фотографической съемки, эксперт может переходить к обработке поверхности объекта дактилоскопическими порошками. Ошибкой станет контрастирование локализованных на поверхности слабовидимых следов без их предварительной фотофиксации; так же ошибочной следует признать обработку порошками только той части поверхности предмета, на которой наблюдаются видимые или слабовидимые следы папиллярных узоров.

Не исключена ситуация, при которой поверхность предмета-носителя окажется пригодной для оставления на ней слабовидимых следов (стекло,

полированное дерево, металл и т.п.), однако в силу специфики механизма и условий слеодообразования на ее поверхности будет отображен потожировой след, трудно различимый даже при наблюдении его под различными углами зрения к источнику света. Обработка в этой ситуации дактилоскопическими порошками только участков с наблюдаемыми на них слабовидимыми следами приведет к фактическому оставлению без внимания исследователя остальной поверхности предмета-следоносителя, и как результат, не выявлению других имеющихся на предмете отображений папиллярных узоров. Конечно, в данном случае может быть назначена дополнительная дактилоскопическая экспертиза, которая (при благоприятном стечении обстоятельств) выявит указанные следы. Однако время будет упущено и возможности изобличения конкретных лиц в совершении преступления могут быть безвозвратно утеряны, причем из-за несоблюдения, казалось бы, очевидного правила исследования дактилоскопического объекта. Поэтому выявление следов по всей поверхности предмета-носителя – важное действие, которое должно неукоснительно выполняться при каждом случае производства дактилоскопической экспертизы. Разумеется, ход и результаты этой части исследования также подлежат подробному описанию в заключении эксперта.

Второй распространенной ошибкой, допускаемой при производстве дактилоскопических экспертиз, является несоблюдение последовательности применения методов исследования, которая в общем случае должна исходить из следующей логики выбора средств и способов воздействия на объект – от неразрушающих методов исследования к разрушающим.

В судебной экспертологии все методы экспертного исследования вещественных доказательств в зависимости от степени и характера своего воздействия на объект делятся на две группы. Первая из них – неразрушающие – в процессе своего применения не изменяют ни состав, ни структуру исследуемого объекта. Применительно к дактилоскопической экспертизе это означает сохранение неизменными как потожирового вещества следа, так и материала предмета-следоносителя. В свою очередь, разрушающие методы изменяют первоначальный вид (состав, структуру, либо и то, и другое) вещества следа, в ряде случаев оказывают аналогичное воздействие на материал предмета-следоносителя [12; С.68-74].

Следует иметь в виду, что в соответствии с п.4. ч.3 ст. 57 УПК РФ любые исследования, которые могут повлечь за собой видоизменение или частичное разрушение объекта, эксперт вправе проводить только с письменного разрешения лица, назначившего экспертизу. Поэтому, если подобное разрешение не получено, экспертиза должна проводиться таким образом, чтобы оставлять неизменными свойства и внешний вид исследуемого объекта.

В зависимости от характера следовой картины, с которой имеет дело эксперт, в целях максимально полного и качественного выявления следов может потребоваться использования не одного, а нескольких методов исследования. При этом последовательность применения методов должна быть установлена таким образом, чтобы, во-первых, было выявлено максимальное количество следов пальцев рук, пригодных для идентификации личности

оставившего их лица; во-вторых, применение каждого очередного метода исследования не уничтожало следы, потенциально выявляемые при помощи других научно-технических средств. Кроме того, желательно, чтобы после осуществления всех этих процедур предмет-носитель сохранился в состоянии, пригодном для производства по нему других видов экспертиз. Строго говоря, реализация этих требований и будет означать осуществление исследования «от неразрушающих методов исследования к разрушающим», когда при наличии нескольких вариантов обработки предмета со следами рук эксперт вначале использует наиболее щадящие методы контрастирования или выявления потожировых следов, а при их неэффективности переходит к следующим.

Как уже отмечалось, применению любого метода исследования всегда должен предшествовать визуальный осмотр объекта, при котором все видимые и слабовидимые следы фотографируются, после чего поверхность предмета обрабатывается для усиления контраста дактилоскопическими порошками.

Использование дактилоскопических порошков является следующим по неагрессивности методом воздействия на объект. В научной литературе их относят к физическим методам выявления, основанных на адгезионных свойствах вещества следа (проявитель прилипает и удерживается следом за счет поверхностной энергии тонкодисперсных частиц, из которых он состоит). При этом остаются неизменными как сам след, так и поверхность предмета-носителя. Действие физического проявителя обратимо: при необходимости обработанный объект можно очистить от использованного вещества. После обработки объекта дактилоскопическими порошками, как правило, могут применяться любые другие физико-химические и химические методы выявления латентных следов рук.

Важно помнить, что перед изъятием на дактилоскопическую пленку следов, выявленных физическими методами, все они должны быть зафиксированы при помощи фотосъемки [2].

Если визуальный и физический методы не привели к обнаружению следов рук, но их наличие предполагается на объекте, эксперту следует задействовать такие средства исследования, применение которых уже может изменить первоначальный вид и состояние следа. К их числу относятся физико-химические методы (выявление следов рук парами йода, парами цианакрилата), и химические методы (выявление потожировых следов при помощи растворов азотнокислого серебра, растворов нингидрина, аллоксана и др.).

Использование в качестве проявителя некоторых химических соединений может полечь за собой изменение не только следа, но также свойств и внешнего вида предмета-носителя. В этой связи, раствор нингидрина в ацетоне не рекомендуется применять на поверхностях, содержащих рукописный текст, при необходимости обработки подобных объектов необходимо использовать растворы, не размывающие чернила [4].

Следует отметить, что большинство пособий и руководств в области дактилоскопической экспертизы содержит подробную информацию о рекомендуемых методах выявления следов рук в зависимости от вида и состояния поверхности предмета-носителя, давности оставления следа, других

обстоятельств, существенно влияющих на выбор метода обнаружения следов. В этих же источниках приводится информация о сочетаемости или не сочетаемости различных методов выявления следов рук между собой [3; 6; 9; 11].

Неэффективное применение методов для выявления следов рук. Эффективность применения того или иного метода выявления следов рук зависит от множества факторов: материала следовоспринимающей поверхности (металл, керамика, пластмасса, бумага, картон), ее характера (гладкая, пористая, шероховатая), наличии или отсутствии на поверхности посторонних веществ (наложений, загрязнений), и т.п. Важную роль играют так же условия, в которых был обнаружен предмет с предположительно находящимися на нем следами рук. Если предмет обнаружен на открытом пространстве, то на наиболее распространенный метод выявления латентных следов – обработка поверхности дактилоскопическими порошками – вряд ли будет целесообразен. Адгезионные свойства потожирового вещества в этом случае будут заметно уменьшены по причине загрязнения пылью и другими аэрозольными частицами, постоянно находящимися во взвешенном состоянии в атмосфере воздуха. Более правильным в этой ситуации будет применение лабораторных методов исследования, в частности обработка поверхности парами эфира цианакриловой кислоты, с последующим контрастированием дактилоскопическим порошком [10]. Аналогичным образом следует поступить, если на предметах из металла или пластмассы предполагается наличие следов, давность образования которых превышает 7-10 суток [5; С. 152].

Лабораторные методы могут оказаться так же эффективным средством выявления следов рук на предметах из бумаги и картона, независимо от того, как давно были оставлены следы. Целлюлозосодержащие материалы хорошо впитывают потожировое вещество, что обуславливает его растекание по поверхности предмета и изменение им своей первоначальной формы. Часть содержащейся в следе дактилоскопической информации при этом теряется, а выявленная порошком картина строения узора приобретает нечеткий характер. В то же время обработка бумажных материалов химическими реактивами позволяет им прореагировать с потожировым веществом, находящимся внутри всего слоя бумаги, где оно не только сохраняется от посторонних загрязнений, но и с достаточно высокой степенью точности воспроизводит первоначальное отображение строения папиллярных линий. В научной литературе описан случай, когда с помощью раствора азотнокислого серебра, эксперт обработал обратную сторону бумажного листа и выявил на ней пригодный для идентификации потожировой след пальца руки [2]. Столь же эффективными в этой ситуации могут оказаться могут оказаться и другие химические методы выявления латентных следов рук.

Следует иметь в виду, что выявленные химическими или физико-химическими средствами папиллярные узоры (чаще, чем выявленные дактилоскопическими порошками) бывают пригодны не только для дактилоскопического, но и для поро- и эджеоскопического исследования. Это связано с тем, что некоторые порошки имеют свойство частично «забивать»

пространство между папиллярными линиями, искажая при этом края папиллярных линий и отобразившиеся поры.

Если использовать разработанную в науке классификацию экспертных ошибок, то перечисленные выше недостатки можно отнести к числу так называемых деятельностных, или операциональных экспертных ошибок. Данным словосочетанием обозначаются такие действия (или бездействие) эксперта, которые выражаются в отступлении от существующих рекомендаций, неправильном применении или отказу от применения методик, обеспечивающих наиболее целесообразный порядок исследования объектов судебной экспертизы [13; С.338-340].

Не ставя перед собой задачу рассмотреть все ошибки, встречающиеся в заключениях дактилоскопических экспертиз, отметим ряд ошибок деятельностной группы, которые состоят в неправильном или недостаточно верном с точки зрения существующей методики, оформлении заключения эксперта.

Речь идет о ситуациях, когда эксперт, соблюдая в целом требования закона относительно структуры заключения, изложенные как в процессуальном законе, так и дополняющем его нормативно-правом акте МВД России, вместе с тем допускает ряд неточностей в описании хода и результатов проведенного исследования [8].

Так, по данным В.А. Ивашкова, в вводной части заключения эксперта в ряде случаев не указывается специальность лица, производившего экспертизу; отсутствуют данные об обстоятельствах дела, а значит и фактических основаниях назначения экспертизы, либо напротив такое описание излишне подробно и занимает несколько страниц; при производстве дополнительных и повторных экспертиз не указывается соответствующий вид экспертизы, нет сведений об эксперте, проводившем первичную экспертизу, и выводов предыдущей экспертизы [5; С.157].

В исследовательской части заключения встречаются следующие недостатки: не конкретизируются методы, используемые для выявления следов рук; действия по выявлению следов описываются недостаточно полно (например, не отражается факт копирования выявленных следов рук с поверхности объектов на дактилоскопическую пленку; среди выявленных следов описываются не все, а только пригодные для идентификации; в описании следов отсутствуют указание на их пространственные характеристики (локализация на объекте, форма, размеры), не всегда приводится обоснование вывода о пригодности следов рук для идентификации, а так же оценка результатов сравнительного исследования.

Ряд ошибок можно встретить в выводах, формулируемых по результатам производства дактилоскопических экспертиз. Количество выводов в некоторых заключениях не всегда соответствует числу поставленных вопросов, изложение выводов носит нечеткий характер, нарушается последовательность изложения.

В специальной литературе отмечаются так же ошибки, допускаемые экспертами при оформлении приложений и фототаблиц к заключению дактилоскопических экспертиз. Роль иллюстративного материала очень важна:

его изготовление является содержательной частью проводимого исследования. Как отмечает В.А. Ивашков, при изготовлении фотоснимков, призванных наглядно продемонстрировать результаты производства дактилических экспертиз, в ряде случаев могут быть допущены следующие ошибки. На фотографических снимках не всегда демонстрируется общий вид упаковки объектов, а также поступивших в качестве сравнительных образцов дактилокарт; объекты фотографируются без масштабной измерительной линейки, нарушается последовательность расположения фотоснимков, иллюстрирующих ход проведения экспертизы; изображения следов рук недостаточно увеличены, основания сравниваемых следов ориентируются в разных направлениях, а изображения с разметкой совпадающих признаков размещаются не на том же листе, что и контрольные фотоснимки без разметки. При разметке не всегда учитываются идентификационная значимость признаков (иллюстрации в первую очередь подлежат редко встречающиеся они же должны быть описаны в исследовательской части заключения эксперта) [5; С.158-159].

Эти и другие ошибки могут повлечь за собой сомнения в полноте и правильности проведенного исследования, а в ряде случаев породить сомнения в достоверности сделанных выводов. Наиболее неблагоприятным последствием допущения ошибок в случае из выявления следователем и судом может стать назначение повторной экспертизы. Чтобы избежать подобного варианта развития событий представляется целесообразным усилить ведомственный контроль за результатами производства экспертиз. Этой цели может служить практика проведения контрольных проверок, когда материалы выполненной экспертизы проверяются руководителем экспертно-криминалистического подразделения органа внутренних дел, отвечающего в число прочего так же за качество работы подчиненных ему судебных экспертов. Подобные проверки могут проводить так же наиболее опытные эксперты по поручению руководителя экспертно-криминалистического подразделения.

Список литературы

1. Воронков, А.Ю. Выявление следов рук эфирами цианакриловой кислоты / А.Ю. Воронков, О.Р. Матов, В.А. Федоренко. – Саратов, 2001.
2. Дактилоскопическая экспертиза: современное состояние и перспективы развития / В.Е. Корноухов, Ю.Ю. Ярослав, Т.В. Яровенко. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2011.
3. Дактилоскопия и дактилоскопическая экспертиза: курс лекций / Н.С. Кудинова, Р.Е. Демина, М.Ю. Калинин. - Саратов: СЮИ МВД России, 2009.
4. Донцова Ю.А. Выявление латентных следов рук нингидрином и ДФО в растворах на основе ГФЭ-7100: Методич. рекомендации / Ю.А. Донцова, В.Е. Капитонов. – М., 2004.
5. Ивашков, В.А. Особенности составления заключения эксперта при выполнении дактилоскопических экспертиз: Учебное пособие / В.А. Ивашков. – М.: ЭКЦ МВД России, 1999.

6. Криминалистическая техника. Учебник. – М.: ООО Издательство «Юрлитинформ», 2002.

7. Моисеева Т.Ф. ДФО - новый реагент для выявления латентных следов рук / Т.Ф. Моисеева, Ш.Н. Хазиев // Экспертная техника. - 1993. - Вып. 7.

8. Особенности исследования некоторых объектов традиционной криминалистической экспертизы: Учебное пособие / Под ред. д-ра юрид. наук, проф. В.А. Снеткова. – М.: ЭКЦ МВД России, 1993.

9. Практическое руководство по производству судебных экспертиз для экспертов и специалистов: практическое пособие / под ред Т.В. Аверьяновой, В.Ф. Статкуса. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Издательство Юрайт, 2011.

10. Самищенко, С.С. Использование эфиров цианакриловой кислоты в дактилоскопии / С.С. Самищенко, В.А. Ивашков // Экспертная практика. - 1990. - № 29. - С. 59-64.

11. Современные методы и средства выявления, изъятия и исследования следов рук: Учебное пособие / Л.А. Черницын, В.И. Иванов, Т.М. Рыжова и др. – М.: ЭКЦ МВД России, 2010.

12. Судебная экспертиза в гражданском, арбитражном, административном и уголовном процессе / Е.Р. Россинская. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Норма, 2009.

13. Судебная экспертиза: типичные ошибки / под ред. Е.Р. Россинской. – М.: Проспект, 2014.

УДК 343.9

ПОЗНАВАТЕЛЬНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ СУДЕБНЫХ ЭКСПЕРТИЗ И ПРОБЛЕМЫ ЕГО РЕАЛИЗАЦИИ В СЛУЧАЕ НЕОСОЗНАННОЙ ПРЕДВЗЯТОСТИ СУДЕБНОГО ЭКСПЕРТА

Селезнев Виктор Михайлович

заведующий лабораторией судебных экспертиз, доцент

Красноярский государственный аграрный университет, г. Красноярск, Россия
email:svit1017@mail.ru

Червяков Михаил Эдуардович

кандидат юридических наук, доцент

Красноярский государственный аграрный университет, г. Красноярск, Россия
email: mc256gt@gmail.com

Аннотация: В статье рассматриваются вопросы объективности экспертного исследования и возможные проблемы неполного соблюдения этого требования в ходе производства идентификационных судебных экспертиз. Отмечается значение идентификационных исследований в деле установления фактических обстоятельств совершенного преступления. Познавательная ценность идентификационных выводов обеспечивается характером устанавливаемого факта, достоверностью суждений судебного эксперта. Существенную роль в формулировании достоверного вывода играет

объективность и непредвзятость эксперта, оценка им идентификационных признаков исключительно с позиции методики исследования. Между тем, при производстве отдельных экспертиз объективность эксперта как исследователя может значительно снижаться ввиду произвольного влияния на него сведений о процессуальном статусе проверяемого объекта, а также ассоциирования себя с той частью правоохранительных органов, которая выполняет функцию уголовного преследования. Формируемые при этом психологические установки лежат в основе явления, получившего название «неосознания предвзятость судебного эксперта». В состоянии предвзятости эксперт не может быть полностью объективным, и в ряде случаев формулирует ошибочный вывод. Возможность возникновения у эксперта неосознанной предвзятости доказана экспериментами зарубежных криминалистов, предлагается провести аналогичные исследования в Российской Федерации. Если возникновение неосознанной предвзятости подтвердится, а ее влияние на характер выводов окажется существенным, следует принять меры по недопущению возникновения данных стояний в деятельности сведущих лиц в целях обеспечения надлежащего качества проводимых экспертиз.

Ключевые слова: судебная экспертиза, эксперт, идентификация, объективность, неосознанная предвзятость, экспертная ошибка

THE COGNITIVE POTENTIAL OF FORENSIC EXAMINATIONS AND THE PROBLEMS OF ITS IMPLEMENTATION IN THE CASE OF UNCONSCIOUS BIAS OF A FORENSIC EXPERT

Seleznev Viktor Mikhailovich

head of the laboratory of forensic examinations, associate professor
Krasnoyarsk State Agrarian University,
Krasnoyarsk, Russia
email:svit1017@mail.ru

Chervyakov Mikhail Eduardovich

candidate of legal sciences, associate professor
Krasnoyarsk State Agrarian University,
Krasnoyarsk, Russia
email: mc256gt@gmail.com

Abstract: The article discusses the issues of objectivity of expert research and possible problems of incomplete compliance with this requirement during the production of identification forensic examinations. The importance of identification studies in establishing the actual circumstances of the committed crime is noted. The cognitive value of the identification conclusions is provided by the nature of the established fact, the reliability of the judgments of the forensic expert. An essential role in the formulation of a reliable conclusion is played by the objectivity and impartiality of the expert, his assessment of identification features exclusively from the standpoint of the research methodology. Meanwhile, during the production of

individual examinations, the objectivity of an expert as a researcher can be significantly reduced due to the involuntary influence of information about the procedural status of the object being checked on him, as well as associating himself with that part of law enforcement agencies that performs the function of criminal prosecution. The psychological attitudes formed in this case are the basis of the phenomenon called "unconscious bias of a forensic expert". In a state of bias, an expert cannot be completely objective, and in some cases formulates an erroneous conclusion. The possibility of the expert's unconscious bias is proved by the experiments of foreign criminologists, it is proposed to conduct similar studies in the Russian Federation. If the occurrence of an unknown bias is confirmed, and its impact on the nature of the conclusions is significant, measures should be taken to prevent the occurrence of these conditions in the activities of knowledgeable persons in order to ensure the proper quality of the examinations carried out.

Keywords: forensic examination, expert, identification, objectivity, unconscious bias, expert error

В настоящее время сложно представить уголовное судопроизводство без применения специальных знаний ведущих лиц-экспертов и специалистов, которые, используя научно-обоснованные методы поиска и исследования вещественных доказательств, устанавливают фактические обстоятельства расследуемого и рассматриваемого в суде уголовного дела.

Правоприменительная практика знает две формы использования специальных знаний – процессуальную и не процессуальную, каждая из которых, в свою очередь, делится на несколько разновидностей. Процессуальная форма включает в себя такие способы и приемы применения специальных знаний, процедура реализации которых регламентирована нормами уголовно-процессуального закона, а результатом их использования является судебное доказательство по уголовному делу [1; С. 29-41].

Среди всех видов процессуальной формы особое значение придается судебной экспертизе. Экспертное исследование в наиболее «концентрированном» виде используют все современные достижения науки и техники, применение которых к объектам экспертного исследования позволяет получать достоверные и по-своему уникальные знания об обстоятельствах подготовки, совершения и сокрытия преступлений. В процессе производства судебной экспертизы сведущее лицо-эксперт, используя свои специальные знания методы исследования и аппаратуру, какие исследования произошли в объектах судебной экспертизы в результате воздействия на эти объекты со стороны различных по характеру природных процессов, тех или иных действий и поведения людей. Осуществляя мысленное движение от изменений к причинам, эксперт устанавливает существенные признаки произошедшего воздействия, и в той мере в какой оно связано поведением людей - признаки субъекта, активность которого послужила причиной наблюдаемых изменений. Таким образом эксперт осуществляет познание события прошлого, восстанавливает его мысленную картину, служащую описанием исследуемого события – всего или отдельных элементов [см.: 2; С. 245-246].

Суждение о причине и механизме исследуемого события, индивидуальных признаках связанных с этим событием лиц облекаются в форму ответов на вопросы, вынесенные на разрешение экспертизы. Отвечая на вопросы, эксперт констатирует существование того или иного факта. Факты, устанавливаемые экспертизой, достаточно разнообразны.

Их всего множества фактов, устанавливаемых экспертным путем, отдельно следует отметить факт нахождения лица – подозреваемого или обвиняемого на месте совершения преступления. С процессуальной точки зрения таким местом является место происшествия, пространственные границы которого документально фиксируются в материалах уголовного дела. Юридическое значение факт нахождения лица на месте происшествия приобретает при расследовании таких преступлений, объективная сторона которых предполагает непосредственный, «физический» контакт правонарушителя с предметом преступного посягательства, потерпевшим, а также материальной средой – обстановкой места происшествия, в которой находились указанные объекты. Строго говоря, таких составов большинство в Уголовном кодексе, к ним относятся многие преступления так называемой «общеуголовной» направленности – кражи, грабежи, разбойные нападения, убийства причинение различной тяжести вреда здоровью потерпевшего и др. [см. 3; С. 194].

Конечно, если какое-либо лицо находилось на месте преступления, это еще не означает что оно это преступление и совершало. Пребывание физического лица в каком-либо месте означает, что данное лицо имело пространственную связь с локализованным участком поверхности – местности или помещения, в пределах которой осуществлялась определенная человеческая деятельность. Между тем, уголовно-релевантной является только причинная связь, а это означает, что органу расследования необходимо установить, какие именно действия совершал тот или иной субъект, находясь на месте преступления, к каким последствиям эти действия привели и являются ли они наказуемыми с точки зрения Уголовного кодекса РФ. Кроме того, важно выяснить отношения временного следования, установить, в какое время проверяемое лицо находилось в пределах локализованного участка. В ходе расследования может оказаться, что проверяемое лицо действительно находилось на месте преступления, но это было либо до совершения общественно опасного деяния, либо после того как кто-то другой находясь в установленном месте, совершил деяние, образующее объективную состава преступления. Нахождение подозреваемого или обвиняемого во время совершения преступления в другом месте в науке уголовного процесса называется «алиби», такое же определение алиби дается в тексте уголовно-процессуального закона (п.1 ст. 5 УПК РФ). Доказанное алиби означает, то лицо, алиби которого установлено, не могло выполнять объективную сторону состава преступления, а значит должно быть исключено из круга лиц, предположительно причастных к его совершению. Если такое лицо уже приобрело статус подозреваемого, то уголовное преследование в отношении него должно быть прекращено по п. 1 ч.1 ст. 27 УПК РФ [4; 5].

Перефразируя известное высказывание, в емком виде показывающее соотношение родового и видового в определяемых понятиях, можно сказать, что «каждая причинно-следственная связь предполагает пространственно-временную, но не каждая пространственно-временная связь предполагает причинно-следственную». Установить характер связи лица или предмета с местом происшествия и событием преступления – одна из основных задач предварительного расследования, она решается в ходе всего процесса собирания, исследования, оценки и использования доказательств. При этом установление наличия (или отсутствия) пространственной связи лица с местом происшествия, факта пребывания этого лица в определенном месте является необходимым и обязательным этапом на пути к установлению наличия причинно-следственной связи проверяемого субъекта с событием преступления. Нельзя утверждать о наличии причинной связи, если не доказана пространственная – в противном случае вывод и причастности к преступлению лица, которое в действительности не находилось на месте преступления, будут логически ошибочными. Логическая ошибка в рассуждениях повлечет неправильные выводы о фактах. Будучи положенными основой принятия процессуального решения, эти выводы повлекут за собой постановление необоснованного и незаконного приговора, которым невиновное лицо будет осуждено, а подлинный виновник не привлечен к уголовной ответственности.

Факт нахождения лица в определенном месте, объективно представляет собой событие прошлого, поэтому единственный способ его установления – обнаружение и последующее изучение следов, оставленных человеком на месте происшествия. Следы, оставленные в прошлом, сохраняются и доходят до субъекта уголовно-процессуального познания в настоящем. Эти следы могут быть обнаружены, зафиксированы и изъяты с целью последующего изучения содержащейся в них информации. Таким образом следователь и суд осуществляют ретроспективный процесс познания – мысленное восстановление механизма расследуемого события посредством изучения следового картины этого события, закономерно формирующейся в результате действий по подготовке, совершению и сокрытию преступления.

Известно, что все следы преступления по природе происхождения могут быть разделены на две группы – материальные и идеальные. Идеальные следы – это мысленные образы, сохранившиеся в памяти людей. Установление юридических фактов по идеальным следам осуществляется при производстве вербальных следственных действий – таких как допрос, очная ставка, предъявление для опознания, проверка показаний на месте. Возможности судебной экспертизы по исследованию содержания идеальных следов в настоящее время достаточно ограничены и в основном, касаются случаев определения способности человека сохранять в своей памяти эти следы без каких-либо значительных изменений. Основная группа следов, изучаемых методами судебной экспертизы – материальные отображения произошедшего события. Исследование этой группы следов и позволяет установить пространственную связь лица или предмета с местом происшествия, а через него и событием преступления.

Устанавливая человека или предмет, оставившего свой след на месте происшествия, судебный эксперт осуществляет его криминалистическую идентификацию. Собственно, криминалистическая идентификация и есть процесс отождествления объекта по его материально-фиксированному или мысленному отображению [6]. В случае с судебной экспертизой отождествление объекта производится по его материальным следам, подразделяемых в криминалистике на следы –отображения, следы предметы и следы –вещества. Соответственно названию процесса получила свое наименование и экспертная задача, решаемая в ходе отождествления объекта – она называется идентификационной, а познавательная деятельность, позволяющая решать указанные задачи – экспертной идентификацией [7; С.105].

Следует отметить, что пространственная связь конкретного лица с местом происшествия может быть установлена двумя способами – по следам, оставляемым непосредственно самим человеком в обстановке расследуемого события, и по следам используемых человеком вещей. Примером первого способа может быть, например, идентификация человека по следам рук, биологических выделений, оставленных им на месте происшествия и обнаруживаемых в ходе проведения следственного осмотра. Во втором случае структура познавательной деятельности усложняется, так как наряду доказыванием факта контакта предмета с объектами окружающей обстановки необходимо так же установить, что, то или иное проверяемое лицо, так же контактировало с этим предметом, т.е. решать задачу идентификации комплекса предметов, имевших пространственную связь между собой и местом происшествия. Важную роль в установлении такой «двусторонней» может играть все та же идентификационная судебная экспертиза.

Например, на месте происшествия, при совершении которого применялось огнестрельное оружие, обнаружены стреляные гильзы; при проведении розыскных мероприятий было обнаружено и изъято огнестрельное оружие, из которого предположительно произведены выстрелы. Судебно-баллистическая экспертиза установила, что найденная на месте происшествия гильза стреляна именно из этого огнестрельного оружия. Такой вывод эксперта подтверждает пространственную связь предмета с местом происшествия, однако преступление не будет раскрыто если не будет установлено, кто именно стрелял из оружия, то есть, кто, имея пространственную связь с орудием преступления, производил из него выстрелы на месте происшествия. В любом случае необходимо установить факт пространственной связи в подсистеме «оружие – человек, его применяющий», или, что тоже самое, факт контактного взаимодействия, в данном случае – двух материальных тел, одно из которых является человеком, другое – орудием совершения преступления. Разумеется, принадлежность того или иного предмета человеку может быть доказывать факт нахождения этого предмета при самом человеке, подтверждаемого, например, протоколом его личного обыска, либо протоколом обыска в жилище, доступ в которое судя по имеющимся данным имело только указанное лицо. Однако во всех случаях важное доказательственное значение имеет установленный факт контактного

взаимодействия орудия преступления с телом и одеждой подозреваемого, другими предметами, используемыми подозреваемым в своей повседневной деятельности. В числе других источников доказательств факт контактного взаимодействия может подтверждаться, например, заключением дактилоскопической экспертизы о нахождении на исследуемом образце огнестрельного оружия потожировых следов пальцев рук, оставленных пальцами руки проверяемого лица[12]. Включенное в систему имеющихся доказательств, такое идентификационное заключение позволит не только подтвердить правильность сделанных ранее предположений об использовании орудия преступления проверяемым лицом, но и восстановить всю картину действий, выполнявшихся с исследуемым предметом в ходе подготовки и совершении преступления.

Подчеркнем, что пребывание лица на месте преступления, контактное взаимодействие субъекта с предметом, установленным как орудие совершения преступления, еще не означает что данное лицо действительно совершало это преступление. Как минимум необходимо исследовать временные связи и установить, когда имел место факт контактного взаимодействия, определить, имел ли он место во время совершения преступления. Пространственная связь приобретет уголовно-правовое значение только в том случае, если будет установлено, что она являлась элементом развития причинно-следственной связи, порожденной сознательными волевыми действиями субъекта, непосредственно причастного к совершению преступления. Вывод о причастности к преступлению лица, следы которого были обнаружены на месте происшествия, может и должен делаться только на основе исследования совокупности доказательств, собранных в ходе производства по уголовному делу. Именно такую комплексную оценку судебных доказательств и предписывает проводить уголовно-процессуальный закон (с. 17, ч.1 88 УПК РФ).

Однако в силу внутренней логики процесса познания установление причинных связей начинается с локализации пространственных участков, в пределах которых развивалась и обнаружила свое действие причина. Установление места действия причины осуществляется, в числе прочего, путем производства судебных экспертиз, и в силу уникальных возможностей судебной экспертизы исследовать скрытые, очевидно не наблюдаемые отношения предметов и явлений, выводы о пространственной связи лиц и предметов с местом происшествия становится отправным пунктом в установлении наличия (или отсутствия) причинно-следственной связи этих объектов с событием преступления. Идентификационный вывод становится, образно говоря, основанием всей мысленной конструкции, к которой крепятся другие источники доказательств и устанавливаемые ими факты. Отсутствие таких выводов (впрочем, как и их неправильная оценка) практически всегда свидетельствует об одностороннем подходе в исследовании обстоятельств события преступления и при определенных условиях может привести к ошибочным выводам органов предварительного расследования и суда.

Познавательная ценность заключения судебного эксперта обеспечивается соблюдением принципов государственной судебно-экспертной деятельности, закрепленных в статьях 4, 5-8 федерального закона «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ (ред. от 01.07.2021 г.) (далее так же – ФЗ №73) [9]. Если говорить о качестве результатов судебно-экспертной деятельности, понимаемом как соответствие выводов эксперта объективной действительности, то среди всех принципов, предусмотренных ФЗ №73 наиболее влияние на качественную сторону деятельности эксперта, оказывает соблюдение принципов всесторонности объективности и полноты экспертного исследования, а также использование экспертом современных достижений науки и техники.

В рамках настоящей статьи мы более подробно остановимся на проблемах соблюдения принципа объективности судебного эксперта и возможном отступлении от положений этого принципа под влиянием такого психологического явления, которое в криминалистической литературе получило название «неосознанная предвзятость эксперта».

Объективность судебного эксперта в соответствии с положениями ч.1 ст. ФЗ №73 означает что осуществляя исследование, эксперт руководствуется только положениями научно обоснованных методик исследования объектов судебной экспертизы, формулирует выводы исходя из рекомендаций, содержащихся в этих методиках и никак не связан процессуальными интересами сторон обвинения и защиты. Все свои суждения эксперт высказывает независимо от того, чьим процессуальным интересам эти суждения будут объективно соответствовать в большей или меньшей мере.

Так при производстве идентификационных экспертиз эксперт может прийти к двум типам выводов: о наличии тождества (индивидуального или группового) или его отсутствию. Понятно, что вывод о наличии тождества подтверждает версию стороны обвинения (выполняющей также функции предварительного расследования) о причастности подозреваемого обвиняемого к совершению преступления в всяком случае наличия возможности, поэтому такой вывод соответствует процессуальному интересу стороны обвинения – изобличить виновного в совершении преступления. Однако этот же вывод явно не отвечает фактически интересам защиты среди которых – не привлечение доверителя к ответственности по основанию недоказанности его вины. Напротив, вывод о том, что проверяемое лицо не является тем субъектом, которое оставило следы своего пребывания на месте преступления, или что тоже самое, что это разные лица означает отсутствие тождества и влечет за собой исключение подозреваемого из круга проверяемых лиц. Отсутствие пространственной связи лица с местом пришествия означает и отсутствие у него причинной связи с событием преступления. Как уже отмечалось, такой вывод является фактическим основанием для прекращения уголовного преследования в отношении проверяемого лица, если к моменту производства судебной экспертизы оно уже приобрело статус подозреваемого по делу. Очевидно, что заключение эксперта, констатирующее отсутствие тождества проверяемых лиц, в большей степени будет соответствовать интересам стороны

защиты и никак не позволит реализовать процессуальный интерес стороны обвинения (реальный виновник происшедшего события не обнаружен, ресурсы на его поиск потрачены, желаемый результат не получен).

Принцип объективности требует от эксперта, чтобы выводы формулировались им «без оглядки» на то, чьи интересы этот вывод позволит в большей степени реализовать исходя из фактического положения дел, складывающихся в процессе раскрытия и расследования преступлений. Объективность исследования означает так же беспристрастность и непредвзятость судебного эксперта в оценке всей имеющейся у него профессионально значимой информации, которая включает в себя сведения, сообщенные эксперту инициатором назначения экспертизы, а также сведения, установленные в ходе проведения исследования в результате применения сведущим лицом соответствующих методов исследования и познавательных процедур.

Необходимо отметить, что действующее законодательство содержит достаточно положений, которые, в принципе, должны обеспечивать объективность и беспристрастность судебного эксперта. К числу процессуальных гарантий объективности сведущего лица следует отнести во, во-первых, особое построение состава участников уголовного процесса, согласно которому эксперт не включается в круг участников процесса ни со стороны обвинения, ни со стороны защиты, а относится к иным участникам уголовного судопроизводства, имеющим в уголовном деле исключительно профессиональный или общественный интерес (глава 8 УПК РФ, ст. 57).

Далее гарантией объективности является так же законодательное определение круга обстоятельств, исключающих участие эксперта в производстве по делу (ст. 70 УПК РФ). Наличие либо из указанных в законе обстоятельств (служебная зависимость от сторон, родственные связи с лицами, принимающими процессуальные решения и т.п.) предполагает заинтересованность эксперта в исходе уголовного дела что безусловно делает невозможным его беспристрастное отношение к ходу и результатам предстоящего исследования. УПК РФ устанавливает процедуру разрешения заявления об отводе эксперта в ходе досудебного производства (ч.1 ст. 69) и судебного разбирательства по уголовному делу (ч.2 ст. 266).

Наконец, гарантией соблюдения эксперта принципа объективности экспертного исследования является так же процедура предупреждения эксперта об уголовной ответственности за дачу заведомо ложного заключения (ч.5 ст. 57, ст. 199, п.5 ч.1 ст. 204 УПК РФ).

Означает ли наличие всех указанных выше гарантий, что в реальной жизни, при проведении конкретных исследований, эксперт всегда и во всем остается объективным? Вопрос не так прост, как может показаться на первый взгляд. Нормативные требования к поведению человека всегда должны учитывать и индивидуальнее особенности личности и условия в которых приходится действовать исполнителю правовой нормы. Эксперт – живой человек, и как любой другой из нас не свободен от разного рода установок, эмоциональных переживаний, симпатий и антипатий, оказывающих

определенное влияние и на процесс профессиональной деятельности судебного эксперта, меры, предпринимаемые им для решения стоящих перед ним задач.

В начале 2010-х годов знаменитый отечественный криминалист О.Я. Баев ввел в научный оборот термин «неосознанная предвзятость эксперта» [10; С.3-6]. Этим словосочетанием великий ученый обозначил особое психологическое состояние судебного эксперта, возникающее у него в связи и по поводу выполнения своих профессиональных обязанностей, которое делает его менее объективным и до некоторой степени предвзятым в оценке признаков объекта судебной экспертизы. Результатом неосознанной предвзятости эксперта становится формулирование им ошибочного вывода при общей уверенности в том, что все его профессиональные действия, суждения и оценки являются правильными, объективно отражающими реальное положение дел.

Здесь и далее в тексте настоящей статьи такого рода психологическую установку судебного эксперта мы будем обозначать также словосочетанием «экспертное предубеждение».

Механизм формирования неосознанной предвзятости приводится О.Я. Баевым на примере производства идентификационной судебной экспертизы.

Предположим, совершено тяжкое преступление против личности. Неизвестный преступник скрылся с места происшествия, на месте обнаружены следы, которые, исходя из материальной обстановки события, должны были быть оставлены лицом, непосредственно причастным к совершению преступления.

В ходе дальнейшего расследования органам предварительного расследования удалось установить личность лица, которое предположительно могло совершить уголовно-наказуемое деяние. С тем чтобы проверить это предположение, необходимо (в числе прочего) установить, не оставлены ли задержанным следы, которые были обнаружены на месте преступления. С целью проверки подозрения следователь вынес постановление о назначении судебной экспертизы и получил от задержанного образцы для сравнительного исследования. Постановление вместе с исследуемым объектом и образцами представлено эксперту для производства идентификационной судебной экспертизы.

И вот здесь, на этом этапе, в силу целого ряда причин начинает формироваться психологическая установка, которая уменьшает степень объективности эксперта в решении поставленной перед ним задачи. Прежде всего, необходимо отметить влияние факта информирования эксперта о процессуальном статусе лица, отображения которого сравниваются со следами, обнаруженными на месте преступления. Из постановления о назначении экспертизы эксперт узнает, что в качестве образцов для сравнительного исследования ему предоставляются отображения лица, подозреваемого в совершении преступления. Подозреваемым признается лицо, в отношении которого имеются основания предполагать, что оно причастно к совершению преступления. Основания для подозрения позволяют лишь говорить о возможной причастности, но они не дают возможности достоверно утверждать, что именно данное подозреваемое лицо совершило расследуемое преступление.

Подозреваемый – это еще не обвиняемый, и предположение о его причастности не есть утверждение о виновности конкретного лица. Что-либо обоснованно утверждать можно будет только после того как экспертом будет проведено сравнительное исследование представленных объектов, по результатам которого выяснится, оставлены ли следы лицом, подозреваемым в совершении преступления. Положительный идентификационный вывод усилит уверенность в причастности к совершенному преступлению и при условии подтверждения другими фактическими данными может служить одним из оснований привлечения лица в качестве обвиняемого. В то же время отрицательный вывод (след оставлен не проверяемым лицом) может послужить основанием для исключения подозреваемого из круга проворимых лиц; в этом случае он вообще престанет быть участником уголовного судопроизводства или приобретет статус свидетеля по делу.

Между тем, для того чтобы сделать такие выводы, необходимо провести судебную экспертизу. На момент поступления в распоряжение эксперта постановления с образцами вывод о том, оставлены ли следы подозреваемым лицом с точки зрения исследования, проводимого «здесь и теперь» еще не предопределен – что-либо утверждать или отрицать можно будет только после того как эксперт выполнит все процедуры необходимые в данной ситуации в соответствии с утвержденной методикой исследования. Однако проблема предубеждения состоит в том, что, будучи информированным об источнике происхождения образцов, эксперт не может относиться к ним так как образцам, полученным от объекта, не имеющего пусть даже предполагаемой связи с событием совершенного преступления. Образно говоря «в глубине своего сознания» эксперт имеет ввиду что эти следы могли быть оставлены проверяемым лицом и вероятность этого «отлично от нуля» уже хотя бы потому что решение о задержании подозреваемого, получении от него сравнительных образцов и назначении экспертизы принято органом расследования по результатам конкретных поисковых действий, которые не могли носить случайный или произвольный характер. По результатам исследований эксперт может прийти к выводу, что следы оставлены не подозреваемым лицом, но формулируя такой вывод, он все равно не сможет «забыть» и вообще не принимать во внимание, что в отношении данного лица уже существует предположение о причастности к совершенному преступлению. Подчеркнем, данное предположение еще не является утверждением, но уже не может называться ничем не обоснованным высказыванием, хотя бы потому что формулируется компетентным государственным органом. И это предположение официально (что называется, «под роспись») доводится до сведения эксперта в самом начале проводимого исследования. Поэтому такая «предустановочная» информация об источнике происхождения образцов, конечно не может не формировать к ним отношения, отличное от нейтрального, которое вероятно имело бы место в случае, если бы в постановлении не указывалось, от кого конкретно произошли объекты, представляемые для сравнительного исследования. Наличие такого рода отношения к представленным образцам уже само по себе исключает

объективность в сравнении следов с места происшествия с имеющимися образцами.

Впрочем, есть и еще одна причина, которая по сравнению с изложенной выше оказывает гораздо большее влияние на внутреннее убеждение судебного эксперта, порождая у него определенную предвзятость в исследовании объектов судебной экспертизы. О.Я. Баев сформулировал ее следующим образом. «По нашему предположению, - пишет ученый, подобная «неосознанная предвзятость» может усугубляться в ряде случаев ведомственным характером экспертизы, когда и следователь, назначивший экспертизу, и эксперт, ее проводящий, находятся на службе не только в одном правоохранительном органе, но и в одном его территориальном подразделении...» [10; С.5].

Присоединяясь к мнению О.Я. Баева, считаем возможным в качестве одной из предпосылок формирования неосознанного предубеждения судебного эксперта указать организационные факторы, связанные с особенностями построения системы органов, осуществляющих государственную судебно-экспертную деятельность в Российской Федерации.

В настоящее время экспертизы по уголовным делам выполняются в большинстве своем экспертными учреждениями, которые на правах структурных подразделений входят в состав федеральных государственных органов, осуществляющих, наряду с экспертными, так же и другие правоохранительные функции. Ярким примером здесь может служить работа Министерства внутренних дел РФ и его территориальных органов на уровне городов, районов, субъектов Российской Федерации. Органы внутренних дел выполняют основной объем работы по выявлению, раскрытию и расследованию преступлений. Они кроме того, являются так же основным субъектом поддержания общественного порядка и обеспечении общественной безопасности. Решение столь сложных и взаимосвязанных задач потребовало включения в структуру МВД России целого ряда служб: подразделений следствия и дознания, оперативных отделов, экспертно-криминалистических подразделений, служб по охране общественного порядка и др. Иными словами, экспертно-криминалистическая деятельность не является единственной для органов внутренних дел она осуществляется в комплексе с другими видами деятельности без которых полноценная борьба с преступлениями была бы попросту невозможной. Тесное взаимодействие этих и других служб, входящих в систему органов внутренних дел, является предпосылкой быстрого реагирования на все факты совершения правонарушений. Но у этого взаимодействия есть и совершенно неожиданная сторона, которая больше всего оказывает влияние на работу экспертно-криминалистических подразделений. Эксперт органов внутренних дел справедливо ощущает себя частью большой системы, способной эффективно противодействовать преступности. Борьба с преступлениями применительно к судебному эксперту выражается в его деятельности по производству исследований и даче заключения, в котором он отвечает на поставленные вопросы. Разумеется, экспертное исследование должно проводиться всесторонне, полно и объективно. Однако, исследуя

объекты, эксперт не может не осознавать, что вся его работа должна быть направлена на решение главной задачи: выявление и изобличение преступника. От того, насколько исследование, проведенное сведущими лицом, смогло содействовать решению этой задачи, по большому счету определяется результативность всей деятельности судебного эксперта. Причем оценка той или иной степени успешности, связанной с производством экспертизы дается не только внешними по отношению к эксперту структурами (непосредственными руководителями, вышестоящими начальниками) но и им самим как профессионалом, убежденным в важности и полезности своей работы.

Вернемся вновь к ситуации проведения идентификационного исследования. Отождествляя себя со всей правоохранительной системой, эксперт, безусловно, желает, чтобы результаты его работы позволили раскрыть преступление. В рамках проводимой экспертизы помощь в раскрытии будет однозначно ассоциирована с положительным выводом о тождестве искомого и проверяемого объектов, то есть формулировании вывода об оставлении следа проверяемым лицом. Конечно, как уже отмечалось, установление факта тождества доказывает только пространственную связь лица с местом преступления, само по себе оно не говорит о том, что проверяемое лицо участвовало в его совершении. Факт тождества является гносеологической предпосылкой к дальнейшему исследованию вопроса, имел ли проверяемый не только пространственную, но и причинно-следственную связь с местом происшествия и событием преступления. Однако, учитывая специфику процесса познания, осуществляемого в ходе расследования преступления, положительный идентификационный вывод не может не рассматриваться как успех орган предварительного расследования в деле установления настоящего преступника. Успешность действий здесь определяется соображениями того плана, что доказанный факт нахождения на месте происшествия во всяком случае не противоречит версии о совершении преступления проверяемым лицом. Сведения, полученные на основе доказанного факта нахождения подозреваемого на месте преступления, могут быть использованы для установления новых фактов, в том числе подтверждающих участие подозреваемого в совершении преступления.

Желание эксперта раскрыть преступление, объединяющее его в своих намерениях с органом предварительного расследования, конечно не означает, что во всех случаях производства идентификационных исследований сведущее лицо должно действовать «в угоду» инициатору назначения экспертизы и формулировать вывод о тождестве сравниваемых объектов даже в тех случаях, когда для этого нет необходимых оснований. Подобного рода действия можно рассматривать как дачу заведомо ложного заключения, за которое ст. 307 УК установлена уголовная ответственность. В действительности механизм формирования предубеждения и его влияния на ошибку судебного эксперта, значительно сложнее и не очевиднее. Негативная роль ассоциации себя с одной из сторон процесса (в рассматриваемом случае – стороной обвинения) предположительно сказывается на тех исследованиях, в которых совокупность

сравниваемых признаков не позволяет однозначно утверждать, принадлежат ли они разным объектам, либо отобразились в следах одного и того же объекта, оставившего свои следы в разное время и при разных обстоятельствах.

В ходе исследований, пусть и не повсеместно, могут возникать ситуации, в которых групповые и индивидуальные признаки объектов совпадают, но вторая группа признаков не столь существенна, чтобы исходя из имеющейся методики эксперту можно было рекомендовать сделать однозначный вывод о тождестве сравниваемых объектов. При этом возможны два варианта объяснения наблюдаемого результата:

- сравниваемые объекты тождественны, только часть признаков недостаточно полно отобразилась в следах, обнаруженных на месте происшествия;

- объекты различны и их кажущуюся тождественность лишь видимость; наибольшая из возможных степеней связи сравниваемых объектов – групповое тождество.

Гносеологическим препятствием для формулирования вывода о наличии или отсутствии тождества без каких-либо колебаний в этом случае могут стать, например, недостаточное количество индивидуальных признаков, отобразившихся в следах; искажение признаков в процессе следообразования; искажение признаков в ходе последующего изменения объекта и т.п. [см.: 11; С. 37-48].

Наличие определенной предустановки на отнесение проверяемого объекта к кругу искомых, происходящее из его процессуального статуса как подозреваемого по делу, или неосознанного желания «помочь» следствию, сформулировав положительной идентификационный вывод, может в ряде случаев психологически склонить сведущее лицо к объяснению имеющихся различий искажениями процесса следообразования, либо случайными изменениями объекта. В совокупности эти и другие психологические тенденции могут сдвинуть границу разумных сомнения эксперта и связанную с ней область его внутренней уверенности в направлении формулирования вывода о наличии индивидуального тождества, в то время как фактически эксперт будет иметь дело с отображениями двух разных материальных объектов. В этом случае эксперт совершит ошибку, причиной которой станет его внутренняя неосознанная предвзятость как по отношению к объекту исследования, так и полученному результату. В то же время, в другой аналогичной ситуации, тот же самый или другой судебный эксперт, свободный от неосознанных установок и предпочтительных отношений, скорее всего придет к выводу об отсутствии тождества или отнесении сравниваемых объектов к одной и той же классификационной группе при отсутствии индивидуального тождества.

Приведенный выше рассуждения представляются достаточно логичными и в числе прочего опираются на опыт практической работы одного из авторов настоящей статьи в области непосредственного производства судебных экспертиз. В то же время следует отметить, что в основе своей они носят пусть и правдоподобный, но все-таки предположительный характер, поскольку они

не подкрепляются эмпирическими исследованиями ошибок, которые допускались сведущими лицами в ходе проведения судебных экспертиз по конкретным уголовным делам. Справедливость выводов о существовании фактов предвзятого отношения эксперта к процессу своего исследования подтверждаются только экспериментами, проведенными американскими специалистами на рубеже 70-80 годов XX в. Информация об этих экспериментах так же содержится только в работе О.Я. Баева [10].

Полагаем, что для более точного понимания всей специфики формирования внутреннего убеждения судебного эксперта, и механизма появления в этом убеждении элементов предвзятости, аналогичные исследования имеет смысл провести на материалах отечественной экспертной практики. При этом видится два направления исследования: первое – проведение учебных судебных экспертиз в специально созданных условиях, подобных тем, которые фигурировали в опытах экспертов-криминалистов США. Исследования этой группы могут быть направлены, например, на выявление наличия или отсутствия различий в выводах о тождестве искомого и проверяемого объектов, в ситуациях, когда в отношении проверяемого объекта имеется три разных вида предварительной информации (нейтральная; происхождение от неназванного подозреваемого; происхождение от лица, задержанного на месте преступления).

Второе направление изучения предполагаемого феномена - анализ практики производства повторных судебных экспертиз, выявление ошибок, допускавшихся экспертами при производстве первичных исследований. Здесь необходимо будет выявлять причину допущенной экспертом ошибки, отметить факты, когда неправильный вывод был сделан в том числе и по причине неосознанного предвзятого отношения эксперта к ситуации и материалам проводимого исследования.

Выполненная таким образом научная работа, по нашему мнению, покажет, что проблема неосознанной предвзятости в экспертной деятельности действительно существует. Однако кроме факта существования проблемы, необходимо выявить ее масштаб, понять, насколько значительно неосознанное предубеждение влияет на соблюдение принципа объективности экспертного исследования. Если такое влияние окажется существенным, то, с учетом механизма формирования предубеждения, выявленного по результатам наблюдения и эксперимента, можно будет сформулировать конкретные предложения по нейтрализации неосознанной предвзятости в психологической структуре личности судебного эксперта. Некоторые из этих предложений, реализация которых уже сейчас могла бы способствовать ограждению эксперта от влияния на него предварительно сообщаемой информации, будут сформулированы нами в тексте наших следующих научных статей.

Список литературы

1. Сорокотягин, И.Н. Судебная экспертиза: учебник и практикум для вузов / И. Н. Сорокотягин, Д. А. Сорокотягина. - Москва: Издательство Юрайт, 2023. - 288 с.

2. Корнев, Г.П. Иденормативная концепция истины. Философия и правоприменение: Монография / Г.П. Корнев. - М.: Академический проспект, 2006. - 352с.

3. Курс криминалистики. Особенная часть. Т 1. Методики расследования насильственных и корыстно-насильственных преступлений / Отв. ред. В.Е. Корноухов. – М.: Юристъ, 2001. - 634с.

4. Уголовный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон № 63-ФЗ: [принят Государственной Думой 24 мая 1996 года: одобрен Советом Федерации 5 июня 1996 года] // СПС «КонсультантПлюс»[Электронный ресурс]. – URL:http://https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/(дата обращения: 11.11.2023).

5. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон № 174-ФЗ: [принят Государственной Думой 22 ноября 2001 года: одобрен Советом Федерации 5 декабря 2001 года] // СПС «КонсультантПлюс»[Электронный ресурс]. – URL:http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/ (дата обращения 15.10.2023).

6. Колдин, В.Я. Судебная идентификация / В.Я. Колдин. – М.: ЛексЭкст, 2002. – 528с.

7. Курс криминалистики. Спецкурс «Судебная экспертиза»: Учебно-методический комплекс. Ч.1 / Под ред. В.Е. Корноухова. - Красноярск, 1998. – 332с.

8. Ивашков, В.А. Особенности составления заключения эксперта при выполнении дактилоскопических экспертиз: Учебное пособие / В.А. Ивашков. – М.: ЭКЦ МВД России, 1999.

9. О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации: Федеральный закон № 73-ФЗ: [принят Государственной Думой 5 апреля 2001 года: одобрен Советом Федерации 16 мая 2001 года] // СПС «КонсультантПлюс»[Электронный ресурс]. – URL:http://https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_31871/(дата обращения: 11.11.2023).

10. Баев, О.Я. Неосознанная предвзятость судебного эксперта и возможные пути ее нейтрализации (постановка проблемы) / О.Я. Баев // Материалы 3-й Международной научно-практической конференции «Теория и практика судебной экспертизы в современных условиях» (г. Москва, 25-26 января 2011 г.) - Москва: проспект, 2011. – 680с.

11. Судебная экспертиза: типичные ошибки / под ред. Е.Р. Россинской. – Москва: Проспект, 2013. - 544 с.

12. Методические особенности производства дактилоскопической экспертизы, в частности, условия формулирования вывода о наличии или отсутствии тождества лиц, оставивших следы пальцев рук на предметах-носителях, подробно рассмотрены в работе В.А. Ивашкова [8].

К ВОПРОСУ ОБ ОЦЕНКЕ ДОПУСТИМОСТИ ЗАКЛЮЧЕНИЯ ЭКСПЕРТА ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ

Середа Ольга Викторовна

старший преподаватель

Красноярский государственный аграрный университет,

г. Красноярск, Россия

email: o.v.sereda@mail.ru

Аннотация: Автором рассмотрены вопросы допустимости заключения эксперта по уголовным делам. Проведен анализ действующего законодательства по данной проблеме, приведены возможные ошибки при оценке допустимости заключения эксперта и его допуска в уголовное дело. Сформулированы основные требования, предъявляемые к заключению эксперта при использовании его в качестве доказательства по уголовному делу.

Ключевые слова: заключение эксперта, допустимость, доказательство, доказывание, оценка доказательств.

ON THE ISSUE OF ASSESSING THE ADMISSIBILITY OF THE CONCLUSION OF AN EXPERT IN CRIMINAL CASES

Sereda Olga Viktorovna

senior lecturer

Krasnoyarsk state agrarian university,

Krasnoyarsk, Russia

email: o.v.sereda@mail.ru

Abstract: The author considers the issues of the admissibility of the conclusion of an expert in criminal cases. The analysis of the current legislation on this problem is carried out, possible errors are given when assessing the admissibility of an expert's conclusion and his admission to a criminal case. The main requirements for the experts.

conclusion when using it as evidence in a criminal case are formulated.

Keywords: expert opinion, admissibility, evidence, proof, evaluation of evidence.

Заключение эксперта отнесено к одному из видов доказательств, которые могут быть использованы в судопроизводстве по уголовному делу (п.3 ч.2 ст. 74 УПК РФ). Как известно, заключение эксперта, согласно ч.1 ст.80 УПК РФ, это - представленные в письменном виде содержание исследования и выводы по вопросам, поставленным перед экспертом лицом, ведущим производство по уголовному делу или сторонами [1]. Федеральный закон об экспертной деятельности (ст. 9) раскрывает понятие заключения эксперта как письменного

документа, отражающего ход и результаты исследований, проведенных экспертом [2].

Зачастую, являясь одним из доказательств по делу, заключение эксперта играет значительную роль при принятии решения о виновности или невиновности лица. Принимая во внимание положения ст. 17 УПК РФ – Свобода оценки доказательств, где говорится о том, что (ч.2) - никакие доказательства не имеют заранее установленной силы, субъекты доказывания не должны ставить заключение эксперта выше других доказательств. Однако, изучая уголовные дела различных категорий, мы сталкивались с тем, что, при наличии противоречий между показаниями лиц и заключением эксперта, заключение эксперта ставилось выше информации полученной в ходе допроса лиц, неважно какого статуса, потерпевший или свидетель, и тем более подозреваемый или обвиняемый.

Поэтому возникает резонный вопрос к субъектам доказывания о проведении правильной оценки данного вида доказательств, поскольку оно формирует внутренне убеждение относительно обстоятельств уголовного дела не только у самих субъектов доказывания, но и прокурора, судьи, присяжных заседателей.

Например, нашумевшее дело «пьяного мальчика», где, согласно заключению эксперта, кровь мальчика в возрасте шести лет содержала такое количество следов алкоголя (2,7 промилле), что состояние ребенка можно было оценивать как «поверхностная кома». При этом ребенок не мог в принципе стоять на ногах, он должен был быть без сознания, и уж точно не передвигаться по двору [3].

Для исключения подобных ситуаций, считаем, что субъектам доказывания необходимо тщательно подходить к допуску заключения эксперта в уголовное судопроизводство и только наряду с остальными доказательствами, оценивая их в совокупности по критерию достаточности для разрешения дела по существу.

В настоящее время нами не встречалось каких-либо методических указаний по вопросу оценки заключения эксперта в качестве доказательства по уголовному делу. Однако в научной литературе встречаются различные мнения на эту тему.

Е.Р. Россинская и Е.И. Галяшина выделяют следующие стадии оценки заключения эксперта:

1. Проверка соблюдения требований закона при назначении экспертизы.
2. Проверка подлинности и достаточности исследованных вещественных доказательств и образцов.
3. Оценка научной обоснованности экспертной методики и правомерности ее применения в данном конкретном случае.
4. Проверка и оценка полноты и всесторонности заключения.
5. Оценка логической обоснованности хода и результатов экспертного исследования.

6. Проверка относимости результатов экспертного исследования к данному уголовному или гражданскому делу, делу об административном правонарушении.

7. Проверка соответствия выводов эксперта имеющимся по делу доказательствам [4].

Данная позиция авторов нам импонирует, однако считаем, что такой подход необходимо использовать при оценке не только заключения эксперта, но и любого доказательства по уголовному делу.

Ю.С. Кудрявцев предлагает использовать три стадии при оценке заключения эксперта:

1. Оценка заключения эксперта с точки зрения соблюдения процессуального законодательства, ведомственных нормативных актов, регулирующих производство экспертизы в экспертном учреждении.

2. Оценка заключения эксперта с точки зрения объективности, полноты, всесторонности и убедительности.

3. Оценка заключения эксперта с точки зрения оформления, дающего возможность проверить обоснованность и достоверность сделанных выводов на базе общепринятых научных и практических данных [5].

Интересно мнение А.А. Койсина, который предлагает критерии оценки заключения эксперта в следующем виде:

– проверку соблюдения процессуальных требований (не проведена ли экспертиза лицом, подлежащим отводу или не предупрежденным об уголовной

ответственности за отказ от дачи заключения или дачу заведомо ложного заключения; соблюдены ли права участников процесса при проведении экспертизы,

процессуальный порядок получения образцов для сравнительного исследования, процессуальная форма заключения; компетентен ли эксперт в решении поставленных перед ним задач);

– оценку подлинности и достаточности объектов исследования, научной обоснованности примененных экспертных методик, полноты и всесторонности исследования;

– оценку выводов эксперта с точки зрения их ясности, соответствия поставленным вопросам и сопоставимости с другими доказательствами по делу [6].

При этом авторы не указывают, как разрешать вопросы о возникновении сомнений в допустимости заключения эксперта в уголовное дело. Возможно, они предполагают, что такое заключение эксперта подлежит исключению в качестве доказательства по уголовному делу. Считаем, что это возможно не во всех уголовных делах.

Неправильная оценка заключения эксперта может привести к исключению его из общего объема доказательств по делу. Например, согласно Апелляционному постановлению Ярославского областного суда № 22-968/2023 от 17 мая 2023 г., из числа доказательств исключено заключение эксперта по следующей причине:

«Эксперт медицинское обследование потерпевшего провел без его участия, что возможно было бы при отсутствии возможности обследовать лицо, в отношении которого назначена экспертиза, чем нарушены требования п.п.66,67 Приказа Министерства здравоохранения и социального развития РФ от 12 мая 2010 г. № 346н «Об утверждении Порядка организации и производства судебно-медицинских экспертиз в государственных судебно-экспертных учреждениях Российской Федерации»» [7].

Подводя итоги нашего исследования, хочется сделать следующие выводы:

- при оценке допустимости заключения эксперта и определении в нем неточностей, нужно всегда использовать право на устранение неточностей и неясностей путем проведения допроса эксперта (ст. 205 УПК РФ);

- при допросе эксперта необходимо выяснять не только вопросы поставленные эксперту, но и вопросы относительно оборудования, на котором проводилась экспертиза, могла ли его работа и шкала его измерений повлиять на неточность в исследовании, на искажение результатов;

- в случае, если заключение эксперта не прошло проверку на допустимость, необходимо назначать повторную экспертизу.

Список литературы

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 02.11.2023) // СПС «КонсультантПлюс».

2. Федеральный закон от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» (с изменениями и дополнениями) // СПС «КонсультантПлюс».

3. Дело «пьяного» мальчика: показания адвоката женщины, которая сбила ребенка // Комсомольская правда. 17.06.2017 [Электронный ресурс]. – URL:<https://www.kp.ru/daily/26693.5/3716979/> (дата обращения: 01.10.2023).

4. Россинская, Е.Р. Настольная книга судьи: судебная экспертиза / Е.Р.Россинская, Е.И. Галяшина. - Москва. 2010. - С. 141-150.

5. Кудрявцев, Ю.С. Об оценке экспертного заключения / Ю.С. Кудрявцев // Судебная власть и уголовный процесс. - 2018. - № 3. - С. 102-106.

6. Койсин, А.А. Оценка заключения эксперта: криминалистические и уголовно-процессуальные аспекты / А.А. Койсин // Сибирский юридический вестник. - 2022. - № 4(99). - С. 98-106.

7. Апелляционное постановление Ярославского областного суда Ярославской области № 22-968/2023 от 17 мая 2023 г. по делу № 22-968/2023 [Электронный ресурс]. – URL:<https://sudact.ru/> (дата обращения: 01.10.2023).

УДК 343

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ТРАСОЛОГИЧЕСКИХ ЭКСПЕРТИЗ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ О НЕЗАКОННОЙ РУБКЕ ЛЕСНЫХ НАСАЖДЕНИЙ

Серeda Ольга Викторовна

старший преподаватель

Красноярский государственный аграрный университет, г. Красноярск, Россия

email: o.v.sereda@mail.ru

Аннотация: В статье рассмотрены некоторые проблемы использования результатов трасологических экспертиз по делам о незаконной рубке лесных насаждений. Отмечается важность проведения такого рода экспертиз по указанной категории дел. Особое внимание уделено экспертизе следов орудий преступлений, для их идентификации и дальнейшего изъятия у виновных лиц.

Ключевые слова: преступления в сфере лесопромышленного комплекса, незаконная рубка лесных насаждений, трасологическая экспертиза, слеодообразование, проблема применения результатов экспертизы в доказывании.

SOME ASPECTS OF THE USE OF TRACOLOGICAL EXAMINATIONS IN THE INVESTIGATION OF CRIMINAL CASES OF ILLEGAL LOGGING OF FOREST PLANTATIONS

Sereda Olga Viktorovna

senior lecturer

Krasnoyarsk state agrarian university,

Krasnoyarsk, Russia

email: o.v.sereda@mail.ru

Abstract: The article discusses some problems of using the results of tracological examinations in cases of illegal logging of forest plantations. The importance of conducting such examinations in this category of cases is noted. Special attention is paid to the examination of traces of the instruments of crimes, for their identification and further seizure from the perpetrators.

Keywords: crimes in the sphere of the timber industry, illegal logging of forest plantations, tracological examination, trace formation, the problem of applying the results of the examination in proving.

Незаконная рубка лесных насаждений (ст. 260 УК РФ) [1], достаточно трудное в расследовании преступление, в ситуации, если лицо или лица, его совершившие, не были застигнуты на месте непосредственного совершения данного преступления, либо же не далеко от этого места. И, как правило, при производстве предварительно расследования такого рода преступлений, дело не обходится без различного рода экспертиз, чаще трасологических.

Как известно, трасологическая экспертиза – это исследование, в рамках которого исследуются различные следы, следовоспринимающие и следообразующие объекты для установления механизма следообразования, идентификации объектов, оставивших следы. На сегодняшний момент существует масса видов трасологических экспертиз, которые можно классифицировать в зависимости от объектов, представляемых на данный вид экспертизы. В целях расследования уголовных дел по незаконной рубке лесных насаждений, следователь, как правило, назначает следующие виды:

- 1) Экспертиза следов человека.
- 2) Экспертиза орудий, инструментов и механизмов.
- 3) Транспортно-трасологическая экспертиза.

В рамках исследования следов человека проводятся следующие экспертизы:

- экспертиза следов рук (дактилоскопическая экспертиза);
- экспертиза следов обуви.

В рамках исследования орудий, инструментов и механизмов проводятся следующие экспертизы:

- экспертиза следов орудий и механизмов;
- экспертиза установления целого по частям.

В рамках транспортно-трасологических исследований проводятся следующие экспертизы:

- экспертиза следов ходовой части транспортных средств.

При этом, использование трасологической экспертизы помогает следователю решить различные идентификационные и диагностические задачи. Например, установление места производства рубки по следам на изъятой древесине, или идентификация орудий преступления по следам.

При этом не стоит забывать и о том, что диагностические задачи преимущественно направлены на решение вопросов обнаружения и фиксации следов, определения их пригодности для идентификации, установления механизма следообразования, направлены на обнаружение и фиксацию следов; определение их пригодности для идентификации [2].

Назначение конкретного вида трасологической экспертизы по делам о незаконной рубке лесных насаждений зависит, прежде всего, от исходной следственной ситуации, в которой находится следователь.

В большинстве случаев преступление обнаруживает себя местом производства незаконной рубки, где есть множество пней со следами от орудий пиления древесины, следы валочной и трелевочной техники, следы установления жилых «балков», следы обуви лиц, непосредственно там находящихся до, во время и после незаконной рубки.

Не редки ситуации с выявлением непосредственно древесины или пиломатериалов, на которые нет необходимых оформленных документов, что может говорить о незаконном характере их происхождения. В таком случае следователем могут быть использованы следы орудий пиления на древесине (пиломатериалов) для установления идентификационных признаков орудия преступления.

Отличный пример использования в расследовании результатов трасологической экспертизы показывает Приговор Клетнянского районного суда Брянской области № 1-2/2020 от 6 февраля 2020 г., где заключение эксперта указывает, что пеньковые спилы в количестве 5 шт., изъятые в ходе дополнительного осмотра, по факту незаконной рубки древесины и 5 шт. комлевых спилов, представленных на экспертизу, ранее составляли единое целое. Что позволило сделать однозначный вывод о месте произведенной рубки виновным лицом [3].

Однако стоит признать, что заключение эксперта по трасологической экспертизе не всегда может дать нам прямое доказательство в отношении изъятых орудий пиления, нет тут такой точности и наличия достаточного количества идентификационных признаков, как в случае с баллистической экспертизой.

Так, например, в Приговоре № 1-373/2019 от 19 июня 2019 г., вынесенном Октябрьским районным судом г. Томска, сказано: «Заключением судебно-трасологической экспертизы № 1000 от 21 июля 2018 года подтверждено, что динамические следы распила на изъятых с места происшествия фрагментах древесины образованы в результате отделения от основной части путем распила режущей кромкой зубьев цепи механической пилы с «Г» - образным режущим зубом, могли быть оставлены как одной из цепей бензопил «Stihl» представленных на исследование, так и любой другой цепью, имеющей аналогичные размерные и конструктивные характеристики» [4]. Данное заключение эксперта не дает нам однозначного ответа, и такое доказательство не всегда может стать полезным в процессе доказывания.

Возможны ситуации, когда представленные части дерева не пригодны для определения следов орудия пиления и дальнейшего его идентифицирования. Например, в приговоре Ленинского районного суда г. Нижнего Тагила № 1-77/2020 от 22 июля 2020 г., говорится, что «Согласно заключению судебной трасологической экспертизы, на двух фрагментах древесины (спилах), обнаруженных и изъятых при осмотре места происшествия ..., имеются следы полного распила. Данные следы не пригодны для идентификации орудия (инструмента), их оставившего. Данные следы могли быть образованы звеньями пильной цепи при ее вращательно-поступательном движении на достаточно большой скорости. Такая цепь могла быть установлена на шину механизированного инструмента (бензопила, электропила и др.)» [5].

Учитывая указанные ситуации применения результатов трасологических экспертиз в расследовании уголовных дел по незаконной рубке лесных насаждений, мы приходим к выводу о том, что данный вид экспертного исследования еще далек от того состояния, чтобы его можно было использовать в качестве прямого доказательства виновности установленных лиц. Пока точность такого исследования в большей степени дает нам вероятностное понимание обстоятельств преступления и направления в расследовании.

Список литературы

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 04.08.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 12.10.2023) // СПС «КонсультантПлюс».
2. Егоров, Н. Н. Криминалистика: учебник и практикум для вузов / Н. Н. Егоров, Е. П. Ищенко. 4-е изд., перераб. и доп. Москва: Издательство Юрайт, 2023. - 617 с. // Образовательная платформа Юрайт[Электронный ресурс]. – URL:<https://urait.ru/bcode/530577> (дата обращения: 01.10.2023).
3. Приговор Клетнянского районного суда Брянской области № 1-2/2020 от 6 февраля 2020 г. по делу 1-2/2020 в отношении Гришина А.Н. и Глазовского П.А. [Электронный ресурс]. – URL:<https://sudact.ru/> (дата обращения: 01.10.2023).
4. Приговор Октябрьского районного суда г.Томска № 1-373/2019 от 19 июня 2019 г. по делу № 1-373/2019 в отношении Качарян Г.А. [Электронный ресурс]. – URL:<https://sudact.ru/> (дата обращения: 01.10.2023).
5. Приговор Ленинского районного суда г. Нижнего Тагила Свердловской области № 1-77/2020 от 22 июля 2020 г. по делу № 1-77/2020 в отношении группы лиц [Электронный ресурс]. – URL:<https://sudact.ru/> (дата обращения: 01.10.2023).

УДК 343

К ВОПРОСУ ОБ ОЦЕНКЕ ДОПУСТИМОСТИ ЗАКЛЮЧЕНИЯ ЭКСПЕРТА ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ

Середа Ольга Викторовна

старший преподаватель

Красноярский государственный аграрный университет, г. Красноярск, Россия

email: o.v.sereda@mail.ru

Аннотация: Автором рассмотрены вопросы допустимости заключения эксперта по уголовным делам. Проведен анализ действующего законодательства по данной проблеме, приведены возможные ошибки при оценке допустимости заключения эксперта и его допуска в уголовное дело. Сформулированы основные требования, предъявляемые к заключению эксперта при использовании его в качестве доказательства по уголовному делу.

Ключевые слова: заключение эксперта, допустимость, доказательство, доказывание, оценка доказательств.

ON THE ISSUE OF ASSESSING THE ADMISSIBILITY OF THE CONCLUSION OF AN EXPERT IN CRIMINAL CASES

Sereda Olga Viktorovna, senior lecturer

Krasnoyarsk state agrarian university,

Krasnoyarsk, Russia

email: o.v.sereda@mail.ru

Abstract: The author considers the issues of the admissibility of the conclusion of an expert in criminal cases. The analysis of the current legislation on this problem is carried out, possible errors are given when assessing the admissibility of an expert's conclusion and his admission to a criminal case. The main requirements for the expert's conclusion when using it as evidence in a criminal case are formulated.

Keywords: expert opinion, admissibility, evidence, proof, evaluation of evidence.

Заключение эксперта отнесено к одному из видов доказательств, которые могут быть использованы в судопроизводстве по уголовному делу (п.3 ч.2 ст. 74 УПК РФ). Как известно, заключение эксперта, согласно ч.1 ст.80 УПК РФ, это - представленное в письменном виде содержание исследования и выводы по вопросам, поставленным перед экспертом лицом, ведущим производство по уголовному делу или сторонами [1]. Федеральный закон об экспертной деятельности (ст. 9) раскрывает понятие заключения эксперта как письменного документа, отражающего ход и результаты исследований, проведенных экспертом [2].

Зачастую, являясь одним из доказательств по делу, заключение эксперта играет значительную роль при принятии решения о виновности или невиновности лица. Принимая во внимание положения ст. 17 УПК РФ – Свобода оценки доказательств, где говорится о том, что (ч.2) - никакие доказательства не имеют заранее установленной силы, субъекты доказывания не должны ставить заключение эксперта выше других доказательств. Однако, изучая уголовные дела различных категорий, мы сталкивались с тем, что, при наличии противоречий между показаниями лиц и заключением эксперта, заключение эксперта ставилось выше информации полученной в ходе допроса лиц, неважно какого статуса, потерпевший или свидетель, и тем более подозреваемый или обвиняемый.

Поэтому возникает резонный вопрос к субъектам доказывания о проведении правильной оценки данного вида доказательств, поскольку оно формирует внутренне убеждение относительно обстоятельств уголовного дела не только у самих субъектов доказывания, но и прокурора, судьи, присяжных заседателей.

Например, нашумевшее дело «пьяного мальчика», где, согласно заключению эксперта, кровь мальчика в возрасте шести лет содержала такое количество следов алкоголя (2,7 промилле), что состояние ребенка можно было оценивать как «поверхностная кома». При этом ребенок не мог в принципе стоять на ногах, он должен был быть без сознания, и уж точно не передвигаться по двору [3].

Для исключения подобных ситуаций, считаем, что субъектам доказывания необходимо тщательно подходить к допуску заключения эксперта в уголовное судопроизводство и только наряду с остальными доказательствами, оценивая их в совокупности по критерию достаточности для разрешения дела по существу.

В настоящее время нами не встречалось каких-либо методических указаний по вопросу оценки заключения эксперта в качестве доказательства по уголовному делу. Однако в научной литературе встречаются различные мнения на эту тему.

Е.Р. Россинская и Е.И. Галяшина выделяют следующие стадии оценки заключения эксперта:

1. Проверка соблюдения требований закона при назначении экспертизы.
2. Проверка подлинности и достаточности исследованных вещественных доказательств и образцов.
3. Оценка научной обоснованности экспертной методики и правомерности ее применения в данном конкретном случае.
4. Проверка и оценка полноты и всесторонности заключения.
5. Оценка логической обоснованности хода и результатов экспертного исследования.
6. Проверка относимости результатов экспертного исследования к данному уголовному или гражданскому делу, делу об административном правонарушении.
7. Проверка соответствия выводов эксперта имеющимся по делу доказательствам [4].

Данная позиция авторов нам импонирует, однако считаем, что такой подход необходимо использовать при оценке не только заключения эксперта, но и любого доказательства по уголовному делу.

Ю.С. Кудрявцев предлагает использовать три стадии при оценке заключения эксперта:

1. Оценка заключения эксперта с точки зрения соблюдения процессуального законодательства, ведомственных нормативных актов, регулирующих производство экспертизы в экспертном учреждении.
2. Оценка заключения эксперта с точки зрения объективности, полноты, всесторонности и убедительности.
3. Оценка заключения эксперта с точки зрения оформления, дающего возможность проверить обоснованность и достоверность сделанных выводов на базе общепринятых научных и практических данных [5].

Интересно мнение А.А. Койсина, который предлагает критерии оценки заключения эксперта в следующем виде:

– проверку соблюдения процессуальных требований (не проведена ли экспертиза лицом, подлежащим отводу или не предупрежденным об уголовной ответственности за отказ от дачи заключения или дачу заведомо ложного заключения; соблюдены ли права участников процесса при проведении экспертизы, процессуальный порядок получения образцов для сравнительного исследования, процессуальная форма заключения; компетентен ли эксперт в решении поставленных перед ним задач);

– оценку подлинности и достаточности объектов исследования, научной обоснованности примененных экспертных методик, полноты и всесторонности исследования;

– оценку выводов эксперта с точки зрения их ясности, соответствия поставленным вопросам и сопоставимости с другими доказательствами по делу [6].

При этом авторы не указывают, как разрешать вопросы о возникновении сомнений в допустимости заключения эксперта в уголовное дело. Возможно, они предполагают, что такое заключение эксперта подлежит исключению в качестве доказательства по уголовному делу. Считаем, что это возможно не во всех уголовных делах.

Неправильная оценка заключения эксперта может привести к исключению его из общего объема доказательств по делу. Например, согласно Апелляционному постановлению Ярославского областного суда № 22-968/2023 от 17 мая 2023 г., из числа доказательств исключено заключение эксперта по следующей причине: «Эксперт медицинское обследование потерпевшего провел без его участия, что возможно было бы при отсутствии возможности обследовать лицо, в отношении которого назначена экспертиза, чем нарушены требования п.п.66,67 Приказа Министерства здравоохранения и социального развития РФ от 12 мая 2010 г. № 346н «Об утверждении Порядка организации и производства судебно-медицинских экспертиз в государственных судебно-экспертных учреждениях Российской Федерации»» [7].

Подводя итоги нашего исследования, хочется сделать следующие выводы:

- при оценке допустимости заключения эксперта и определении в нем неточностей, нужно всегда использовать право на устранение неточностей и неясностей путем проведения допроса эксперта (ст. 205 УПК РФ);

- при допросе эксперта необходимо выяснять не только вопросы поставленные эксперту, но и вопросы относительно оборудования, на котором проводилась экспертиза, могла ли его работа и шкала его измерений повлиять на неточность в исследовании, на искажение результатов;

- в случае, если заключение эксперта не прошло проверку на допустимость, необходимо назначать повторную экспертизу.

Список литературы

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 02.11.2023) // СПС «КонсультантПлюс».

2. Федеральный закон от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» (с изменениями и дополнениями) // СПС «КонсультантПлюс».

3. Дело «пьяного» мальчика: показания адвоката женщины, которая сбила ребенка // Комсомольская правда. 17.06.2017[Электронный ресурс]. – URL:<https://www.kp.ru/daily/26693.5/3716979/> (дата обращения: 01.10.2023).

4. Россинская, Е.Р Настольная книга судьи: судебная экспертиза / Е.Р. Россинская, Е.И. Галяшина. – Москва, 2010. – С. 141-150.

5. Кудрявцев, Ю.С. Об оценке экспертного заключения / Ю.С. Кудрявцев // Судебная власть и уголовный процесс. – 2018. – № 3. – С. 102-106.

6. Койсин, А.А. Оценка заключения эксперта: криминалистические и уголовно-процессуальные аспекты / А.А. Койсин // Сибирский юридический вестник. – 2022. – № 4(99). – С. 98-106.

7. Апелляционное постановление Ярославского областного суда Ярославской области № 22-968/2023 от 17 мая 2023 г. по делу № 22-968/2023 [Электронный ресурс]. – URL:<https://sudact.ru/> (дата обращения: 01.10.2023).

УДК 347

К ВОПРОСУ О ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ УРОВНЯ ПОДГОТОВКИ СУДЕБНОГО ЭКСПЕРТА

Сторожева Анна Николаевна

кандидат юридических наук, доцент

Красноярский государственный аграрный университет, г. Красноярск, Россия
email: storanya@yandex.ru

Дадаян Елена Владимировна

кандидат юридических наук, доцент

Красноярский государственный аграрный университет, г. Красноярск, Россия
email: dadaelena@yandex.ru

Аннотация: В статье поднимаются аспекты профессиональной подготовки обучающегося по специальности 40.03.05 «Судебная экспертиза». Авторы делают вывод, что абитуриент, который будет иметь намерение поступить на специальность 40.03.05 «Судебная экспертиза» должен понимать на какую специализацию он поступит, и соответственно, какими профессиональными компетенциями он будет обладать после окончания обучения.

Ключевые слова: абитуриент, эксперт, судебная экспертиза, профессиональная подготовка, заключение, направление, специализация, опыт.

ON THE QUESTION OF PROFESSIONAL COMPETENCE OF THE LEVEL OF TRAINING OF A FORENSIC EXPERT

Storozheva Anna Nikolaevna

candidate of legal sciences, associated professor

Krasnoyarsk State Agrarian University,

Krasnoyarsk, Russia

email: storanya@yandex.ru

Dadayan Elena Vladimirovna

candidate of legal sciences, associated professor

Krasnoyarsk State Agrarian University,

Krasnoyarsk, Russia

email: dadaelena@yandex.ru

Abstract:the article raises aspects of the professional training of a student in the specialty 40.03.05 «Forensic examination». The authors conclude that an applicant who intends to enter the specialty 40.03.05 "Forensic examination" must understand what specialization he will enter, and, accordingly, what professional competencies he will have after graduation.

Keywords: applicant, expert, forensic examination, professional training, conclusion, direction, specialization, experience.

Судебный эксперт это специалист в отдельных направлениях, специализация. Так, государственным судебным экспертом является аттестованный работник государственного судебно-экспертного учреждения, производящий судебную экспертизу в порядке исполнения своих должностных обязанностей[1].

Сегодня специальность подготовки 40.03.05 «Судебная экспертиза» является очень востребованным.

К примеру, ФГОС предусматривает, что эксперт может быть подготовлен по определенным специализациям, таким как:

- «Криминалистические экспертизы»;
- «Инженерно-технические экспертизы»;
- «Экспертизы веществ, материалов и изделий»;
- «Экономические экспертизы»;
- «Речеведческие экспертизы»[2].

Область профессиональной деятельности выпускников, освоивших программу специалитета, включаетсудебно-экспертную деятельность по обеспечению судопроизводства, предупреждения, раскрытия и расследования правонарушений путем использования специальных знаний для обнаружения, фиксации, изъятия и исследования материальных носителей информации, необходимой для установления фактических данных.

Однако автор А.И. Усов видит в этом серьезную проблему, а именно «имеются негативные последствия прежде всего при повышении объективности использования специальных знаний во всех видах судопроизводства» [3].

Авторы также отмечают, что «к примеру, чтобы выполнять экспертизу в сфере закупок для государственных, муниципальных и корпоративных нужд (экспертиза закупочной деятельности и экспертиза исполнения и результатов исполнения контрактов) для эксперта предусмотрены требования не только к образованию, но и обучению, это высшее образование - специалитет, магистратура, и дополнительное профессиональное образование - программы повышения квалификации /или программы профессиональной переподготовки в сфере закупок» [4].

Кроме того, «согласно ст. 195.1 ТК РФ квалификация работника - уровень знаний, умений, профессиональных навыков и опыта работы работника. Поэтому авторы утверждают, что требование к образованию и опыту работы работника это есть квалификационные характеристики. Квалификационные

характеристики предусмотрены для каждой обобщенной трудовой функции. Уровни квалификации определяют требования к умениям, знаниям, в зависимости от полномочий и ответственности работника, а также указывают, как и какими путями можно достичь того или уровня квалификации [5].

Как отмечает В.И. Шаров «судебным экспертом должно быть лицо, в совершенстве ориентирующееся в области знаний или деятельности, по которым он привлекается судом для дачи заключения по специальным вопросам» [6].

Так, необходимо отметить, что абитуриент, который будет иметь намерение поступить на специальность 40.03.05 «Судебная экспертиза» должен понимать на какую специализацию он поступит, и соответственно какими профессиональными компетенциями он будет обладать после окончания ее. Ведь от направления (специализации) эксперта будет, зависит его профессионализм и дача заключений по специальным вопросам.

И в заключении, авторы хотели бы обратить внимание, что у абитуриентов есть отличная возможность поступить на кафедру Судебных экспертиз в Юридический институт Красноярского государственного аграрного университета, если захотят быть специалистами с высшим образованием, владеющими методиками производства судебно-экономических и инженерно-технических экспертиз.

Список литературы

1. Федеральный закон от 31.05.2001 № 73-ФЗ (ред. от 01.07.2021) «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 20.02.2023).
2. Приказ Министерства образования и науки РФ от 28 октября 2016 г. № 1342 «Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта высшего образования по специальности 40.05.03 Судебная экспертиза (уровень специалиста)» [Электронный ресурс]. – URL: <https://fgosvo.ru/news/view/> (дата обращения: 20.02.2023).
3. Усов, А.И. Современные модели обучения судебных экспертов как основа кадрового обеспечения судебно-экспертной деятельности в евразийском экономическом союзе / А.И. Усов // Теория и практика судебной экспертизы №4 (40) 2015 С. 21 [Электронный ресурс]. – URL: <https://core.ac.uk/download/pdf/235675412.pdf> (дата обращения: 20.02.2023).
4. Дадаян, Е.В. К вопросу о квалификационных характеристиках эксперта в сфере закупок / Е.В. Дадаян, А.Н. Сторожева // Актуальные вопросы производства криминалистических экспертиз и оценки результатов судебно-экспертной деятельности: Материалы Всероссийской (национальной) научно-практической конференции, Красноярск, 01 апреля 2021 года. – Красноярск: Красноярский государственный аграрный университет, 2021. – С. 34-36.
5. Дадаян, Е.В., Сторожева, А.Н. Квалификационные характеристики работников в профессиональных стандартах / Е.В. Дадаян, А.Н. Сторожева // Сборник материалов II Всероссийской (национальной) научно-практической конференции с международным участием. – Новосибирск, 2019. – С. 446-449.

6. Шаров, В.И. Компетентность судебного эксперта/В.И. Шаров// Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2017. – № 3. – С. 184–190.

УДК 347

К ВОПРОСУ О ПРОВЕДЕНИИ ЭКСПЕРТИЗЫ ДВИЖИМОГО ИМУЩЕСТВА

Сторожева Анна Николаевна

кандидат юридических наук, доцент

Красноярский государственный аграрный университет, г. Красноярск, Россия
email: storanya@yandex.ru

Дадаян Елена Владимировна

кандидат юридических наук, доцент

Красноярский государственный аграрный университет, г. Красноярск, Россия
email: dadaelena@yandex.ru

Аннотация: В статье поднимаются практические аспекты проведения экспертизы по оценке рыночной стоимости движимого имущества в рамках дела о привлечении к субсидиарной ответственности бывшего руководителя юридического лица (контролирующего должника лицом). Делаются выводы о том, что для оценки конкурсный управляющий привлекает экспертов по своему усмотрению, а не по решению собрания кредиторов. По итогам авторы формулируют свои предложения по порядку проведения экспертизы по оценке движимого имущества.

Ключевые слова: эксперт, оценка, движимое имущество, отчет, экспертиза, банкротство, юридическое лицо.

ON THE QUESTION OF EXAMINATION OF MOVABLE PROPERTY

Storozheva Anna Nikolaevna

candidate of legal sciences, associated professor

Krasnoyarsk State Agrarian University,

Krasnoyarsk, Russia

email: storanya@yandex.ru

Dadayan Elena Vladimirovna

candidate of legal sciences, associated professor

Krasnoyarsk State Agrarian University,

Krasnoyarsk, Russia

email: dadaelena@yandex.ru

Abstract: The article raises the practical aspects of conducting an examination to assess the market value of movable property, in the framework of the case on bringing to subsidiary liability, the former head of a legal entity (the person controlling the debtor). Conclusions are drawn that for evaluation the bankruptcy

trustee attracts experts at his own discretion, and not by decision of the meeting of creditors. Based on the results, the authors formulate their proposals on the procedure for conducting an examination to assess movable property.

Keywords: expert, appraisal, movable property, report, expertise, bankruptcy, legal entity.

В данной статье речь пойдет о проведении экспертизы движимого имущества, а именно об оценке рыночной стоимости движимого имущества на примере экскаватора ВОВСАТ 328***EG, 2008 г.в., заводской номер А9К111023, (снят с регистрационного учета) и самоходной буровой установки DITCH WITCH JT 8020 MACH1, 2007 г.в., заводской номер CMWJ80TE70000020, (снят с регистрационного учета).

Данная оценка производилась самостоятельно конкурсным управляющим, для того, чтобы определить рыночную стоимость двух единиц техники. Кроме того, оценка была проведена в рамках банкротного дела обособленного спора о привлечении к субсидиарной ответственности, бывшего руководителя юридического лица по ст. 61.11 ФЗ № 127. [1] Так, конкурсный управляющий в своих требованиях о привлечении к ответственности ссылается на две единицы техники, которые были в процессе жизнедеятельности общества с ограниченной ответственностью списаны с баланса, как техника, вышедшая из строя, не подлежащая ремонту.

Анализируя сам отчет, авторы приходят к выводу, что итоговая величина рыночной стоимости объектов оценки по состоянию на 25 ноября 2019 г., составляет (без НДС) 2 497 680 рублей.

Наглядно в отчете оценщика это выглядит как на скриншоте:

Наименование объекта	Рыночная стоимость, руб.
Экскаватор ВОВСАТ 328***EG, 2008 г.в., заводской номер А9К111023, цвет: многоцветный, регистрационный номер (снят с регистрационного учета)	1 101 938
Самоходная буровая установка DITCH WITCH JT 8020 MACH1, 2007 г.в., заводской номер CMWJ80TE70000020, цвет: многоцветный, регистрационный номер (снят с регистрационного учета)	1 395 742

Следовательно, авторы статьи, не могут согласиться с подобной оценкой стоимости движимого имущества. Так, в отчете указано, что при проведении оценки предполагалось отсутствие каких-либо скрытых факторов, влияющих на стоимость оцениваемого имущества.

Считаем, что эксперт дал оценку не имея полной информации о том, что данные объекты движимого имущества имели недостатки, а именно, то, что экскаватор ВОВСАТ 328***EG физически изношен, не исправлен двигатель, гидросистема, электрооборудование, разукomплектован, ремонту не подлежит и дальнейшая эксплуатация невозможна; самоходная установка DITCHWITCHJT 8020 MACH1 – физически изношена, не исправлен двигатель, гидрораспределительная система, вертлюг шпинделя, редуктор и опорная шестерня крановой установки, правая тележка вместе с бортовой, система электрооборудования, дальнейшая эксплуатация техники невозможна, это подтверждается, актами о списании групп объектов основных средств № 1 и № 17 общества с ограниченной ответственностью.

Почему конкурсный управляющий не предоставил полную информацию об объектах оценки двух единиц техники эксперту – оценщику не совсем понятно, так как конкурсный управляющий обладал полной информацией и должен был предоставить полную информацию о недостатках техники.

Таким образом, итоговая величина рыночной стоимости объектов оценки по состоянию на 25 ноября 2019 г. была завышена и оценщиком не учтено реальное состояние объектов.

Кроме того, в отчете еще допущены ошибки, к примеру, в «задании на оценку» указано, что цели оценки, вид стоимости - это определение рыночной стоимости объекта оценки для реализации имущества гражданина в процедуре банкротства. Однако авторы полагают, что эксперт неверно указал цель оценки, так как общество с ограниченной ответственностью находится в конкурсном производстве. И поэтому не понятно, почему оценщик указывает, что оценка производится для реализации имущества гражданина в процедуре банкротства. Кроме того, оцениваемых объектов движимого имущества в наличии нет, они списаны и не могут быть реализованы физически.

В разделе «Количественные и качественные характеристики объекта оценки», указано, что текущее и предполагаемое использование состояние экскаватора на момент передачи определено как удовлетворительное. Оцениваемый объект, находится в продолжительной эксплуатации, может использоваться, но требует текущего ремонта, имеет эксплуатационные дефекты. Самоходная буровая установка - бывшее в эксплуатации оборудование, требующее текущего ремонта. Данный вывод эксперта является преждевременным, так как эксперт самостоятельно не выезжал на осмотр техники и изначально не получил полную информацию об объектах от конкурсного управляющего, так как техника не подлежала ремонту и дальнейшая ее эксплуатация невозможна.

И последнее на что стоит обратить внимание. В разделе 8 оценщик делает вывод об итоговой величине рыночной стоимости объектов оценки.

*Проведенные расчеты и анализ позволяют сделать вывод о том, что **итоговая величина рыночной стоимости объектов оценки по состоянию на 25 ноября 2019 г., округленно составляет (без НДС)***

Наименование объекта	Рыночная стоимость, руб.
Экскаватор ВОВСАТ 328***EG, 2008 г.в., заводской номер А9К111023, цвет: многоцветный, регистрационный номер (снят с регистрационного учета)	1 101 938
Самоходная буровая установка DITCH WITCH JT 8020 MACH1, 2007 г.в., заводской номер CMWJ80TE70000020, цвет: многоцветный,	1 395 742

1.3 Результаты оценки, полученные при применении различных подходов к оценке

Наименование объекта	Рыночная стоимость, руб. (с НДС)		
	затратный подход	сравнительный подход	доходный подход
Экскаватор ВОВСАТ 328***EG, 2008 г.в., заводской номер А9К111023, цвет: многоцветный, регистрационный номер (снят с регистрационного учета)	Не применялся	1 101 938	Не применялся
Самоходная буровая установка DITCH WITCH JT 8020 MACH1, 2007 г.в., заводской номер CMWJ80TE70000020, цвет: многоцветный, регистрационный номер (снят с регистрационного учета)	Не применялся	1 395 742	Не применялся

Активация
Чтобы активир...

Из скриншота отчета, непонятно как определялась итоговая величина рыночной стоимости объектов с НДС или без НДС, так как в разделе 1.3. Отчета указана стоимость объектов с НДС. Как наглядно видно стоимость не меняется, с НДС 2 497 680 рублей и с НДС такая же стоимость.

Таким образом, проведенная оценка не должна лечь в основу дела как доказательство рыночной стоимости движимого имущества, так как оценщик, не имея полную информацию об объектах, не учел это в отчете и указанную рыночную стоимость нельзя учитывать, так как оценка производилась без учета физического износа и фактора, того, что ремонту техника не подлежит, а дальнейшая эксплуатация невозможна.

Бывший руководитель общества с ограниченной ответственностью должен провести за свой счет оценку, с учетом всех перечисленных недостатков в имуществе и предоставить соответствующий отчет на обозрение суда для состязательности в процессе, доказывая, что реально стоимость данных двух единиц техники была завышена.

Подводя итоги, хотелось бы отметить, что конкурсный управляющий не учел определенные обстоятельства, которые могли повлиять на конечный результат оценщика. А также считаем, что необходимо на собрании кредиторов ставить вопрос о проведении оценки имущества, так как это затрагивает имущественные права кредиторов.

Список литературы

1. Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.consultant.ru/document> (дата обращения: 20.02.2023).

УДК 242.7

К ВОПРОСУ ОБ ЭФФЕКТИВНОСТИ ЭКСПЕРТИЗЫ В СИСТЕМЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА

Фастович Галина Геннадьевна

старший преподаватель

Красноярский государственный аграрный университет, г. Красноярск, Россия

email: fastovich-85@mail.ru

Аннотация: В статье исследуются вопросы экспертиз, которые применяются в образовательном пространстве системы высшего образования. Автор предпринимает попытку анализа совершенствования образовательного пространства посредством внедрения информационных продуктов и системы модернизации образовательного поля.

Ключевые слова: экспертиза, образовательное пространство, эффективность, система высшего образования, информационные технологии, информация.

EXPERTISE OF INFORMATION EDUCATIONAL TECHNOLOGIES

Fastovich Galina Gennadievna, senior lecturer

Krasnoyarsk State Agrarian University,

Krasnoyarsk, Russia

email: fastovich-85@mail.ru

Abstract:The article examines the issues of expertise that are used in the educational space of the higher education system. The author makes an attempt to analyze the improvement of the educational space through the introduction of information products and the system of modernization of the educational field.

Key words: expertise, educational space, efficiency, higher education system, information technology, information.

В XXI веке информационные технологии могут стать залогом успешного осуществления в принятии решений и в образовательном пространстве, период пандемии показал положительное функционирование информационных технологий в системе высшего, профессионального и среднего образовательного поля. На наш взгляд, информационные продукты, такие как «Мудл», «электронный журнал учета», дистанционные технологии формируют эффективное взаимодействие между всеми субъектами образовательного процесса. Структурность функционирования информационных технологий – цель для успешного формирования образовательного пространства и доступности образовательной среды. Информационные технологии - процессы, методы поиска, сбора, хранения, обработки, предоставления, распространения информации, которые позволяют качественно изменить подходы в образовательных технологиях.

В настоящее время экспертиза – это исследование, которое проводится компетентным лицом, в целях того, чтобы получить ответы на вопросы, возникающие в правоотношениях между субъектами права, для разрешения споров, требующих определенных специальных познаний. Особую роль институт экспертизы занимает в образовательном пространстве и системы информационных технологий. Экспертиза делится на несколько видов:

- 1) по объему исследований
 - основная экспертиза;
 - дополнительная экспертиза.
- 2) По последовательности проведения
 - Первоначальная экспертиза;
 - Повторная экспертиза.
- 3) По численности и составу экспертов
 - Комиссионная экспертиза;
 - Единоличная экспертиза;
 - Однородная;
 - Комплексная экспертиза.
- 4) По характеру использования специальных знаний
- 5) По правому статусу
 - Судебная экспертиза
 - Внесудебная экспертиза

Информационные технологии, не только в рамках учебного воздействия, но и в других сферах способствуют инновационному прогрессу. Ярким примером является система электронного правительства, предоставление

государственных услуг в рамках принципа «единого окна», открытие личных кабинетов физического и юридического лица в рамках предоставления услуг в налоговой, судебной, управленческой сфере и т.д.

Информационные технологии – это основа для всего процесса действия в той или иной деятельности, без которой невозможно сформулировать основные цели, задачи, проработать план действий, готовить решения, давать оценку их выполнению, а также проанализировать последствия. Они является связующим звеном между объектами и субъектами в области управления, характеризует положение в разных степенях развития, также обеспечивает подготовку, выражающуюся в виде управленческого решения и характеристики результатов. Чем объемнее и четче выявлена информация, тем эффективнее она реализуется.

Фактически во всех образовательных учреждениях существуют персональные компьютеры, используются локальные компьютерные сети. В то же время развитие информатизации в большинстве проходит вне системы [2]. Современные информационные технологии построения информационных систем используется чаще всего только при наличии информационного ресурса.

Для развития современного развития информационного взаимодействия важное место отводится системе Интернет. Именно интернет открыт для широких возможностей и реализации всех проектов, которые стоят перед потребностью образовательного процесса в современной России. Наиболее эффективно его стоит использовать для создания информационных проектов, преобразованных в виде сайта, который будет ориентирован на коммуникативный диалог между современной молодежью и органами государственной власти. Так, сайты образовательных учреждений подразумевается как источник передачи информации, а также как средство общения между субъектами образовательного поля, с помощью проведения различных интерактивов, голосований, анкетирований на основании которых каждый человек имеет право выразить свое мнение и дать соответствующую оценку получаемой образовательной услуги.[3]

В связи с ограничениями, которые были установлены во время пандемии, участники образовательного процесса осуществляли свое взаимодействие посредством проведения различных конференций для того, чтобы задать интересующие вопросы и произвести обмен опытом. Также не стоит забывать о том, что основным источником обеспечения информации является база данных, которая хранит в себе основную информацию о предоставляемых услугах, виде, статусе образовательного учреждения.

Однако эффект наибольшего развития в информационном обеспечении образовательного поля будет виден после создания единой информационной базы в познании пространства России. Оно реализуется через создание и функционирование информационной вертикали "Федерация - субъект РФ - муниципальное образование". В ней базовым элементом являются информационные ресурсы, посвященные образованию в государстве. Создание единой системы информационных ресурсов осуществляется на основе

объемно-ориентированного подхода. Основной объем информации содержится в базовых кадастрах и регистрах и размещается на муниципальном уровне, где в процессе регистрации объектов и субъектов деятельности возникает первичная информация о них [4].

В ходе исследования можно сделать вывод, что в процессе модернизации особое место отводится внедрению и развитию образовательных технологий в образовательное пространство. Информация является важным ресурсом, поскольку она составляет основу для развития сфер общественной жизни. Под системой информационного обеспечения образовательного процесса следует понимать как совокупность организационно – правовых, информационных и программно- технических компонентов, обеспечивающих информационные процессы в системе управления. Информационные технологии, безусловно, необходимы для осуществления качественного донесения информации. К большому сожалению, при огромной значимости роли информации как главного ресурса в обществе, существует множество проблем, которые требуют незамедлительного решения. Например, после получения той или иной информации, ее качество может оказаться низким, поскольку для ее должного применения нужна соответствующая квалификация и подготовка. Также стоит добавить, что для применения информации в ее актуальном формате нужно выбрать основной коммуникационный канал, который должен выполнять всю информацию, сохраняя ее объемность и точность для приема и анализа информации.

Список литературы

1. Трашкова, С.М. Международно-правовое регулирование как гарантия реализации правового статуса несовершеннолетних подозреваемых, обвиняемых в уголовном процессе / С.М. Трашкова // Казанская наука. – 2015. – № 5. – С.125-127.
2. Фастович, Г.Г. К вопросу об эффективности единой системы публичной власти/ Г.Г. Фастович, Т.В. Шитова // Социально-экономический и гуманитарный журнал. – 2020. – № 4 (18). – С. 76-88.
3. Тепляшин, И.В. Участие институтов гражданского общества в реализации государственной политики в Арктической зоне Российской Федерации / И.В. Тепляшин// Проблемы конституционно-правового регулирования статуса арктических территорий Российской Федерации: материалы круглого стола международ. науч.-практ. конф. «Енисейские политико-правовые чтения» (Красноярск, 21-22 сентября 2017 г.) / под ред. А.А. Кондрашева, О.В. Роньжиной, А.Б. Зенкиной; Краснояр. гос. аграр. ун-т. – Красноярск, 2017. – С. 46-48.
4. Fastovich G.G., Kapsargina S.A. Introduction of information technologies in the agricultural sector as one of the criteria for effective state policy in the field of agroindustrial complex of the Russian Federation // IOP Conference Series; Earth and Environmental Science. Krasnoyarsk Science and Technology City Hall. Krasnoyarsk, Russian Federation, 2021. – p. 32089.

УДК 343.9: 347.77

**ПАТЕНТНО-СУДЕБНАЯ ЭКСПЕРТИЗА ОБЪЕКТОВ
ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И ДОСУДЕБНАЯ
ЭКСПЕРТИЗА ТОВАРНЫХ ЗНАКОВ: ОСНОВНЫЕ МОМЕНТЫ**

Харевин Денис Дмитриевич

старший преподаватель

Красноярский государственный аграрный университет, г. Красноярск, Россия

email: expertus.2014@yandex.ru

Аннотация: В статье рассматриваются вопросы использования патентной экспертизы в делах по интеллектуальным спорам касающихся использования товарных знаков, средств индивидуализации и результатов интеллектуальной деятельности (изобретений и полезных моделей).

Ключевые слова: интеллектуальная собственность, патент, патентные права, нормативно-правовое регулирование, нормативно-правовой акт, защита интеллектуальных прав, исключительное право, товарные знаки, изобретения, полезная модель, экспертизы, судебные экспертизы, патентные экспертизы, споры по интеллектуальным правам.

**PATENT-JUDICIAL EXAMINATION OF OBJECTS OF INTELLECTUAL
ACTIVITY AND PRE-JUDICIAL EXAMINATION OF TRADEMARKS: THE
MAIN POINTS**

Kharebin Denis Dmitrievich

senior lecturer

Krasnoyarsk State Agrarian University,

Krasnoyarsk, Russia

email: expertus.2014@yandex.ru

Abstract: The article discusses the use of patent examination in intellectual property disputes concerning the use of trademarks, means of individualization and the results of intellectual activity (inventions and utility models).

Keywords: intellectual property, patent, patent rights, legal regulation, legal act, intellectual property rights protection, exclusive right, trademarks, invention, utility model, expert examinations, forensic examinations, patent examinations, intellectual property disputes.

На сегодняшний день рынок интеллектуальной собственности в нашей стране не сложился окончательно, как например, в западных странах, и зачастую многие авторы результатов интеллектуальной деятельности (далее РИД) находятся в слабо защищённом положении.

Каждый день появляется огромное количество изобретений, и других объектов, подпадающих под понятие интеллектуальной собственности, и все они требуют правовой защиты. И для того, чтобы изобретателям не попасть на

удочку злоумышленников, им необходимо своевременно позаботиться об охране своей интеллектуальной собственности. И здесь на помощь приходит институт патентования, который призван обеспечить должную правовую защиту от посягательств на РИД со стороны третьих лиц или недобросовестной конкуренции, а также регулировать имущественные и личные неимущественные права авторов РИД.

Так, патент выступает инструментом, основная задача которого заключается в удостоверении авторства на изобретение, полезную модель или промышленный образец, и устанавливает режим использования и защиты патентуемого результата интеллектуальной деятельности.

Патентно-судебная экспертиза представляет собой независимое экспертное мнение относительно сходства двух объектов интеллектуальной собственности, по поводу которых возникает спор, касающийся нарушения одним из рассматриваемых объектов интеллектуальных прав другого объекта, права на которые принадлежат второй стороне спора. Патентно-судебная экспертиза выступает одним из главных доказательств в суде по делам о интеллектуальных спорах.

Патентно-судебная экспертиза результатов интеллектуальной деятельности проводится на основании Федерального закона № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» от 31 мая 2001 года, части IV Гражданского кодекса Российской Федерации, а так же Федерального закона № 316-ФЗ «О патентных поверенных» от 30 декабря 2008 года, и представляет собой комплекс мероприятий, направленных на выявление соответствий и несоответствий технического решения (изобретения, полезной модели, промышленного образца) условиям патентоспособности и патентной чистоты [1; 2]. Однако стоит отметить, что объектом патентно-судебной экспертизы являются не только изобретения и полезные модели, но и товарные знаки, промышленные образцы и объекты авторского права. Последние, в свою очередь, не являются объектами патентных прав, хоть и представляют собой результат интеллектуальной деятельности и касательно них чаще всего применяется термин «досудебная» или «судебная» экспертиза.

Заметим, что между патентно-судебной экспертизой и другими судебно-техническими экспертизами есть существенное и принципиальное отличие, которое заключается в объекте исследования. Так, судебно-технические экспертизы имеют дело с материальными объектами (отпечатки пальцев, гильзы, следы обуви, документы и пр.). В свою очередь, объектами патентно-судебных экспертиз выступают объекты патентных прав, которые являются субъектами нематериального права. В случае судебно-технических экспертиз проводится сравнение материального объекта с материальным, а в случае патентно-судебных – материального объекта с нематериальным.

Патентно-судебная экспертиза применяется как судами, по делам о нарушениях интеллектуальных прав, так и Палатой по патентным спорам Федеральной службы по интеллектуальной собственности, патентам и товарным знакам, находящейся в ведении Федерального института

промышленной собственности (ФИПС). На основании ст. 4 Федерального закона № 316-ФЗ «О патентных поверенных», патентно-судебную экспертизу имеют право проводить патентные поверенные, которые так же могут выступать в суде в качестве экспертов [2]. Так же зачастую патентно-судебную экспертизу проводят юристы по интеллектуальным правам. Их основной задачей является ответить на вопрос относительно того, насколько патенты на РИД или товарные знаки похожи и нарушаются ли интеллектуальные права третьих лиц.

Так, патентно-судебная экспертиза проводится в случаях:

- когда правообладатель (патента или товарного знака) видит потенциальное нарушение своих прав, и есть необходимость в подтверждении действительности такого нарушения;

- когда предприниматель или иное лицо, получает претензию от правообладателя за использование его патента или товарного знака, и есть необходимость в удостоверении данного факта;

- когда правообладатель намеревается вывести свой товар на рынок и хочет удостовериться что он не нарушает интеллектуальные права третьей стороны (в данном случае основным критерием выступает патентная чистота проверяемого объекта).

Для этого эксперт (патентный поверенный или юрист по интеллектуальным правам) должен:

- изучить техническое решение, которое изложено в патенте на изобретение, полезную модель или промышленный образец, и составить детальное техническое представление о нём и понять его функциональное назначение и конструкторские особенности;

- на основании полученного представления квалифицировать части технического решения, представляющие совокупность его существенных признаков;

- провести идентификацию каждого отдельного признака технического решения;

- проанализировать соответствие конструкторских решений и свойств технического решения, изложенного в патенте;

- и на основании всех полученных сведений сделать вывод касательно использования или неиспользования какого-либо признака в исследуемом объекте, и в конечном итоге, всей совокупности существенных признаков технического решения, изложенного в патенте.

Простыми словами, эксперт должен сделать вывод о том, используется ли в конкретном продукте технические решения, которые изложены в патентной формуле (формуле изобретения или полезной модели).

Иначе дела обстоят с товарными знаками и средствами индивидуализации. Так, при проведении исследования эксперт должен сравнить два товарных знака по существенным признакам, к которым относят:

- общую визуальную концепцию товарного знака и его восприятие;
- схожесть визуальных элементов (графические составляющие, орнаменты, шрифт, цвет и расположение) до степени смешения;
- общее впечатление от вида двух исследуемых объектов (возможность одного из объектов визуально походить на другой за счёт дизайна или созвучного названия) [4].

Стоит отметить то, что экспертиза товарных знаков и средств индивидуализации зачастую является очень субъективной и во многом основывается на мнении определённого эксперта, который проводит данную экспертизу.

Подводя итог вышесказанному, отметим что патентно-судебная экспертиза проведённая квалифицированным экспертом является убедительным доказательством в судах по делам о нарушении интеллектуальных прав или в палате по патентным спорам.

Список литературы

1. Федеральный закон от 31.05.2001 г. № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» (в ред. от 01.07.2021 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 24.11.2006 № 318-ФЗ (ред. от 05.12.2022) // СПС «КонсультантПлюс».

3. Федеральный закон от 30.12.2008 г. № 316-ФЗ «О патентных поверенных» (в ред. от 21.12.2021 г.) с изм. и доп., вступ. в силу с 22.12.2022 // СПС «КонсультантПлюс».

4. Руководство по экспертизе товарных знаков в Федеральной службе по интеллектуальной собственности [Электронный ресурс]. – URL:https://rospatent.gov.ru/activities/inter/bicoop/modern/project/Ruk_tz_rospatent.pdf (дата обращения: 23.02.2023).

УЧЕНИЯ О ДОКАЗАТЕЛЬСТВАХ И ДОКАЗЫВАНИИ: УНИФИКАЦИЯ ЭКСПЕРТНЫХ ПРОЦЕДУР

Храпенкова Евгения Юрьевна, аспирант

Красноярский государственный аграрный университет, г. Красноярск, Россия

email: sosna_evgeniya@mail.ru

Аннотация: основой уголовно-процессуальной деятельности является познание обстоятельств совершенного преступления, а нормы уголовно-процессуального права, которые регламентируют эту деятельность, указывают на признаки доказательств, круг подлежащих доказыванию обстоятельств, а также содержание процесса доказывания, образуя доказательственное право.

Ключевые слова: унификация экспертных процедур, доказательства, доказывание, достаточность доказательств, принципы доказывания.

DOCTRINES OF EVIDENCE AND PROOF: UNIFICATION OF EXPERT PROCEDURES

Khrapenkova Evgeniya Yurievna

postgraduate student

Krasnoyarsk State Agrarian University,

Krasnoyarsk, Russia

email: sosna_evgeniya@mail.ru

Abstract: The basis of criminal procedural activity is the knowledge of the circumstances of the crime committed, and the norms of criminal procedural law that regulate this activity indicate the signs of evidence, the range of circumstances to be proved, as well as the content of the proof process, forming the evidentiary law.

Keywords: unification of expert procedures, evidence, proof, sufficiency of evidence, principles of proof.

Учение о доказательствах представляет собой учение, которое изучает способы и методы, используемые для установления истины в процессе судебного разбирательства [1, С. 176]. Доказательства могут быть прямыми (например, показания свидетелей) или косвенными (например, анализ документов).

Доказывание выступает процессом, который начинается с сбора доказательств и заканчивается их оценкой и принятием решения. В процессе доказывания судья должен оценить доказательства, чтобы определить их относимость и допустимость, а также их достаточность для вынесения решения.

При этом, само учение о доказательствах и доказывании является наукой, которая изучает процесс сбора, анализа и оценки доказательств в судебных делах. Она включает в себя изучение методов и приемов, используемых для

получения доказательств, а также их анализ и оценку с точки зрения их достоверности и соответствия фактам.

Одним из основных принципов учения о доказательствах является принцип достаточности доказательств. Это означает, что для принятия решения по делу необходимо представить достаточное количество доказательств, чтобы суд мог сделать обоснованный вывод о виновности или невиновности обвиняемого. Кроме того, учение о доказательствах также включает в себя рассмотрение вопросов о допустимости доказательств, их относимости к делу, а также об их доказательственной силе.

Некоторые из основных принципов доказывания включают:

1. Принцип достаточности - доказательства должны быть достаточными для подтверждения или опровержения определенной гипотезы.

2. Принцип относимости - доказательства должны относиться к делу и иметь значение для рассмотрения дела.

3. Принцип допустимости - доказательства не должны быть получены незаконным путем или противоречить закону.

4. Принцип свободы оценки - судья имеет право оценивать доказательства по своему усмотрению и принимать решение на основе своих убеждений.

5. Принцип независимости - судья должен быть независимым от сторон и не иметь конфликта интересов в деле.

6. Принцип презумпции невиновности - обвиняемый считается невиновным до тех пор, пока его вина не будет доказана в суде.

Учение о доказательствах и доказательствах - это раздел теории доказательств, который изучает методы и приемы, используемые для получения и проверки доказательств в судебных и иных правовых процессах.

Доказательства могут быть прямыми и косвенными, а также материальными и процессуальными. Прямое доказательство является фактом, который может быть непосредственно воспринят и оценен в процессе судебного разбирательства. Косвенное доказательство является выводом, основанным на совокупности фактов и обстоятельств, которые могут свидетельствовать о наличии или отсутствии определенных обстоятельств.

При этом, методы и приемы доказывания могут быть различными в зависимости от конкретной ситуации. Например, в уголовном процессе доказательствами могут быть свидетельские показания, документы, вещественные доказательства и т.д. В гражданском процессе доказательствами являются письменные и устные заявления сторон, заключения экспертов и т.д.

Унификация экспертных процедур представляет собой процесс стандартизации и оптимизации экспертных процедур для повышения их эффективности, объективности и качества. Она включает разработку общих стандартов, методик и критериев оценки для различных видов экспертиз, обучение экспертов, установление единых процедур проведения экспертиз и контроль за результатами.

Унификация экспертных процедур может быть полезна для различных областей, включая медицину, науку, юриспруденцию и другие. Она позволяет

сократить время и затраты на проведение экспертиз, повысить их качество и надежность, а также улучшить взаимодействие между экспертами и заказчиками.

Унификация экспертных процедур включает в себя несколько аспектов:

1. Техничко-криминалистический аспект - включает разработку единых методик для проведения экспертиз, определение стандартов качества и обучение экспертов. Это позволяет повысить качество и точность экспертных заключений, а также сократить время и расходы на проведение экспертиз.

2. Процессуально-правовой аспект - связан с установлением единого порядка проведения экспертиз и контролем за их результатами, а также защитой прав и интересов сторон. Это помогает обеспечить объективность, независимость и беспристрастность экспертных решений, а также соблюдение прав и законных интересов участников процесса [2, С. 36-37].

Оба аспекта важны для обеспечения объективности, независимости и точности результатов экспертизы. Унификация экспертных процедур способствует повышению качества экспертизы в различных сферах, таких как медицина, наука и юриспруденция.

Следует привести следующие примеры унификации экспертных процедур:

- Разработка единых стандартов для проведения медицинских экспертиз (например, стандартов для оценки качества медицинских услуг, диагностики заболеваний и т.д.).

- Создание общих методик для проведения судебных экспертиз (например, методик для оценки доказательств, определения размера ущерба и т.д.).

- Обучение экспертов общим принципам и методам экспертизы (например, обучение методам анализа данных, статистическим методам и т.д.).

Другая классификация определяет следующие примеры унификации:

1. Унификация стандартов для медицинских экспертиз: Разработка единых требований к качеству медицинских услуг, диагностике заболеваний, лечению и реабилитации пациентов.

2. Унификация методик для судебных экспертиз: Создание общих подходов к оценке доказательств, определению размера ущерба, анализу финансовых документов и другим вопросам [3, С. 220].

3. Обучение экспертов общим методам экспертизы: Обучение экспертов анализу данных, использованию статистических методов, экспертной оценке и другим навыкам, которые помогают им проводить более точные и объективные экспертизы.

4. Унификация процедур для экологических экспертиз: Разработка общих правил проведения экологических экспертиз, включая оценку воздействия на окружающую среду, анализ рисков и управление отходами.

5. Унификация методов для научных исследований: Создание единых подходов к проведению научных исследований, включая выбор методов исследования, обработку данных и интерпретацию результатов [5].

6. Унификация правил для финансовых экспертиз: Разработка стандартов для оценки финансовой деятельности компаний, аудита и управления рисками.

7. Унификация подходов к экспертизе культурных объектов: Разработка общих принципов и методов оценки культурных ценностей, включая музеи, библиотеки и архивы.

8. Унификация требований к экспертизе строительных проектов: Создание стандартов для оценки безопасности и качества строительных работ, включая проектирование, строительство и эксплуатацию зданий и сооружений.

В результате проведения исследования следует сделать вывод о том, что в целом, учение о доказательствах и доказательствах является важным элементом правовой системы, который обеспечивает справедливость и законность в судебных процессах, а унификация экспертных процедур является необходимым условием для повышения качества и эффективности экспертизы в различных областях знаний.

Список литературы

1. Алферова, Е.В. Теория доказательств и доказывание в уголовно-процессуальном праве (обзор) // Е.В. Алферова // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 4, Государство и право: Реферативный журнал, 2018. – С. 175-182.

2. Афанасьев, А.Ю. Коррупционные риски уголовно-процессуального доказательственного права / под ред. А.Ф. Дубина. - М.: Юрлитинформ, 2017. - 224 с.

3. Доказывание и принятие решений в состязательном уголовном судопроизводстве / Отв. ред. Л.Н. Масленникова. - М.: Норма: ИНФРА-М, 2017. - 384 с.

4. Ерпылёв, И.В. Допустимость доказательств в уголовном процессе России и зарубежных стран/ И.В. Ерпылев. - М.: Юрлитинформ, 2017. - 152с.

5. Общая характеристика учения о доказательствах и доказывании[Электронный ресурс]. – URL:https://studme.org/298794/pravo/obschaya_harakteristika_ucheniya_dokazatelstvah_dokazyvaniy (дата обращения: 12.06.2023).

ЗНАЧЕНИЕ И ВОЗМОЖНОСТИ СУДЕБНОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ХИЩЕНИЙ ДОМАШНИХ ЖИВОТНЫХ (СКОТА)

Щебляков Евгений Степанович

старший преподаватель

Красноярский государственный аграрный университет, г. Красноярск, Россия

email: doess23@mail.ru

Аннотация: Сложность расследования хищений домашних животных заключается в том, что не очень хорошо разработаны методики проведения экспертиз по данной категории дел. Нет четких правил и рекомендаций как правоприменителю доказать факт совершения хищения домашних животных и какие экспертизы применять при доказывании факта хищения.

Ключевые слова: хищение скота, экспертизы при проведении расследования хищений, домашние животные, доказывание.

SIGNIFICANCE AND POSSIBILITY OF FORENSIC EXAMINATION IN THE INVESTIGATION OF PET (LIVESTOCK) THEFT

Shcheblyakov Evgeniy Stepanovich

senior lecturer

Krasnoyarsk State Agrarian University,

Krasnoyarsk, Russia

email: doess23@mail.ru

Abstract: The difficulty of investigating pet theft lies in the fact that methods for conducting examinations on this category of cases are not very well developed. There are no clear rules and recommendations as a law enforcement officer to prove the fact of committing theft of pets and what examinations to use when proving the fact of theft.

Keywords: theft of livestock, examination during the investigation of theft, pets, proof.

При расследовании хищений домашних животных (скота), как показал анализ изученных нами дел, весьма существенное, порой решающее значение имеют экспертизы. Они назначались практически по каждому пятому уголовному делу, причем в прямом соотношении с количеством тех или иных следов, изымаемых на местах происшествий. В этом факте проявляется справедливость утверждения некоторых ученых-криминалистов, что эффективность в целом института судебной экспертизы непосредственно зависит от результативности работы по собиранию доказательств на местах происшествий. Однако, как уже отмечалось, она остается крайне низкой - изымается в среднем 1-2 следа с одного места происшествия и в 3-4 раза больше остается вне сферы внимания следователя. Очевидна необходимость укрепления в этой системе прежде всего того звена, от которого зависят те количественные и качественные показатели работы по обнаружению, фиксации и изъятию следов преступлений - объектов экспертизы.

К основному виду экспертизы, применяемому при проведении расследования хищений домашних животных относятся экспертиза следов животного. С целью установления фактов и обстоятельств совершения преступления при осмотре места совершения преступления применяется экспертиза следов ног домашнего животного (например, скота) [2]. Проведение данной экспертизы необходимо для определения индивидуализирующих признаков домашнего животного, которое было похищено, но при этом необходимо учитывать то обстоятельство что единой методики которая бы применялась правоприменителями не выработано и применяются различные методики фиксации следов домашнего животного[3]. При расследовании данных преступлений правоприменитель не всегда делает слепки, а когда делает не всегда применяемая методика позволяет зафиксировать все индивидуализирующие признаки домашнего животного. Также правильная фиксация поможет раскрыть и обстоятельства хищения, и способ хищения и то какие средства были применены при совершении хищения домашнего животного[4]. Также необходимо отметить что применение различных методик не всегда позволяет раскрыть все обстоятельства которые могут помочь при проведении расследования хищения домашнего животного, а это является очень важным аспектом.

Для быстрого и своевременного расследования хищения домашнего животного необходимо чтобы на месте преступления были правильно сделаны слепки следов животного, а это не всегда делается, что приводит к долгому и навсегда результатному процессу расследования данных преступлений.

Данной проблематике посвящено много исследований, но к сожалению результаты этих исследований не всегда применяются в современной правоприменительной практике при проведении расследования хищений домашних животных. Все это свидетельствует о том, что необходимо систематизировать результаты исследований, проведенных различными учеными и применять их при проведении расследования, что возможно позволит улучшить результативность расследования хищений домашних животных.

Список литературы

1. Курбатова, С.М. Уголовно-процессуальная дееспособность: юридические и фактические аспекты проявления когнитивных особенностей личности / С.М. Курбатова // Право и законность: вопросы теории и практики. Сб. мат-в IX Всероссийской научно-практич. конф. – Абакан: Изд-во ХГУ, 2019. – С. 28-29.

2. Щедряков, Е.С. Криминалистические особенности хищения домашних животных (скота) / Е.С. Щедряков // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2020. – № 2. – С. 192-195

3. Щедряков, Е.С. Особенности профилактических мер борьбы с хищениями домашних животных / Е.С. Щедряков // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2020. – № 7. – С. 197-199.

4. Актуальные психолого-педагогические, философские, экономические и юридические проблемы современного российского общества: колл. монография. – Том Выпуск 2. – Ульяновск: изд-во «Зебра», 2017. – 289 с.

РАЗДЕЛ 3. АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ РОССИЙСКОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА: УНИФИКАЦИЯ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ И ДОКАЗЫВАНИЯ

УДК 343.13

СУД КАК УЧАСТНИК ПРОИЗВОДСТВА О РАССМОТРЕНИИ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ В ОСОБОМ ПОРЯДКЕ

Добрыгина Елена Викторовна, магистр

Красноярский государственный аграрный университет, г. Красноярск, Россия
email: dobrygina_1990@mail.ru

Научный руководитель: Курбатова Светлана Михайловна,

кандидат юридический наук, доцент

Красноярский государственный аграрный университет, г. Красноярск, Россия
email: sveta_kurbatova@mail.ru

Аннотация: Актуальность темы статьи по теме «Суд как участник производства о рассмотрении уголовных дел в особом порядке» обусловлена следующим: данный институт вызван необходимостью упрощения производства по делам о преступлениях небольшой и средней тяжести в интересах осуществления правосудия. Данная категория уголовных дел, по которым обвиняемые согласны с предъявленным обвинением, нуждается в проведении судебного заседания в упрощенной форме, поскольку тем самым достигается процессуальная экономия, позволяющая сберечь время, силы и средства государства и участников уголовного судопроизводства.

Ключевые слова: особый порядок, суд, сокращенная форма, согласие между участниками процесса, ходатайство, собранные доказательства по уголовному делу.

THE COURT AS A PARTICIPANT IN PROCEEDINGS ON THE CONSIDERATION OF CRIMINAL CASES IN A SPECIAL PROCEDURE

Dobrygina Elena Viktorovna, master

Krasnoyarsk State Agrarian University,
Krasnoyarsk, Russia
email: dobrygina_1990@mail.ru

Scientific adviser: Kurbatova Svetlana Mikhailovna

candidate of legal sciences, associated professor

Krasnoyarsk State Agrarian University,
Krasnoyarsk, Russia
email: sveta_kurbatova@mail.ru

Abstract: The relevance of the topic of the article on the topic “The court as a participant in the proceedings on the consideration of criminal cases in a special

order” is due to the following: this institution is due to the need to simplify proceedings in cases of crimes of small and medium gravity in the interests of the administration of justice. This category of criminal cases, in which the accused agree with the charge, requires a trial hearing in a simplified form, since this achieves procedural savings that save time, effort and money for the state and participants in criminal proceedings.

Keywords: special procedure, court, shortened form, agreement between the participants in the process, petition, collected evidence in a criminal case.

Особый порядок рассмотрения дел является упрощенной формой рассмотрения уголовных дел о преступлениях, наказуемых на срок лишения свободы менее десяти лет, если подсудимый соглашается с предъявленным обвинением. Этот достаточно востребованный институт уголовного права возник в 2001 году. При этом критерием для выбора формы разбирательства в суде стало отношение обвиняемого к обвинению.

Одним из способов решения уголовно-процессуального конфликта является выбор обвиняемым упрощенной формы судебного производства - особого порядка при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением (гл. 40 УПК РФ). Так, обвиняемый вправе заявить ходатайство об избрании особого порядка разбирательства его уголовного дела (ч. 1 ст. 314 УПК РФ).

Роль суда тут такова, что, если суд в процессе разбирательства установит, что в деле нет никаких данных о разъяснении обвиняемому после окончания расследования права ходатайствовать о проведении разбирательства в порядке особого производства, убедится в невыполнении данного требования, то уголовное дело подлежит возвращению прокурору для устранения данного нарушения в соответствии со ст. 237 УПК РФ.

Однако соответствующее ходатайство обвиняемого рассматривается уголовно-процессуальным законом только в качестве обязательного основания рассмотрения дела в особом порядке, которое, однако не является достаточным, поскольку для использования особого производства требуется еще наличие определенных условий.

Так, УПК РФ предусматривает пять формальных условий.

К объективным процессуальным условиям относятся согласие на применение соответствующей процедуры государственного обвинителя и потерпевшего, частного обвинителя по уголовным делам частного обвинения; прохождение консультации обвиняемого с защитником перед заявлением им ходатайства. Субъективными являются: осознание обвиняемым сущности и последствий заявляемого ходатайства добровольность ходатайства обвиняемого об особом производстве. Кроме того, необходимо согласие потерпевшего и государственного обвинителя с рассмотрением уголовного дела в порядке особого производства [5, с. 31].

Все из перечисленных пяти условий считаются обязательными.

Перед началом судебного разбирательства обязанностью судьи является изучение присутствующих в уголовном деле материалов, поскольку обвинение

должно быть обоснованным и подтверждаться собранными по уголовному делу доказательствами (ч. 7 ст. 316 УПК РФ).

Особый порядок состоит в том, что судебного следствия не происходит и судья не исследует доказательства непосредственно в заседании суда, а только ограничивается рассмотрением письменных материалов дела. В данном случае имеет место исключение из правила о непосредственности судебного разбирательства (ст. 240 УПК РФ). В то же время на основании ч. 5 ст. 316 УПК РФ по инициативе сторон или судьи лично могут исследоваться обстоятельства, характеризующие индивидуальные характеристики личности подсудимого, и обстоятельства, отягчающие и смягчающие наказание, в случае необходимости установления справедливого типа и объема наказания.

При отсутствии обычного судебного следствия законодатель здесь требует, чтобы рассмотрение по существу ходатайства о постановлении приговора в порядке особого судопроизводства началось не с оглашения самого ходатайства, а с изложения государственным (частным) обвинителем предъявленного обвинения (подобно ординарному судебному разбирательству). После чего судья опрашивает подсудимого, понятно ли ему обвинение, согласен ли он с обвинением, поддерживает ли свое ходатайство о постановлении приговора в отсутствие судебного следствия, затем выясняет позицию остальных участников разбирательства [2].

Представляется, что препятствие подсудимому при его желании о постановлении приговора без проведения судебного разбирательства в общем порядке со стороны любого из участников процесса - нарушение прав подсудимого. Вне зависимости от того исходит ли это от государственного обвинителя или потерпевшего.

Постановление приговора без проведения судебного разбирательства - это личное волеизъявление обвиняемого, соответственно, для этого не нужно истребовать наличие согласия государственного обвинителя и потерпевшего, так как именно обвиняемый соглашается с предъявляемым ему обвинением, и этим не ухудшаются права ни государственного обвинителя, ни потерпевшего [3, с. 40].

Полагаем, необходимы изменения в УПК РФ, которые позволяли бы решать вопрос о возможности проведении особого порядка разбирательства только по ходатайству обвиняемого.

Общим для трех существующих на сегодняшний день особых порядков (главы 32.1, 40 и 40.1 УПК РФ) является их консенсуальный характер, сформированный достигнутым между сторонами соглашением по вопросу виновности.

Полагаем, что в главу 40 "Особый порядок принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением" возможно внесение дальнейших изменений.

В ст. 315 УПК РФ [1] "Порядок заявления ходатайства" следует расширить период возможного заявления обвиняемым ходатайства о постановлении приговора без проведения судебного разбирательства в общем порядке в связи с согласием с предъявленным обвинением, периодом подготовительной части судебного заседания, предусмотренного главой 36 УПК РФ, а также разрешить заявлять данное ходатайство и в стадии судебного разбирательства дела, до окончания судебного следствия [4, с. 14]. Данный период надо расширить не только на период подготовительной части судебного заседания, предусмотренного главой 36 УПК РФ, но и на стадию судебного разбирательства дела, до окончания судебного следствия.

Данное изменение упростит процедуру стадии судебного разбирательства и постановления приговора, по которому не надо будет приводить анализ доказательств, который порой бывает очень объемным.

Полагаем, что институт особого порядка принятия судебного решения востребован и его роль в современном уголовном судопроизводстве достаточно актуальна.

Список литературы

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 23.07.2023) // Российская газета. - № 249. - 22.12.2001.

2. Постановление Пленума Верховного суда РФ от 5 декабря 2006 г. № 60 «О применении судами особого порядка судебного разбирательства уголовных дел» // СПС «КонсультантПлюс».

3. Желтобрюхов, С.П. Продолжение реформирования уголовного судопроизводства - необходимый шаг к быстрому рассмотрению дел / С.П. Желтобрюхов // Российская юстиция. – 2019. – № 5. – С. 44 - 47.

4. Плясунова, А.А. Особый порядок судебного разбирательства как упрощенная форма уголовного судопроизводства: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / А.А. Плясунова. – Оренбург, 2016. - 23 с.

5. Прусс, А.Р. О праве несовершеннолетних обвиняемых на избрание особого порядка судебного разбирательства / А.Р. Прусс // Российский следователь. – 2020. – № 21. – С. 31 - 33.

УДК 343.1

**ПРИМЕНЕНИЕ СОВРЕМЕННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ И СПЕЦИАЛЬНЫХ
ПОЗНАНИЙ НА СТАДИЯХ ДОСУДЕБНОГО И СУДЕБНОГО
ПРОИЗВОДСТВА**

Донченко Елена Сергеевна

Красноярский государственный аграрный университет, г. Красноярск, Россия
email:e.s.donchenko@mail.ru

Научный руководитель: Бертовский Лев Владимирович

доктор юридических наук, профессор

Национальный исследовательский университет «Московский институт
электронной техники», г. Москва, Россия
email: bertovskiy_lv@pfur.ru

Аннотация: Рассмотрена актуальность проблемы использования компьютерных технологий при раскрытии и расследовании преступлений, а также – при рассмотрении уголовных дел в судах.

Ключевые слова: компьютерные технологи, суд, судебное производство, предварительное расследование, досудебное производство, научно-технический прогресс.

**APPLICATION OF MODERN TECHNOLOGIES AND SPECIAL
KNOWLEDGE AT THE STAGES OF PRE-TRIAL AND JUDICIAL
PROCEEDINGS**

Donchenko Elena Sergeevna

Krasnoyarsk State Agrarian University,
Krasnoyarsk, Russia
email:e.s.donchenko@mail.ru

scientific adviser: Bertovsky Lev Vladimirovich

doctor of law, professor

National research university «Moscow institute of electronic technology»,
Moscow, Russia
email: bertovskiy_lv@pfur.ru

Abstract: The urgency of the problem of using computer technologies in the detection and investigation of crimes, as well as the consideration of criminal cases in courts, is considered.

Keywords: computer technologists, court, judicial proceedings, preliminary investigation, pre-trial proceedings, scientific and technological progress.

Цифровизация, как научно-технический прогресс, направлена на повышение качества жизни человека – создание комфортности и безопасности,

удобного использования цифровых сервисов и иных мер, а также вовлеченности населения в цифровое взаимодействие, способствовала качественному изменению техники и технологий, в том числе используемых криминалистикой для раскрытия и расследования преступлений с одной стороны. С другой стороны, породило появление преступлений в сфере компьютерной информации и обусловила рост традиционных преступлений, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий (ИТТ).

Согласно статистических данных ФКУ «Главного информационно-аналитического центра» в период с января по ноябрь 2022 года зарегистрировано 470,1 тысяч преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий или в сфере компьютерной информации, что на 4,9% меньше. Практически все такие преступления (98,7%) выявляются органами внутренних дел. Больше половины таких преступлений (52,7%) относится к категориям тяжких и особо тяжких (247,9 тыс.; -10,6%), почти три четверти (72,8%) совершается с использованием сети «Интернет» (342,5 тыс.; +1,9%), более трети (40,4%) – средств мобильной связи (190,1 тыс.; -5,6%). Почти три четверти таких преступлений (71,5%) совершается путем кражи или мошенничества: 336,3 тыс. (-9,3%), почти каждое восьмое (12,1%) – с целью незаконного производства, сбыта или пересылки наркотических средств: 57,0 тыс. (+8,0%). Статистические данные наглядно приведены на диаграммах 1-2 по регионам [1]:

Диаграмма 1. Раскрываемость преступлений, совершенных с использованием информационно – телекоммуникационных технологий или в сфере компьютерной информации

РЕГИОНЫ С НАИБОЛЬШИМИ ТЕМПАМИ ПРИРОСТА, в %

Диаграмма 2. Предварительно расследованные преступления, совершенные с использованием информационно – телекоммуникационных технологий или в сфере компьютерной информации.

С учетом статистических данных актуализировалась проблема использования компьютерных технологий при раскрытии и расследовании преступлений, а также рассмотрении уголовных дел в судах. В 2012 году утверждена Федеральная целевая программа «Развитие судебной системы России на 2013–2024 годы», кроме того, внесены изменения в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (далее по тексту - УПК РФ) и иные нормативно-правовые акты, предусматривающие применение систем видео-конференц-связи на судебных стадиях уголовного судопроизводства [2].

На расширенном ежегодном заседании коллегии МВД России 20.03.2023 подведены итоги работы, оперативно-служебной деятельности органов внутренних дел за 2022 год, а также определены основные направления работы на 2023 год. Президент РФ В.В. Путин отметил, что один из безусловных приоритетов работы МВД – это борьба с преступлениями с использованием информационных технологий. По итогам 2022 года число таких преступлений уже превысило полмиллиона и составило четверть от всех уголовно наказуемых правонарушений, что связано с развитием таких технологий. Министр внутренних дел В.А. Колокольцев, отметил, что достигнуты определённые результаты в противодействии ИТ-преступности. Указано на необходимость разработки дополнительных механизмов защиты персональных данных. Высказана поддержка необходимости введения оборотных штрафов для компаний за разглашение персональных данных и усиление ответственности за незаконную передачу третьим лицам таких данных. Внесены соответствующие изменения в положения законодательства, предусматривающие блокировку подменных номеров. Действует административная ответственность в отношении операторов связи. Подобные нормы является барьером для кибермошенников. В структуре центрального аппарата Министерства с сентября 2022 года функционирует

специализированное подразделение. Нарботанные средства и методы документирования IT-преступлений позволили повысить их раскрываемость [3].

Не смотря, на безусловно принимаемые меры, по-прежнему существуют правовые, организационные и технико- криминалистические проблемы реализации таких возможностей в уголовном судопроизводстве.

На сегодняшний день направлены силы средства, по формированию системы электронного судопроизводства, в МВД России создана единая система информационно-аналитического обеспечения деятельности (ИСОД). Однако, отсутствует мобильность и автономность работы таких сервисов, что осложняет работу вне рабочего места сотрудника, имеются проблемы с техническим оснащением и кадров.

Обобщая данные статистики, тенденции развития социально-техно-экономического развития государства, регламентированностью на законодательном уровне, необходимо обратить особое внимание на стадии предварительного расследования и судебного разбирательства, которые с точки зрения криминалистики являются системообразующими.

Список литературы

1. Состояние преступности в России // Цифровая России – все об IT в государстве[Электронный ресурс]. – URL:https://d-russia.ru/wp-content/uploads/2022/12/mvd_22_11_.pdf (дата обращения: 13.06.2023).

2. Донченко, Е.С. Особенности применения в уголовном процессе систем видео-конференц-связи судами общей юрисдикции / Е.С. Донченко // Высокотехнологичное право: современные вызовы : Материалы IV Международной межвузовской научно-практической конференции, Москва-Красноярск, 17–20 февраля 2023 года. Том Часть 1. – Красноярск: Красноярский государственный аграрный университет, 2023. – С. 98-104.

3. Стенограмма выступления Президента Российской Федерации В.В. Путина на ежегодном расширенном заседании коллегии Министерства внутренних дел Российской Федерации // Президент России: официальный сайт[Электронный ресурс]. – URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/70744> (дата обращения 13.06.2023).

4. Апостолова, Н.Н. Доказывание по уголовным делам с помощью цифровых технологий / Н.Н. Апостолова // Вестник юридического факультета Южного федерального университета. – 2023. – Т. 10. - № 2. – С. 104-109.

О ПОНИМАНИИ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Курбатова Светлана Михайловна

кандидат юридических наук, доцент

Красноярский государственный аграрный университет, г. Красноярск, Россия
email: sveta_kurbatova@mail.ru

Аннотация: Рассмотрен вопрос сравнительной характеристики понимания доказательств в отдельных видах российского судопроизводства. Отмечено значение единообразия подходов к пониманию основополагающих межотраслевых правовых институтов и в частности, института доказательств. Подчеркнута значимость унификации института доказательств в российском судопроизводстве.

Ключевые слова: доказательства, судопроизводство, унификация.

ON THE UNDERSTANDING OF EVIDENCE IN MODERN RUSSIAN LEGAL PROCEEDINGS

Kurbatova Svetlana Mikhailovna

candidate of legal sciences, associate professor

Krasnoyarsk State Agrarian University,

Krasnoyarsk, Russia

email:sveta_kurbatova@mail.ru

Abstract: The question of comparative characteristics of the understanding of evidence in certain types of Russian legal proceedings is considered. The importance of uniformity of approaches to understanding the fundamental intersectoral legal institutions is noted. The importance of unification of the institute of evidence in Russian legal proceedings is emphasized.

Keywords: evidence, legal proceedings, unification.

Институт доказательств является одним из основополагающих институтов процессуальных отраслей права, нормы которых регулируют отдельные виды судопроизводства. Это обусловлено тем, что в основе судопроизводства лежит доказывание, «определяющее сущность, характер, назначение и динамику развития судопроизводства в целом» [4, с. 131].

Согласно ч. 1 ст. 74 Уголовно-процессуального кодекса РФ (УПК РФ), доказательства – это «любые сведения, на основе которых суд, прокурор, следователь, дознаватель в порядке, определенном настоящим Кодексом, устанавливает наличие или отсутствие обстоятельств, подлежащих доказыванию при производстве по уголовному делу, а также иных обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела». Доказательствами по делу об административном правонарушении, в соответствии с ч. 1 ст. 26.2

КоАП РФ, являются «любые фактические данные, на основании которых судья, орган, должностное лицо, в производстве которых находится дело, устанавливают наличие или отсутствие события административного правонарушения, виновность лица, привлекаемого к административной ответственности, а также иные обстоятельства, имеющие значение для правильного разрешения дела». Ч. 1 ст. 55 Гражданского процессуального кодекса РФ (ГПК РФ) определяет доказательства как «полученные в предусмотренном законом порядке сведения о фактах, на основе которых суд устанавливает наличие или отсутствие обстоятельств, обосновывающих требования и возражения сторон, а также иных обстоятельств, имеющих значение для правильного рассмотрения и разрешения дела». В ч. 1 ст. 64 Арбитражного процессуального кодекса РФ под доказательствами практически повторяется гражданско-процессуальная норма: «полученные в предусмотренном настоящим Кодексом и другими федеральными законами порядке сведения о фактах, на основании которых арбитражный суд устанавливает наличие или отсутствие обстоятельств, обосновывающих требования и возражения лиц, участвующих в деле, а также иные обстоятельства, имеющие значение для правильного рассмотрения дела». Кодекс административного судопроизводства РФ повторяет данное понятие доказательств в ч. 1 ст. 59: доказательствами по административному делу являются «полученные в предусмотренном настоящим Кодексом и другими федеральными законами порядке сведения о фактах, на основании которых суд устанавливает наличие или отсутствие обстоятельств, обосновывающих требования и возражения лиц, участвующих в деле, а также иных обстоятельств, имеющих значение для правильного рассмотрения и разрешения административного дела».

И если в ГПК, АПК и КАС РФ представлена унифицированная модель понимания доказательств, то в УПК и КоАП РФ содержатся иные. Общим для всех пяти процессов является то, в окончании формулировки доказательств присутствует словосочетание «обстоятельства, имеющие значение для дела». В четырех из пяти процессуальных кодексах акцент сделан на термине «сведения», с которого, по сути, и начинается определение данного термина.

Однако если в ГПК, АПК и КАС РФ это сведения о фактах, то в УПК РФ – вообще любые сведения. А в КоАП РФ это «любые фактические данные». ГПК РСФСР в ст. 49 также рассматривал доказательства как «любые фактические данные». Как «любые фактические данные» понимались доказательства и в УПК РСФСР. Представляется, что с точки зрения аргументации и логики такое понимание доказательств является правильным, так как обстоятельства, имеющие значение для дела, должны устанавливаться с помощью фактов [2, с. 20-21], под которыми «в теории юридического процесса понимают результат познавательной деятельности, часть объективной действительности, установленной человеком, знание, достоверность которого доказана» [12, 13]. Как верно было отмечено П. А. Лупинской, «под доказательствами следует понимать конкретные фактические данные, которые употребляются для исследования обстоятельств дела, источники этих данных и

способы их получения, проверки и использования» [6, с. 140]. Тогда как «сведения», согласно разным словарным определениям, это «часть знаний, критерий истинности которых не одинаков у различных участников познавательного процесса» [14] и просто «исходные данные, информация, сообщение» [11]. Как верно приводят по этому поводу пример И. О. Воскобойник и М. Г. Гайдышева, «вряд ли стоит всерьез говорить о том, что, например, решение об избрании меры пресечения может быть принято на основе не доказательств, достоверно и прямо указывающих на наличие оснований, перечисленных в статье 97 УПК РФ, а на сведениях о том, что, возможно, где-то имеются факты, указывающие на наличие данных оснований» [3, с. 75].

Учитывая то, что доказательства в судопроизводстве нужны не просто для того, чтобы они были, а для того, чтобы с их помощью доказывать, причем доказывать конкретные обстоятельства, которые имеют значение для дела, представляется верным законодательное закрепление перечня обстоятельств, подлежащих доказыванию в соответствующих процессуальных кодексах. Тогда как в КоАП РФ это «обстоятельства, подлежащие выяснению» (ст. 26.1), а в ГПК, АПК и КАС РФ они вообще отсутствуют. В УПК РФ такого рода обстоятельства закреплены в ст. 73, однако вызывают определенное замечание у ученых [5, 8].

В связи с этим можно сформулировать унифицированное понятие доказательств в процессуальных отраслях права: «доказательства – это фактические данные, с помощью которых лица, определенные законодательно, устанавливают наличие или отсутствие обстоятельств, подлежащих доказыванию, а также иные обстоятельства, имеющие значение для дела»

Унифицированное понятие доказательств, как одно из основополагающих для всех видов судопроизводства, обеспечивает не только единообразие в изложении дефиниции юридических терминов в правовых нормах, но имеет практическую значимость, «способствуя достижению принципу единообразия при реализации норм права на стадии правоприменения» [10, с. 55]. Как пишет Ю. Г. Арзамасов, «сегодня настало время теоретикам права заняться новым осмыслением структуры системы права, определением его элементного состава» [1]. Представляется, что это применимо и к вопросам, связанным с качественными характеристиками содержания правовых норм, и в частности, выработке единообразного подхода к пониманию доказательств в судопроизводстве и унификации данного процессуального института, о необходимости чего пишет в своих работах А. Г. Русаков [7, 8].

Список литературы

1. Арзамасов, Ю.Г. Проблемы развития системы права в современной России / Ю.Г. Арзамасов // Проблемы системы и систематизации законодательства: сборник статей. – М.: ИД «Юриспруденция», 2018. – С. 81-92.
2. Басов, С.Л. Доказательства и доказывание в производстве по делам об административных правонарушениях: учебное пособие / С.Л. Басов. – Санкт-

Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, 2019. – 56 с.

3. Воскобойник, И.О. К вопросу о доказательствах и доказывании в уголовном процессе / И.О. Воскобойник, М.Г. Гайдышева // Юридический вестник Самарского университета. – 2021. – Т. 7, № 2. – С. 70-76.

4. Казельников, В.С. Институт судебного доказывания в гражданско-процессуальном и арбитражном законодательстве / В.С. Казельников // Вестник Российской таможенной академии. – 2010. – № 1. – С. 130-134.

5. Канатов, Т.К. Уголовно-процессуальные доказательства и обстоятельства, подлежащие доказыванию по уголовным делам / Т.К. Канатов, К. К. Ушурова // Наука и реальность. – 2020. – № 3. – С. 73-76.

6. Лупинская, П.А. Доказательства в уголовном процессе. Уголовно-процессуальное право / под ред. П.А. Лупинской. – Москва, 1997. – 591 с. [Электронный ресурс]. – URL:<https://be5.biz/pravo/u001/index.html> (дата обращения: 10.10.2023).

7. Русаков, А.Г. Актуальные вопросы унификации доказательств в российском судопроизводстве / А.Г. Русаков // Высокотехнологичное право : современные вызовы: материалы IVмеждународ. научно-практич. конф. (Москва-Красноярск, 17-20 февраля 2023 г.). – Красноярск: Изд-во Красноярского ГАУ, 2023. – С. 255-261.

8. Русаков, А.Г. Концепция унификации доказательств / А.Г. Русаков // Актуальные вопросы российского судопроизводства: доказывание с использованием современных технологий: материалы Всеросс. (национальной) научно-практич. конф. (Красноярск, 21 октября 2022 г.). – Красноярск: Изд-во Красноярского ГАУ, 2022. – С. 107-111.

9. Ревенко, Н.И. Обстоятельства, подлежащие доказыванию, как фактическая основа объективной истины / Н.И. Ревенко // Вестник Омского университета. Серия «Право». – 2018. – № 3(56). – С. 175-178.

10. Суслов, В.А. Теоретические аспекты реализации принципа единообразия в сфере правоприменения / В.А. Суслов // Правоведение. – 2014.– № 1(312). – С. 55-65.

11. Тезаурус русской деловой лексики [Электронный ресурс]. – URL:<https://sloooovo.ru/сведения/значения?ysclid=loup5uitzi670232135> (дата обращения 01.10.2023).

12. Теория доказательств в советском уголовном процессе / отв. ред. Н. В. Жогин. – М., 1973.

13. Фаткуллин, Ф.Н. Общие проблемы процессуального доказывания / Ф.Н. Фаткуллин. – Казань, 1973.

14. Финансовый словарь [Электронный ресурс]. – URL:https://dic.academic.ru/dic.nsf/fin_enc/28901(дата обращения: 10.10.2023).

О ПРИСЯГЕ СВИДЕТЕЛЕЙ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ: ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

Курбатова Светлана Михайловна

кандидат юридических наук, доцент

Красноярский государственный аграрный университет, г. Красноярск, Россия

email: sveta_kurbatova@mail.ru

Аннотация: Рассмотрены историко-правовые аспекты, касающиеся появления и развития процедуры принесения присяги свидетелями в уголовном судопроизводстве. Выделены основные этапы развития, дана их характеристика. Отмечены общие черты присяги и раскрыта ее сущность как меры обеспечения получения достоверных показаний свидетелей.

Ключевые слова: свидетель, присяга, уголовное судопроизводство.

ABOUT THE OATH OF WITNESSES IN CRIMINAL CASES: HISTORICAL AND LEGAL ASPECT

Kurbatova Svetlana Mikhailovna

candidate of legal sciences, associate professor

Krasnoyarsk State Agrarian University,

Krasnoyarsk, Russia

email: sveta_kurbatova@mail.ru

Abstract: The historical and legal aspects concerning the appearance and development of the procedure for taking the oath by witnesses in criminal proceedings are considered. The main stages of development are highlighted, their characteristics are given. The general features of the essence of the oath as a measure to ensure the receipt of reliable testimony from witnesses are noted.

Keywords: witness, oath, criminal proceedings.

Свидетельские показания относятся к одному из наиболее распространенных и исторически устойчивых видов (источников) доказательств в судопроизводстве, и в частности, в уголовном судопроизводстве. Равно как и разные обеспечительные меры по отношению к их качеству, а именно – к достоверности сведений, получаемых от свидетелей.

В Древней Руси в качестве таковых обеспечительных мер выделяется присяга (рота). Присяга основывалась на вере людей того периода в высшие силы, которые всемогущи и гневить которых категорически нельзя под страхом навлечения беды на себя и на весь свой род. Изначально «славяне клялись своим оружием и главными языческими богами Перуном и Велесом. Содержательная часть присяги заключалась в призыве божественных сил наслать всякие напасти на голову обманщика и нарушителя. С принятием христианства стали клясться честным крестом и церковью. При этом

обязательно целовали крест, что определило и само название присяги у христиан — крестное целование» [3].

При этом присяга могла применяться в качестве как самостоятельного, так и дополнительного вида доказательств. Так, дополнительно присяга применялась, если было недостаточно других доказательств, как, например, в Русско-Византийских договорах, где говорится: «..а ему же начнуть не яти веры, да кленеться та, иже..» (ст. 3 договора 911 г.), т. е. если публично представленным доказательствам не будет веры, то пусть присягнет та сторона, которая эти доказательства представила, чтобы окончательно поверили в ее правдивость» [3].

Как самостоятельный вид доказательства присяга представлена в одной из норм Краткой редакции Русской Правды, причем для иностранцев, которые пребывали в русском государстве: «Аще ли ринетьмужь мужа любо от себе любо к собе, 3 гривне, а видока два выведеть; или будеть варяг или колбяг, то на роту» – с помощью произнесения присяги они могли снять с себя подозрения в совершении преступления» [3]. Это было обусловлено вполне очевидной причиной: в иностранном государстве им сложнее найти свидетелей, чем коренным жителям, поэтому для них была предусмотрена присяга [3].

Присяга, как вид доказательства, предусматривалась и другими правовыми документами той эпохи – Пространной редакцией Русской Правды (ст. 48), новгородскими берестяными грамотами XII в. (№ 115 и № 118) и др. При этом наблюдается конкретизация содержания и формы клятвы. Так, Псковской судной грамотой предусмотрена процедура крестоцелования (ст.ст. 17, 92). Как пишет относительно этой процедуры М. В. Королева, «прикосновение к сакрально значимому предмету для призвания в свидетели высших сил – неотъемлемый компонент большинства клятв и присяг. Но обряд целования креста имел особое значение на Руси, поскольку крест всегда почитался главной святыней христианства, а поцелуй воспринимался как символ примирения и единения» [2].

В дальнейшем, с развитием законодательства, присяге уделяется большее внимание. Так, в Соборном уложении 1649 г. было предусмотрено, что «служилых разных чинов допрашивати по крестному целованию», «А будет где доведется в обыску, или в допросе спрашивать боярских людей, или крестьян, или женский пол, и их во всяких делах допрашивать по государеву крестному целованию пред образом Божиим для того, чтобы они сказывали правду, как им стать на страшном суде Христове» (Улож. X, 158, 173). Тем не менее, по мнению Н. А. Заозерского, основанному на исследовании им текстов правовых актов того времени, «в первой половине XVII века специальной свидетельской присяги в нашем судопроизводстве не было» [1]. Первым свидетельством применения присяги, проведенной по определенной форме (обряду), Николай Александрович называет «судное дело Суждальского архиепископа Стефана по извету на него суждальского соборного попа Никиты (Пустосвята)» 1659 г., где встречается описание присяги «пред святым евангелием, взирая на образ Божий».

Таким образом, изначально присяга в христианской Руси произносилась пред крестом и сопровождалась его целованием, а затем – пред Святым Евангелием и содержала в себе обещание говорить правду и служить правде. В дальнейшем, в XVIII в., вместе с судебной реформой Петра I в суды российского государства была перенесена иноземная форма присяги: «обещаюсь и клянусь Всемогущим Богом».

Следующим этапом развития процедуры присяги в России можно назвать принятие Устава Уголовного судопроизводства 1864 г. В нем содержалось несколько статей, посвященных регулированию присяги свидетелей, причем они подразделялись на две группы, исходя из того, на каком этапе производился допрос свидетеля – на досудебном или в суде.

Так, согласно ст. 442 Устава, при предварительном следствии свидетели приводятся к присяге только в следующих случаях:

«1) когда свидетель собрался в дальний путь и возвращение его может замедлиться;

2) когда свидетель находится в болезненном состоянии, угрожающем опасностью его жизни;

3) когда свидетель имеет жительство вне округа того суда, которому подсудно дело и притом в такой отдаленности от места судебных заседаний, что ему без особенного затруднения явиться в суд невозможно» [4].

В остальных случаях свидетелей к присяге на досудебном производстве не приводили, однако предупреждались, что в суде они могут быть допрошены под присягой, поэтому уже сейчас им необходимо говорить «всю правду по чистой совести» (ст. 443 Устава).

Согласно ст. 711 Устава действовала императивная норма о том, что в судебном заседании свидетели должны быть приведены к присяге, причем по обряду своего вероисповедания.

При этом статья 712 Устава закрепляла «присяжный иммунитет», освобождая от присяги: «1) священнослужители и монашествующие всех христианских исповеданий и 2) лица, принадлежащие к исповеданиям и вероучениям, не приемлющим присяги; вместо присяги они дают обещание показать всю правду по чистой совести».

Относительно присяги, как было отмечено выше, применялись две процедуры, с учетом того, какую веру исповедовал свидетель (если исповедовал):

– «Свидетели православного исповедания приводятся к присяге не иначе как священником, который по внушении им святости присяги читает следующее клятвенное обещание: "Обещаюсь и клянусь всемогущим богом пред святым его евангелием и животворящим крестом, что, не увлекаясь ни дружбой, ни родством, ниже ожиданием выгод или иными какими-либо видами, я по совести покажу в сем деле сущую о всем правду и не утаю ничего мне известного, памятуя, что я во всем этом должен буду дать ответ пред законом и пред богом на страшном суде его. В удостоверение же сей моей клятвы целую слова и крест спасителя моего. Аминь".

Каждый присягающий, прикладываясь к кресту и евангелию, произносит вслух "клянусь"» (ст. 713).

– «Свидетели неправославного исповедания приводятся к присяге согласно с догматами и обрядами их веры духовным лицом их вероисповедания» (7ст. 14.).

Интересный факт – если по какой-то причине на момент принесения присяги в здании суда не было духовного лица того иноверного исповедания, к которому принадлежит свидетель, то он приводился к присяге председателем суда. Кроме того, председатель суда всем свидетелям должен был напоминать об ответственности за лживые показания перед их допросом, а допрашиваемым без присяги лицам светского звания делать увещание, дабы они, «отрешась от всякого влияния на них вражды, дружбы или страха, говорили сущую правду и только одну правду» (ст.ст. 715, 716).

После свержения монархии и установления советской власти, и как результата этого – замены законодательства почти во всех сферах нового государства, включая уголовное судопроизводство, происходит отказ от применения присяги при допросе свидетелей, что было вполне закономерным, учитывая ее христианскую основу. В светском государстве, которым, в том числе провозгласил себя СССР, было не место обращение к высшим божественным силам, искоренение веры в которые было обозначено в качестве одной из государственных задач. Вместо присяги стала применяться уголовная ответственность за дачу заведомо ложных показаний.

Список литературы

1. Заозерский, Н.А. О свидетельской присяге в судопроизводстве XVII века / Н.А. Заозерский [Электронный ресурс]. – URL:https://azbyka.ru/otechnik/Nikolaj_Zaozerskij/o-svidetelskoj-prisjage-v-sudoproizvodstve-17-v-odna-iz-zabytyh-reform-patriarha-nikona/(дата обращения: 11.10.2023).
2. Королева, М.В. Процедура государственной присяги в России XVII в. / М.В. Королева // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. – 2020. – № 4. – С. 73-82.
3. Момотов, В.В. Формирование русского средневекового права в IX – XIV вв.: дисс. ... д-ра юрид. наук / В.В. Момотов. – М., 2003. – 515 с.
4. Устав уголовного судопроизводства от 20 ноября 1864 г. (утратил силу) // СПС «КонсультантПлюс».

ЭЛЕКТРОННО-ЦИФРОВЫЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВА В СОВРЕМЕННОМ ЦИВИЛИСТИЧЕСКОМ ПРОЦЕССЕ

Летягина Екатерина Александровна

кандидат юридических наук, доцент

Красноярский государственный аграрный университет, г. Красноярск, Россия
email: let_k@mail.ru

Аннотация: В статье рассматриваются проблемные вопросы, связанные с электронно-цифровыми доказательствами в современном цивилистическом процессе. Автором обозначается практически полная идентичность понятий «электронный документ» и «электронное сообщение», сложности с определением формы электронно-цифровых доказательств, а также подтверждения подлинности и авторства электронных сообщений в определенных случаях. В исследовании обозначается, что наиболее важным отличием, существенным образом, разграничивающим электронный документ и электронное сообщение, выступает наличие или отсутствие в совокупности с электронно-цифровым носителем электронной цифровой подписи.

Кроме того, обозначается необходимость модернизации понятий «электронно-цифровое доказательство», «электронный документ», «электронное сообщение», а возможно - требуется формулирование четкой единой понятийной основы, объединяющей все эти дефиниции.

Также в работе обозначена необходимость совершенствования электронно-цифрового цивилистического судопроизводства, в целях скорейшего перехода к электронно-цифровому формату ведения гражданских дел, что, безусловно, облегчит процесс предоставления и приобщения электронно-цифровых доказательств.

Ключевые слова: цивилистический процесс, оценка доказательств, электронный цифровой носитель, электронный документ, электронная подпись, электронное сообщение, допустимость доказательств.

ELECTRONIC-DIGITAL EVIDENCE IN THE MODERN CIVIL PROCESS

Letyagina Ekaterina Alexandrovna

candidate of legal sciences, associate professor

Krasnoyarsk State Agrarian University,

Krasnoyarsk, Russia

email: let_k@mail.ru

Annotation: The article deals with problematic issues related to electronic and digital evidence in the modern civil process. The author designates the almost complete identity of the concepts of "electronic document" and "electronic message", difficulties with determining the form of electronic-digital evidence, as well as confirming the authenticity and authorship of electronic messages in certain cases.

The study indicates that the most important difference, essentially differentiating an electronic document and an electronic message, is the presence or absence of an electronic digital signature in combination with an electronic digital carrier.

In addition, the need to modernize the concepts of "electronic-digital proof", "electronic document", "electronic message" is indicated, and perhaps the formulation of a clear unified conceptual framework combining all these definitions is required.

The paper also identifies the need to improve the electronic-digital civil procedure, in order to move as soon as possible to the electronic-digital format of conducting civil cases, which will certainly facilitate the process of providing and attaching electronic-digital evidence.

Keywords: civil procedure, evaluation of evidence, electronic digital media, electronic document, electronic signature, electronic message, admissibility of evidence.

Современное гражданское общество развивается в электронно-цифровом формате очень стремительно. Новые формы гражданского-правового взаимодействия бьют все рекорды популярности, а on-line форматы гражданско-правовых отношений прочно вошли в нашу повседневную жизнедеятельность [1].

Так, мы имеем виртуальные электронные карты расчета для оплаты товаров в интернет-магазинах, личные кабинеты на тех же потребительских сайтах и т.п. При этом пока имущественные отношения в рамках правового пространства реализуются в соответствии с нашими ожиданиями качественно и на тех условиях, которые изначально были заявлены, все кажется удобным, эффективным и оптимальным, поскольку не требует особых затрат и усилий, а многие действия могут быть совершены, не выходя из дома, сидя за компьютером или телефоном.

Более сложная ситуация возникает в случае несоблюдения договорных отношений, зафиксированных исключительно в электронно-цифровом пространстве, при необходимости обращения в суд за защитой нарушенных прав.

Таким образом, осуществляя обращение в судебные органы в целях оспаривания или защиты свои интересов, лицо, осуществляя участие в цивилистическом процессе, регулирующим имущественные споры субъектов гражданских правоотношений, должно представить определенные доказательства в соответствии с установленными требованиями к каждому конкретному виду доказательств. Вот здесь и возникают значительные трудности, связанные с представлением электронно-цифровых доказательств в надлежащей форме, для возможности приобщения его к материалам гражданского дела.

С учетом вышеизложенного, полагаем, что исследование электронно-цифровых доказательств (далее -ЭЦД) в цивилистическом процесс имеет особую актуальность сегодня, поскольку доказательства в гражданском судопроизводстве выступают главным средством права [2], позволяющим

участника аргументировать, а, в конечном итоге, и доказать свою правоту, что влечет принятие соответствующего судебного решения по конкретному гражданскому делу.

Руководствуясь действующими правовыми нормами, необходимо констатировать, что ЭЦД отнесены к письменным доказательствам [3] в связи с чем, к ним применяются соответствующие требования.

Вместе с тем, нельзя не отметить, что ЭЦД нуждаются в дополнительном уяснении в рамках цивилистического процесса, а также детализированной правовой регламентации, а, возможно, и выделении в самостоятельный вид доказательств [4,5, 6].

Так, в четком правовом регулировании нуждается вопрос о возможных и допустимых в рамках гражданского процесса формальных выражениях ЭЦД, в которых они могут быть представлены, чтобы быть объективно и без затруднений приобщенными к делу.

Исторически сформировалось разделение ЭЦД на электронные сообщения (далее - ЭС) и электронные документы (далее - ЭД).

Определение ЭД отсутствует в Гражданском процессуальном кодексе РФ, но содержится в Федеральном законе №149-ФЗ [7], который определил, что ЭД – это задокументированные сведения, зафиксированные в электронном формате, но в доступном для чтения виде с применением компьютерных и иных электронно-цифровых технических средств, а также в доступном для пересылки по информационно-телекоммуникационным каналам или для обработки в цифровых системах формате.

В свою очередь достаточно давно в разъяснительных документах ЭС было определено как сведения полученные или направленные по электронно-цифровым каналам связи.

Анализируя приведенные понятия, не трудно увидеть, что по определённым моментам они весьма схожи. Так, и в том, и в другом случае речь идет о возможности перенаправления ЭЦД по электронно-цифровым каналам связи. Кроме того, любая пересылка и ЭД и ЭС по таким сетям предполагает их обработку в электронно-цифровых системах, поскольку такова их материальная природа. Соответственно, представляется весьма затруднительно осуществить разграничение ЭД и ЭС между собой, оперируя данными дефинициями.

Нам представляется, что наиболее важным отличием, существенным образом разграничивающее ЭД и ЭС, выступает наличие или отсутствие в совокупности с электронно-цифровым носителем информации электронной цифровой подписи (далее - ЭЦП) уполномоченного лица, идентифицировать которую и соотнести ее с конкретным субъектом в настоящее время достаточно легко посредством использования соответствующего программного обеспечения и технических компьютерных средств. При этом разновидностей ЭЦП достаточно много, включая усиленную квалифицированную ЭЦП.

Соответственно, при наличии ЭЦП, сопутствующей ЭЦД следует говорить об ЭД, а при отсутствии таковой о ЭС.

С учетом вышеизложенного, обозначим, что наиболее весомыми ЭЦД выступают очевидно ЭД, имеющие ЭЦП, позволяющую исключить подделку, изменение, а, в конечном итоге, и недостоверность, электронно-цифрового объекта, представляемого в рамках гражданско-правового спора. И такой способ удостоверения указанного доказательства позволяет соблюсти форму, а, следовательно, без затруднений приобщить его к материалам дела надлежащим образом.

В свою очередь ЭС, представляя порой значительную ценность для процесса доказывания [8], так как содержит в большинстве случаев важные сведения о переписке сторон, взаимных договоренностях, обязательства, сроках, оплате и т.п., не обладает такой характеристикой, что существенным образом затрудняет приобщение его к материалам гражданского дела в качестве доказательства.

Судебная практика в этой связи значительно разнится. Так, в некоторых случаях судьи принимают так называемые скрин-шоты, полученные путем функции PrtSc, и распечатанные на бумажном носителе, иногда, но не всегда сверяя их с реальными сайтами, базами, почтовыми ящиками и т.п., демонстрация которых осуществляется сторонами в судебном заседании посредством использования информационно-телекоммуникационной сети «Интернет».

В ряде случаев, судьи просят заверить такие распечатки подписями авторов соответствующей электронно-цифровой переписки.

При этом важное значение имеет наличие или отсутствие возможности определить адресатов и авторов, соответствующих ЭС, а также наличие или отсутствие возможности установить добровольность и определённую последовательность соответствующих действий по написанию и отправке ЭС.

Имеет значение и то, предусматривался ли такой порядок взаимодействия сторон, был ли он единственно возможным, а также какую роль играл в возникновении и прекращении гражданско-правовых отношений, их регулировании.

Кроме того, в определенных случаях судьи предлагают провести экспертизу или получить заключение специалиста на основе профессионального анализа содержимого сайта, электронно-цифровой платформы или почтового ящика с использованием специализированных программных продуктов и электронно-технических средств. Это позволяет определить подлинность и достоверность ЭС, повышая степень доверия к ним судей в рамках реализуемого гражданского судопроизводства.

Также отметим, что не редки в последнее время требования судией о нотариальном удостоверении соответствующих распечатанных на бумажных носителях ЭС. Однако в этом случае нотариус удостоверяет факт личного осмотра электронного ресурса, содержащего ЭС, а не личности отправителей и адресатов. Вместе с тем, такое нотариальное удостоверение вполне устраивает большинство судей и позволяет участникам, осуществивших подобные манипуляции с ЭС, без особых затруднений приобщить их к материалам гражданского дела.

Таким образом, участники, заявляя в качестве доказательств ЭС, не могут заранее придать им надлежащую форму ввиду отсутствия указания на нее в действующем законодательстве, и вынуждены, в конечном итоге, подстраиваться под конкретного судью и его требования к таким видам доказательств.

С учетом приведенных вариантов, обозначим необходимость выработки единого подхода и четкой регламентации порядка и формы предоставления ЭЦД, особенно ЭС, для обеспечения единого и равного доступа к защите и оспариванию соответствующих прав при разрешении гражданско-правовых споров.

Представляется, что в ближайшем будущем такие проблемы будут решены за счет полной трансформации судопроизводства в электронно-цифровую среду с отказом от бумажных носителей и предоставлением всех доказательств в электронно-цифровом формате с ЭЦП и с последующим формированием электронных дел с такими ЭЦД.

В заключении нашего исследования полагаем возможным сделать следующие выводы.

1. Требуется модернизированное формулирование понятия ЭЦД, ЭД и ЭС для четкого разграничения этих дефиниций, либо создание единой понятийной основы, объединяющей все эти понятия. В данном случае это будет зависеть от конкретного подхода к разрешению данного вопроса.

2. Требуется четко установить унифицированную форму предоставления всех видов ЭС, возможно рассмотрев при этом вариант активной гиперссылки какого либо-облачного носителя, позволяющей в on-line формате в судебном заседании установить подлинность, а в последующем и допустимость такого ЭЦД.

3. Необходимо обобщить судебную практику по приобщению и последующему использованию ЭЦД в рамках цивилистического процесса.

4. Необходимо совершенствовать электронно-цифровое цивилистическое судопроизводство, в целях скорейшего перехода к электронно-цифровому формату ведения гражданских дел, что безусловно облегчит процесс предоставления и приобщения ЭЦД.

Список литературы

1. Александрова, Н.В. Иванов, Н.В. Правовая природа электронных доказательств в гражданском судопроизводстве в условиях цифровизации / Н.В. Александрова, Н.В. Иванов // *OeconomiaetJus.* – 2022. - № 2. – С. 55.

2. Бронзова, Л.И., Красноглазов, А.Ю. Принцип объективной истины и правило допустимости доказательств / Л.И. Бронзова, А.Ю. Красноглазов // *Закон и право.* – 2019. - № 6. – С. 59.

3. «Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации» от 14.11.2002 № 138-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».

4. Шкурова, П.Д. Электронный документ как самостоятельное средство доказывания в гражданском и административном судопроизводстве / П.Д. Шкурова // *Юридические исследования.* – 2017. - № 8. – С. 60.

5. Масалова, А.А. Проблемы использования электронных документов как доказательства в гражданском судопроизводстве / А.А. Масалова // Вопросы российской юстиции. – 2019. - № 3. – С. 1102.

6. Морозова, Г.А., Губайдуллина, Э.Х. Электронные документы в гражданском процессе: проблемы в способе и форме предоставления в суд / Г.А. Морозова, Э.Х. Губайдуллина // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2020. - № 4-2 (43). – С. 194.

7. Федеральный закон от 27.07.2006 № 146-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс».

8. Жуйкова, А.А. Процессуальные особенности электронных текстовых доказательств как средств доказывания по гражданским делам, связанных с защитой интеллектуальных прав / А.А. Жуйкова // Актуальные проблемы государства и права. – 2020. – Т. 4. - № 16. – С. 534.

УДК 343.1

НЕКОТОРЫЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПРОЦЕССА ДОКАЗЫВАНИЯ

Луценко Владлена Дамировна, магистр

Красноярский государственный аграрный университет, г. Красноярск, Россия
email: vladmirchik98@mail.ru

Плешакова Наталья Александровна, магистр

Красноярский государственный аграрный университет, г. Красноярск, Россия
email: chulakova.natalya@mail.ru

Сладков Александр Александрович, магистр

Красноярский государственный аграрный университет, г. Красноярск, Россия
email: slad@mail.ru

Научный руководитель: Власов Валерий Александрович

кандидат юридических наук, доцент

Красноярский государственный аграрный университет, г. Красноярск, Россия
email: vav.70@mail.ru

Аннотация: В работе рассмотрены некоторые теоретические аспекты процесса доказывания в России. Авторами статьи были выявлены основные проблемы, существующие сегодня в теории доказывания, и предложены пути их решения. Кроме того, проанализирована статистика (показатели) преступности в стране с целью анализа теоретических проблем, возникающих при применении норм доказательственного права.

Ключевые слова: уголовное право, уголовный процесс, институт доказывания, процесс доказывания, цели доказывания, преступление

SOME THEORETICAL ASPECTS OF OF THE EVIDENTIARY PROCESS

Lutsenko Vladlena Damirovna, master,
Krasnoyarsk State Agrarian University,
Krasnoyarsk, Russia
email: vladmirchik98@mail.ru

Pleshakova Natalia Alexandrovna, master,
email: chulakova.natalya@mail.ru
Krasnoyarsk State Agrarian University,
Krasnoyarsk, Russia

Sladkov Alexander Alexandrovich, master
Krasnoyarsk State Agrarian University,
Krasnoyarsk, Russia
email: slad@mail.ru

Scientificsupervisor: Власов Валерий Александрович,
candidate of legal sciences, associate professor
Krasnoyarsk State Agrarian University,
Krasnoyarsk, Russia
email: vav.70@mail.ru

Abstract: The paper considers some theoretical aspects of the proof process in Russia. The author of the article identified the main problems existing today in the theory of proof and proposed ways to solve them. In addition, the statistics (indicators) of crime in the country are analyzed in order to analyze the theoretical problems that arise when applying the norms of evidentiary law.

Keywords: criminal law, criminal procedure, institute of Evidence, process of proof, purposes of proof, crime

Сегодня в научных кругах все чаще обсуждаются вопросы о роли и назначении доказывания в юридическом процессе. Обращаясь к доктрине доказательственного права, мы увидим, что под понятием «доказывание» многие ученые-юристы понимают такой процесс получения доказательств, с помощью которого у субъектов уголовно-правовых отношений появляется возможность с точностью воспроизвести действительную картину того или иного преступного события. По мнению многих авторов (например, таких как О.С. Голованова, Д.А. Одинокоев и др.) именно институт доказывания является единственным средством достижения приведенных в ст. 6 УПК РФ целей судопроизводства, в частности, таких как защита прав и законных интересов потерпевших от преступлений, защита личности от незаконного и необоснованного обвинения и т.д. [1, 2, 4].

Обращаясь к официальному сайту Генеральной Прокуратуры РФ (подраздел «Преступность», раздел «Мониторинг»), можно изучить и

проанализировать опубликованную данным органом статистическую информацию о криминогенной обстановке в стране за прошедший год. Согласно представленным данным в 2022 году было зарегистрировано 1 966 795 преступлений, а благодаря существующей системе доказывания из вышеуказанного количества было выявлено лиц, их совершивших 818 986 тыс. человек. Вместе с тем, несмотря на такую устойчивую стабильность законодательной регламентации данного института в уголовно-правовой науке существует ряд теоретических проблем, связанных с его реализацией. Рассмотрим более подробно некоторые из них [5].

Первая проблема здесь – отсутствие в УПК РФ законодательного закрепления понятия «доказывание» и не соблюдение основного требования юридической техники (в правовом акте должны быть использованы определения, которые регулируют тот или иной круг общественных отношений). Действительно, анализируя ст. 5 УПК РФ законодатель не закрепил данного термина в УПК РФ, он также не раскрыл его полного содержания. Правовой смысл понятия «доказывание» можно определить лишь через доктрину уголовного процессуального права, раскрывая основные признаки доказывания. К таким, например, следует отнести деятельность дознавателя, следователя, прокурора и суда по собиранию, проверке и оценке доказательств в целях установления обстоятельств (то есть активное осуществление полномочий определенными субъектами в установленном законом порядке) и сам результат такой деятельности [1].

Полагаем, что данный пробел не способствует к приведению единого понимания всех участников уголовно-процессуальных отношений. Поэтому считаем необходимым систематизировать и классифицировать по основным трактовкам вышеуказанное определение и закрепить его в ст. 5 УПК РФ.

Кроме того, в литературе одной из самых обсуждаемых проблемных тем является тема определения целей доказывания. В научных кругах, занимающихся вопросами «истины» в уголовном судопроизводстве на сегодняшний день единства мнений о целях доказывания нет. Такая ситуация сложилась по причине того, что на протяжении длительного периода времени в теории уголовно-процессуального права существовала единая точка зрения, согласно которой главной целью уголовного судопроизводства (и доказывания в том числе) являлось установление объективной истины. Однако сейчас по причине изменения процессуальной функции суда по установлению обстоятельств уголовного дела в условиях состязательности процесса многие ученые высказывают мнение о невозможности установления судом истины по делу, хотя другие авторы наоборот, выступают за сохранение за судом обязанности по установлению истины в процессе доказывания, что связано, по их мнению, с необходимостью обеспечения прав слабой стороны, при этом истина продолжает оставаться целью познавательной деятельности суда.

Действительно, анализируя положения УПК РСФСР можно заметить, что законодатель в ряде норм использовал термин «истина» (например, в ст. 89, 243, 246, 257, 280, 285 УПК РСФСР), однако достижение истины не было включено в формулировку целей судопроизводства. Да и в ныне действующем

УПК РФ законодатель о поиске истины ничего не упоминает. Кроме того, в УПК РФ существуют нормы, которые усложняют установление истины по делу. К ним относят строгие требования к собиранию доказательств, а именно признание доказательств недопустимыми на основании ст. 75 вышеуказанного акта, или обязанность суда прекратить уголовное дело, если государственный обвинитель отказался от обвинения. Вместе тем нормы, регулирующие вопросы определения обстоятельств, подлежащих доказыванию, вопросы о способах доказывания (следственные и иные процессуальные действия), наличие мер уголовно-процессуального принуждения, а также раскрытие системы стадий уголовного судопроизводства напрямую содействует установлению объективной истины по делу [4].

Таким образом, вопрос о цели доказывания до сих пор остается открытым и связывают это, прежде всего, с изменением роли суда в современных условиях реформирования уголовного судопроизводства. По нашему мнению, главной задачей законодателя является определения цели доказывания, с учетом соблюдения всех установленных законом норм, поскольку это должно стать неким «ориентиром» для лиц, принимающих процессуальные решения по уголовному делу.

Интересную идею выдвинул Председатель Следственного комитета РФ А.И. Бастрыкин: он предложил вернуть в УПК РФ институт установления объективной истины. По мнению генерала юстиции без внимания разработчиков, современного УПК РФ остались некоторые традиционные институты уголовного судопроизводства, доказавшие свою эффективность на протяжении многих лет. В первую очередь, это относится к объективной истине, выступавшей в качестве цели уголовно-процессуального доказывания. А.И. Бастрыкин считает, что только на основе истинного знания (в совокупности всех имеющихся фактов по делу) об обстоятельствах преступления возможно справедливое осуждение виновного. Мы полностью согласны с данным мнением, поскольку объективная истина – это основополагающая категория научного познания, с помощью которой можно воссоздать картину объективной действительности по делу, а это, на наш взгляд, и является основной целью современного института доказывания.

Следовательно, для дальнейшего развития доказательственного права необходимо понять и раскрыть содержание основных теоретических конструкций, с целью исключения двойственного характера института доказывания в уголовно-процессуальном праве России. Считаем, что наличие столь разных подходов к пониманию института доказывания, а также наличие многих особенностей доказывания в целом позволяют отойти от концепции формирования доказательств как единственно возможного способа их собирания. Надеемся, что правоприменитель обратит свое внимание на вышеперечисленные проблемы и предпримет попытки к их законодательному устранению.

Список литературы

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 04.08.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 12.10.2023) // СПС «КонсультантПлюс: Законодательство».
2. Голованова, О.С. Тактические проблемы доказывания в уголовном судопроизводстве / О.С. Голованова [Электронный ресурс]. – URL:content/mag/trudy/03_2010/03.pdf (дата обращения: 05.11.2023).
3. Лазарева, В.А., Теоретические проблемы доказывания в свете специфики производства по делам частного обвинения/ В.А. Лазарева, М.Ю. Жирова // RussianJournalofEconomicsandLaw. 2012. №4 (24) [Электронный ресурс]. – URL:https://cyberleninka.ru/ (дата обращения: 05.11.2023).
4. Одинокоев, Д.А. Проблемы доказывания в уголовном судопроизводстве / Д.А. Одинокоев// Вестник науки и образования. – 2017. – №6 (30) [Электронный ресурс]. – URL:https://cyberleninka.ru/ (дата обращения: 05.11.2023).
5. Статистика зарегистрированных преступлений в России за 2022 год: Генеральная Прокуратура РФ [Электронный ресурс]. – URL:https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/activity/statistics(дата обращения: 05.11.2023).

УДК 347

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ ДОКАЗЫВАНИЯ НА ПРИМЕРЕ ЭКОЛОГИЧЕСКИХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Луценко Владлена Дамировна, магистр

Красноярский государственный аграрный университет, г. Красноярск, Россия
email: vladmirchik98@mail.ru

Синцова Оксана Евгеньевна, магистр

Красноярский государственный аграрный университет, г. Красноярск, Россия
email: sinoe@mail.ru

Власов Валерий Александрович

кандидат юридических наук, доцент

Красноярский государственный аграрный университет, г. Красноярск, Россия
email: vav.70@mail.ru

Аннотация: В науке уголовного права преступное посягательство на экологическую безопасность следует рассматривать как специфическое общественно опасное деяние, имеющее свои отличительные особенности от других видов преступлений. Данный элемент включает в себя не только специальный объект покушения (общественные отношения по охране и рациональному использованию природных богатств), а также специальный предмет (например, компоненты окружающей природной среды), но и объективную сторону преступления (нарушение общеобязательных правил

природопользования и охраны окружающей среды, последствия в виде вреда живой природе). Вместе с тем, в практики доказывания экологических преступлений возникают некоторые сложности, в силу чего автором работы приведен их всесторонний анализ.

Ключевые слова: уголовное законодательство, доказывание, доказательство, экологическое преступление, преступное посягательство, охрана окружающей среды.

TOPICAL QUESTIONS OF THE THEORY AND PRACTICE OF EVIDENCE ON THE EXAMPLE OF ECOLOGICAL CRIMES

Lutsenko Vladlena Damirovna, master,
Krasnoyarsk State Agrarian University,
Krasnoyarsk, Russia
email: vladmirchik98@mail.ru

Sintsova Oksana Evgenievna, master,
email: sinoe@mail.ru
Krasnoyarsk State Agrarian University,
Krasnoyarsk, Russia

Vlasov Valery Alexandrovich,
candidate of law, associate professor
Krasnoyarsk State Agrarian University,
Krasnoyarsk, Russia
email: vav.70@mail.ru

Abstract: In the science of criminal law, criminal encroachment on environmental safety should be considered as a specific socially dangerous act that has its own distinctive features from other types of crimes. This element includes not only a special object of the attempt (public relations for the protection and rational use of natural resources), as well as a special subject (for example, components of the natural environment), but also the objective side of the crime (violation of mandatory rules of nature management and environmental protection, consequences in the form of harm to wildlife). At the same time, some difficulties arise in the practice of proving environmental crimes, which is why the author of the work provides their comprehensive analysis.

Keywords: criminal legislation, proof, proof, environmental crime, criminal encroachment, environmental protection.

В 2022 году Президиум ВС РФ утвердил Обзор практики применения судами положений гл. 26 УК РФ об экологических преступлениях (далее – Обзор). В данный документ вошло 10 правовых позиций по вопросам доказывания, возникающим при собирании, проверке и оценке доказательств вышеуказанных преступлений. Согласно статистическим данным,

представленным в Обзоре, доля дел об экологических преступлениях (по ст. 246-262 УК РФ) в общей структуре уголовных дел (далее – УД), поступающих в суды за 2021 год составило – 1,3% (в 2019 году это количество было еще ниже – всего 1,2%), при этом лицам, осужденным за экологические преступления, в большинстве случаев в период с 2019 по 2021 гг. назначалось наказание, не связанное с лишением свободы: в них входили обязательные и исправительные работы, а также штрафы. Кроме того, 47,5% осужденных получили условное наказание и всего лишь 6% граждан, за анализируемый специалистами период, было назначено реальное отбывание наказания [1, 3].

Необходимо подчеркнуть, что экологическое преступление совершается как в виде действия (например, превышение допустимых нагрузок на очистные сооружения, незаконный сброс или захоронение загрязняющих веществ, незаконная рубка лесных насаждений), так и в виде бездействия (например, отказ от строительства необходимых очистных сооружений, непринятие мер по предотвращению сброса загрязняющих веществ). Следует также отметить, что при производстве по УД об экологических преступлениях подлежат доказыванию такие обстоятельства, как факт нарушения правил охраны окружающей среды и их причины, время и место их нарушения, либо какой конкретно объект подвергся загрязнению и порче. Для привлечения к ответственности по гл. 26 УК РФ необходимо также доказать круг лиц, совершивших противоправное деяние (например, должностное лицо или гражданин), их виновность, обстоятельства, характеризующие личность обвиняемого. Не стоит забывать и о доказывании характера и размера вреда, причиненного экологическим преступлением (например, количество погибших животных, птиц, рыб, растений и т.п.). Кроме того, доказыванию подлежат и обстоятельства, исключающие преступность и наказуемость деяния, а также обстоятельства, способствовавшие совершению преступления.

Причин совершения «экопреступлений» множество: от социально-экономических, до управленческих и правовых. Отметим, что более подробно аспекты предупреждения преступности в экологической сфере рассмотрены в работе В.А. Власова. В одной из своих работ автор отмечает, что увеличение числа преступных посягательств в экологической сфере усугубляет ситуацию экологического кризиса [8].

Вместе с тем, в одной из своих работ В.И. Ивакин отмечает, что при доказывании УД об экологических преступлениях возникает множество проблем (например, при доказывании экологических преступлений возникают трудности в установлении времени совершения преступления при выбросах в воду, почву или атмосферу крупными промышленными предприятиями загрязняющих веществ), которые так или иначе негативно влияют на все стадии уголовного судопроизводства [5]. Рассмотрим их более подробно.

Так, первая проблема здесь заключается в том, что существующие на сегодняшний день нормативные критерии разграничения экологических преступлений и смежных административных проступков остаются практически неизменными, в силу чего ученые-юристы (например, Г.А. Забелин, Б.М. Дольников), отмечают уклон в сторону применения мер административно-

правового воздействия, с занижением квалификации нарушений природоохранного законодательства. К сожалению, очень часто при наличии признаков экологического преступления правоохранительные органы подменяют уголовную ответственность административной [6].

Считаем, что описанная выше проблема – это коррупционный фактор, причиной которого является заниженная квалификации экологических преступлений, а также отсутствие деятельности органов предварительного расследования по собиранию, проверке и оценке доказательств в целях установления истины по уголовному делу и решения задач уголовного процесса. В отличие от составов экологических преступлений, большинство составов административно-правовых правонарушений сконструированы по типу формальных, что избавляет правоприменителя от необходимости устанавливать и доказывать факт наступления общественно опасных последствий, а также механизма их причинения [7].

Кроме того, в практической деятельности доказывания все еще возникают вопросы о том, какие сведения, полученные в ходе досудебного и судебного разбирательства, могут быть положены в основу обвинения по экологическому преступлению, а какие нет. Возникает вопрос: могут ли служить доказательствами показания участников уголовного судопроизводства со стороны обвинения о порядке производства следственных действий и обстоятельствах, изложенных ими в связи с осуществлением служебной деятельности, ставших им известными от фигурантов уголовного дела (в соответствии с ч. 3 ст. 56 УПК РФ) [4]?

В то же время на практике нередки случаи допроса в ходе судебного заседания по делам об экологических преступлениях сотрудников полиции, об обстоятельствах, ставших им известными якобы от самого фигуранта уголовного дела в связи с исполнением ими служебных обязанностей, либо свидетелей. Так, ярким примером судебной практики в данном случае может послужить Приговор Мурашинского районного суда № 1-2/5/2022 от 11 февраля 2022 г. по обвинению в совершении преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 260 УК РФ (Незаконная рубка лесных насаждений), в котором при назначении наказания суд учитывал показания сотрудников полиции, которые принимали участие в осмотре лесосеки Моломского участкового лесничества, опрашивая свидетелей, указавших на то, что на площади данной лесосеки в границах её отвода имеются пни на пасаках и волоках породы ель, которые отсутствовали в декларации по рубке древесины. Вместе с тем, граждане, указавшие на данный факт при доказывании вины обвиняемого в качестве свидетелей вызваны судом не были [4].

Считаем, что ст. 56 УПК РФ необходимо дополнить пунктом, устанавливающим запрет на допрос сотрудников полиции об обстоятельствах, ставших им известными в процессе осуществления служебной деятельности от других лиц: свидетелей, потерпевших, подозреваемых, обвиняемых. Кроме того, сомнения в правдивости показаний участников процесса, возникающие в ходе судебного рассмотрения уголовного дела, предусмотренного гл. 26 УК РФ, не могут быть устранены путем допроса в качестве свидетелей

сотрудников полиции, когда те излагают сведения, ставшие им известными от потерпевшего, подозреваемого или иного лица по уголовному делу, так как в данном случае сотрудник полиции напрямую не являлся очевидцем изложенных в протоколе обстоятельств, а сам по себе отказ участника уголовного судопроизводства от данных им показаний не является основанием для пересказа обстоятельств, изложенных в протоколе сотрудником полиции. Из этого не следует, что сотрудник полиции не подлежит допросу об обстоятельствах составления им протокола того или иного следственного действия, в частности о времени и месте его составления.

Таким образом, процесс доказывания по делам, предусматривающим привлечение к ответственности предусмотренным гл. 26 УК РФ (экологические преступления) представляет собой сложный процесс: включающий в себя собирание и проверку доказательств, устанавливающие отдельные, имеющие значение для дела факты. Вместе с тем, на сегодняшний день в данной сфере имеются проблемы, которые, безусловно, требуют своего неотлагательного решения со стороны законодателя.

Список литературы:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 28.04.2023) // СПС «КонсультантПлюс: Законодательство».
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 28.04.2023) // СПС «КонсультантПлюс: Законодательство».
3. Обзор практики применения судами положений главы 26 Уголовного кодекса Российской Федерации об экологических преступлениях (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 24.06.2022) // СПС «КонсультантПлюс: Законодательство».
4. Приговор № 1-2/5/2022 от 11 февраля 2022 г. по делу № 1-2/5/2022 Мурашинский районный суд (Кировская область).
5. Ивакин, В.И. Теоретические проблемы формирования и развития эколого-правовой ответственности: монография / В.И. Ивакин. – М.: Изд-во Юридического института МИИТ, 2017. – 290 с.
6. Противодействие экологическим преступлениям в рамках проведения в 2017 году в Российской Федерации Года экологии: материалы Всероссийской научно-практической конференции (г. Москва, 16 февраля 2017 г.) / отв. ред. Г.А. Забелин, Б.М. Дольников; сост. М.М. Мухлынина; Московский финансово-юридический университет МФЮА; РУСГИДРО, Центр «Амурский тигр», Русское географическое общество. – М.: МФЮА, 2017. – 416 с.
7. Фицай, Д.А. Защита экологических прав: некоторые проблемы теории и практики // Журнал российского права. – 2018. – №3 (255) [Электронный ресурс]. – URL:<https://cyberleninka.ru/article/n/zaschita-ekologicheskikh-prav-nekotorye-problemy-teorii-i-praktiki> (дата обращения: 12.05.2023).

8. Власов, В.А. Отдельные аспекты предупреждения преступности в экологической сфере: вопросы теории и практики / В.А. Власов, Д.В. Боровинский // Актуальные проблемы борьбы с преступностью: вопросы теории и практики: Материалы XXV международной научно-практической конференции. В 2-х частях. – Красноярск, 07–08 апреля 2022 года. – Том Часть 2. – Красноярск: Сибирский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2022. – С. 60-62.

УДК 347.9

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ АФФИДЕВИТА В АРБИТРАЖНОМ И ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Орлова Александра Ивановна,

кандидат юридических наук, доцент

Красноярский государственный аграрный университет, г. Красноярск, Россия

email: ai_orlova@mail.ru

Чечина Дарья Андреевна, студент

Красноярский государственный аграрный университет, г. Красноярск, Россия

email: dashatchechina@yandex.ru

Аннотация: В статье анализируется допустимость использования affidavits и схожих по правовой природе документов в качестве доказательств в российском арбитражном и гражданском процессе.

Ключевые слова: affidavit, судопроизводство, свидетельские показания, письменные доказательства, нотариальное действие, допрос свидетеля.

USE OF AFFIDAVIT IN ARBITRATION AND CIVIL PROCEEDINGS OF THE RUSSIAN FEDERATION

Orlova Alexandra Ivanovna

candidate of legal sciences, associate professor

Krasnoyarsk State Agrarian University,

Krasnoyarsk, Russia

email: ai_orlova@mail.ru

Chechina Darya Andreevna, student

Krasnoyarsk State Agrarian University,

Krasnoyarsk, Russia

email: dashatchechina@yandex.ru

Abstract: The article analyzes the admissibility of using an affidavit and documents similar in legal nature as evidence in Russian arbitration and civil proceedings.

Keywords: affidavit, legal proceedings, witness testimony, written evidence, notarial act, interrogation of a witness.

Свое происхождение affidavit берет еще из римского права и дословно переводится как клятвенное, добровольное письменное заявление. В настоящее время термин «affidavit» можно считать новеллой в российской юридической терминологии, хотя данное определение давно широко используется в странах англо-американского права. В Российском современном праве, все же принято трактовать affidavit как документ, отражающий свидетельские показания, данные под присягой, зафиксированные в письменной форме в присутствии уполномоченного лица и заверенный таким лицом официально. Affidavitом также называют сам процесс легализации документов, изготовленных по вышеуказанной процедуре, с учетом особенностей норм страны, где это происходит.

Affidavit бывает двух видов: добровольный и по запросу уполномоченного суда или органа. В первом случае под добровольностью подразумевается личное желание и волеизъявление гражданина заверить информацию, которая стала ему известна по воле обстоятельств. Во второй ситуации суд желает установить дополнительные обстоятельства дела, в связи с чем он вправе направить запрос на протоколирование свидетельских показаний, если для личного присутствия свидетеля есть какие-либо препятствия.

Affidavit не упомянут в процессуальных кодексах РФ в числе средств доказывания, в связи с чем возможность использования affidavit в качестве доказательства по делу зависит от определения его правовой природы. В зависимости от содержания affidavit можно рассматривать как: 1) свидетельские показания; 2) иное письменное доказательство, которое может быть предоставлено согласно ч.1 ст.75 АПК РФ, ч. 1 ст. 71 ГПК РФ.

Рассмотрим affidavit с точки зрения возможности его отнесения к категории свидетельских показаний. Исходя из содержания ст. 56 АПК РФ, ст. 69 ГПК РФ свидетелем является лицо, располагающее сведениями о фактических обстоятельствах, имеющих значение для рассмотрения дела. В случае affidavit лицо как раз сообщает известные ему фактические сведения под присягой, соответственно, можно было бы приравнять affidavit к свидетельским показаниям. Однако нормами процессуальных кодексов предусмотрены требования к порядку получения показаний свидетеля, который при affidavit не соблюдается. Так, в случае с affidavit гражданин не присутствует на самом судебном процессе, хотя при даче свидетельских показаний свидетель обязан сообщать известные ему сведения непосредственно в судебном заседании.

Учитывая изложенное и принимая во внимание документальную форму affidavit, позиция об определении его правовой природы в качестве иного письменного доказательства представляется более предпочтительной, поскольку статьи 75 АПК РФ и 71 ГПК РФ содержат открытый перечень письменных доказательств, к числу которых можно отнести affidavit.

Как следует из судебной практики, affidavit допускается в качестве доказательства, если он отвечает критериям относимости, допустимости и нет оснований полагать, что данные под присягой показания в установленном порядке признаны ложными, не соответствующими действительности (в том числе исходя из права государства, в котором affidavit дан), а содержание affidavit не опровергается другими материалами дела. [1]. Поэтому, если affidavit соответствует указанным условиям, он должен быть принят и оценен судом в качестве письменного доказательства наряду с другими материалами дела

Однако следует иметь в виду, что российское законодательство не предусматривает право на оформление affidavit, поэтому принятие судами affidavit в качестве доказательства по делу возможно лишь в том случае, если он в качестве допустимого доказательства рассматривается по законодательству государства, где он сделан [2].

Следовательно, российские «аналоги» affidavit, в частности, оформленные нотариально пояснения лица относительно фактических обстоятельств, к числу допустимых доказательств не относятся.

Так, согласно статье 80 Основ законодательства о нотариате, утвержденных Верховным Советом РФ 11.02.1993 N 4462-1 (далее – Основы) [4], свидетельствуя подлинность подписи, нотариус подтверждает, что подпись на документе учинена определенным лицом, но не удостоверяет факты, изложенные в документе. Соответственно, представленные в качестве доказательств письменные заявления определенных лиц не являются свидетельскими показаниями по смыслу статей 56 и 88 АПК РФ, статей 69,70 ГПК РФ. Подобная позиция была выражена Судом по интеллектуальным правам при рассмотрении одного из дел, в котором суд, не признав допустимым доказательства письменные заявления граждан, подписи которых удостоверены нотариусом, указал, что данные граждане не предупреждались об уголовной ответственности, не давали соответствующие расписки, что дополнительно не позволяет придать их письменным пояснениям статус свидетельских показаний[3]. Суды общей юрисдикции поддерживают данный подход [5].

Тем не менее в российском праве имеется институт, сопоставимый по своему доказательственному значению и правовой природе с affidavit – допрос свидетеля нотариусом в порядке обеспечения доказательств, оформляемый протоколом (ст. 103 Основ). Необходимо иметь в виду, что нотариус не подменяет суд, поэтому допустимость такого доказательства как протокол допроса свидетеля нотариусом подлежит оценке исходя из наличия оснований для такого допроса. Согласно п. 6.2 Методических рекомендаций по обеспечению доказательств нотариусами в порядке обеспечения доказательств нотариус допрашивает свидетеля, если есть основания полагать, что впоследствии вызов свидетеля в суд будет невозможен или затруднителен. Заявленные основания указываются нотариусом в протоколе допроса свидетеля[6].

Анализ судебной практики показывает, что прокол допроса свидетеля нотариусом принимается судами в качестве письменного доказательства по

делу. Так, по одному из дел, оценивая протокол допроса свидетеля нотариусом, суд указал, что в арбитражном процессе аффидевит обладает признаками письменного доказательства (статья 75 АПК РФ), при оценке которого необходимо учитывать положения части 5 статьи 69 АПК РФ, согласно которой обстоятельства, подтвержденные нотариусом при совершении нотариального действия, не требуют доказывания, если подлинность нотариально оформленного документа не опровергнута в порядке, установленном статьей 161 АПК РФ, или если нотариальный акт не был отменен в порядке, установленном гражданским процессуальным законодательством для рассмотрения заявлений о совершенных нотариальных действиях или об отказе в их совершении[7].

Вместе с тем в силу ст. 102 Основ нотариус не должен заменять суд, поэтому действия нотариуса по обеспечению доказательств осуществляются только если имеются основания полагать, что представление доказательств впоследствии станет невозможным или затруднительным. Однако, как верно отмечается в литературе, такая формулировка позволяет отнести к таким обстоятельствам практически все обстоятельства, которые только могут возникнуть[8; с. 662]. Проверка наличия данных обстоятельств не относится к компетенции нотариуса, поскольку согласно статье 67 ГПК РФ и статье 71 АПК РФ оценка относимости, допустимости, достоверности доказательств отнесена к компетенции суда, исходя из всей совокупности доказательств по делу.

Таким образом, оценивая допустимость протокола допроса свидетеля нотариусом, суд не вправе ограничиваться формальным указанием на его соответствие понятию письменного доказательства, а равно на освобождение от доказывания обстоятельств, подтвержденных при совершении нотариального действия, а должен проверить наличие объективных обстоятельств, по которым свидетель был допрошен нотариусом, а не судом. При этом бремя доказывания данных обстоятельств должно быть возложено на лицо, обратившееся к нотариусу за совершением нотариального действия.

Также необходимо обратить внимание, что нотариус, осуществляя допрос свидетеля, в отличие от суда, вправе задавать свидетелю лишь те вопросы, которые представлены лицом, обратившимся с заявлением о допросе свидетеля, а также иными заинтересованными лицами, обязанность нотариуса по извещению которых о совершении данного нотариального действия предусмотрена ст. 103 Основ. Представляется, что в случае допроса свидетеля об обстоятельствах дела, производство по которому возбуждено судом, к числу таких заинтересованных лиц, подлежащих извещению, относятся все лица, участвующие в деле, включая третьих лиц.

Полагаем, что в целях недопущения злоупотребления со стороны лица, по чьему заявлению нотариус допрашивает свидетеля, в виде формулирования заявителем только «удобных» ему вопросов свидетелю, оценка протокола допроса свидетеля в качестве допустимого доказательства в обязательном порядке должна включать проверку соблюдения нотариусом порядка извещения иных лиц, участвующих в деле, о допросе свидетеля.

На основании изложенного можно заключить, что использование аффидевита в качестве доказательства в арбитражном и гражданском процессе не исключается нормами процессуальных кодексов, однако в целях единообразия судебной практики и защиты прав участников процесса необходимо систематизировать выработанные судами при рассмотрении отдельных дел подходы и сформулировать обязательные для судов разъяснения по конкретным вопросам оценки таких доказательств в формате постановления Пленума Верховного Суда РФ.

Список литературы

1. Постановление президиума Суда по интеллектуальным правам от 05.02.2021 по делу № СИП-728/2019//СПС «КонсультантПлюс: Судебная практика».

2. Постановление президиума Суда по интеллектуальным правам от 21.01.2021 по делу № СИП-833/2018//СПС «КонсультантПлюс: Судебная практика».

3. Основы законодательства о нотариате, утвержденные Верховным Советом Российской Федерации 11.02.1993 N 4462-1//СПС «КонсультантПлюс: Законодательство».

4. Постановление президиума Суда по интеллектуальным правам от 21.01.2021 по делу № СИП-833/2018//СПС «КонсультантПлюс: Судебная практика».

5. Апелляционное определение Московского городского суда от 24.06.2021 по делу № 33-24918/2021// СПС «КонсультантПлюс: Судебная практика».

6. Методические рекомендации по обеспечению доказательств нотариусами, утв. решением Правления ФНП, протокол от 26.06.2023 № 10/23//СПС «КонсультантПлюс: Законодательство».

7. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 13.04.2018 № Ф05-11061/2016 по делу N А40-18195/2016.

8. Комментарий законодательства Российской Федерации о нотариате (постатейный) / А.А. Анисимова, Р.С. Бевзенко, В.А. Белов и др.; под ред. Д.Я. Малешина. – М.: Статут, 2018. – 719 с.

ПРОБЛЕМЫ ДОКАЗЫВАНИЯ СООТВЕТСТВИЯ РАЗМЕРА СУДЕБНЫХ ИЗДЕЖЕК РАЗУМНЫМ ПРЕДЕЛАМ

Орлова Александра Ивановна

кандидат юридических наук, доцент

Красноярский государственный аграрный университет, г. Красноярск, Россия
email: ai_orlova@mail.ru

Аннотация: Данная статья посвящена проблеме отсутствия четких критериев определения соответствия размера издержек разумным пределам, что влечет необоснованное расширение пределов вмешательства суда в определение размера судебных издержек при решении вопроса об их распределении.

Ключевые слова: арбитражный процесс, судебные издержки, судейское усмотрение.

PROBLEMS OF PROVING COMPLIANCE OF THE AMOUNT OF LEGAL COSTS WITH REASONABLE LIMITS

Orlova Aleksandra Ivanovna

candidate of legal sciences, associate professor

Krasnoyarsk State Agrarian University,

Krasnoyarsk, Russia

email: ai_orlova@mail.ru

Abstract: This article is devoted to the problem of the lack of clear criteria for determining the compliance of the amount of costs with reasonable limits, which entails an unreasonable expansion of the limits of the court's interference in determining the amount of legal costs when deciding on their distribution.

Keywords: arbitration process, court costs, judicial discretion.

Изъятием из принципа полного возмещения расходов лицу, в чью пользу принят судебный акт (ч. 1 ст. 110 АПК РФ), является ограничение размера взыскиваемых расходов на оплату услуг представителя критерием их разумных пределов (ч. 3 ст. 110 АПК РФ).

Согласно позиции Конституционного Суда РФ, суды должны иметь возможность на основе принципов разумности и справедливости оценивать размер расходов на оплату услуг представителей, учитывая, что проигравшая сторона, на которую возлагается бремя возмещения судебных расходов, не могла являться участником договора правовых услуг и никак не могла повлиять на размер вознаграждения представителя другой стороны, определенный в результате свободного соглашения без ее участия [1]. Снижение размера компенсации до разумных пределов предполагает установление

действительной стоимости юридических услуг в границах существовавших на момент их оказания ее рыночных значений [2].

Верховный Суд РФ дополнительно разъяснил, что разумными следует считать такие расходы на оплату услуг представителя, которые при сравнимых обстоятельствах обычно взимаются за аналогичные услуги. При определении разумности могут учитываться объем заявленных требований, цена иска, сложность дела, объем оказанных представителем услуг, время, необходимое на подготовку им процессуальных документов, продолжительность рассмотрения дела и другие обстоятельства [3].

Нормативное положение о возмещении судебных расходов в разумных пределах также содержится в ряде иных процессуальных законов (ст. 100 ГПК РФ, ст. 112 КАС РФ) и само по себе не является новшеством процессуального законодательства, однако его практическое применение до настоящего времени вызывает различные вопросы, к числу которых относятся вопросы о распределении бремени доказывания и определении круга доказательств, подтверждающих соответствие понесенных расходов разумным пределам.

Существует ряд позиций Верховного Суда РФ, цитируемых судами практически в каждом судебном акте, принятом по вопросу распределения судебных расходов:

1) разрешая вопрос о размере сумм, взыскиваемых в возмещение судебных издержек, суд не вправе уменьшать его произвольно, если другая сторона не заявляет возражения и не представляет доказательства чрезмерности взыскиваемых с нее расходов. Однако в целях реализации задачи судопроизводства по справедливому публичному судебному разбирательству, обеспечения необходимого баланса процессуальных прав и обязанностей суд вправе уменьшить размер судебных издержек, в том числе расходов на оплату услуг представителя, если заявленная к взысканию сумма издержек, исходя из имеющихся в деле доказательств, носит явно неразумный (чрезмерный) характер [3];

2) лицо, требующее возмещения расходов на оплату услуг представителя, доказывает их размер и факт выплаты, другая сторона вправе доказывать их чрезмерность [4];

3) уменьшение суммы судебных расходов не может быть произвольным, а должно учитывать такие факторы, как сложность дела, сложившиеся на рынке услуг цены, не только с позиции суда, но и стороны, которая несет расходы, не будучи уверенной в исходе дела [5].

Из приведенных выше разъяснений следует, что в целях снижения размера судебных расходов проигравшая сторона представляет суду:

- свои мотивированные возражения по вопросу взыскания судебных расходов;

- доказательства чрезмерности взыскиваемых с нее расходов.

При этом единственным исключением, позволяющим суду собственной волей уменьшить размер заявленных к возмещению судебных расходов на оплату услуг представителей (при отсутствии возражений проигравшей стороны и непредставления ею доказательств чрезмерности взыскиваемых

судебных расходов), является ситуация, когда суд усмотрит явно неразумный (чрезмерный) характер подлежащей взысканию суммы расходов.

Основной проблемой при практической реализации данного подхода является отсутствие официальной позиции Верховного Суда РФ, и, как следствие, единообразия в судебной практике, по вопросу о том, что именно следует считать явной чрезмерностью судебных расходов, позволяющей суду определять размер их возмещения судебных по своему усмотрению.

Указанное приводит к тому, что основанием для снижения судебных расходов на оплату услуг представителя в большинстве случаев становится субъективное мнение судьи о том, сколько должна стоить та или иная юридическая услуга. Учитывая специфику деятельности судей, а именно их изолированность от сферы бизнеса юридических услуг, как правило, на всех этапах юридической карьеры, что не способствует пониманию ценообразования в указанной сфере, снижение размера предъявленных к возмещению судебных расходов осуществляется судьями во всех случаях, когда по их личному представлению предъявленные к возмещению расходы превышают некую идеальную стоимость (у каждого судьи она своя) данных услуг [11,12,13].

Между тем Конституционный Суд РФ в Определениях от 21.12.2004 N 454-О и от 17.07.2007 N 382-О-О указал на то, что, вынося мотивированное решение об изменении размера сумм, взыскиваемых в возмещение соответствующих расходов, суд не вправе уменьшать его произвольно, тем более если другая сторона не заявляет возражения и не представляет доказательства чрезмерности взыскиваемых с нее расходов [6,7].

На наш взгляд, практика арбитражных судов в той части, где суды снижают размер предъявленных к возмещению расходов на оплату услуг представителя в отсутствие доказательств чрезмерности таких расходов (а по некоторым делам и в отсутствие заявления другой стороны) противоречит принципам диспозитивности и состязательности сторон, а также вышеизложенной позиции Пленума Верховного Суда РФ, в силу которой только явная, т.е. существенная, очевидная для судьи как и для любого иного лица, несоразмерность расходов может послужить основанием для снижения расходов по инициативе суда. Полагаем, что о явной несоразмерности расходов разумным пределам может свидетельствовать их величина, кратно превышающая среднюю стоимость аналогичных услуг в регионе рассмотрения дела.

Практика самостоятельного снижения судами размера предъявленных к возмещению судебных расходов на оплату услуг представителя со ссылкой на несоответствие их разумным пределам приводит к тому, что лицо, заявляющее о возмещении судебных расходов, во избежание необоснованного снижения данных расходов по инициативе суда, вынуждено независимо от процессуального поведения противоположной стороны (в том числе при отсутствии возражений о чрезмерности расходов, а также при неподкреплении заявленных возражений доказательствами) представлять доказательства в подтверждение соответствия размера понесенных расходов критерию разумности. И если до недавнего времени достаточным доказательством

разумных пределов понесенных расходов признавались решения адвокатских палат субъектов РФ об утверждении минимальной стоимости услуг адвокатов, после чего суды переносили бремя доказывания обратного на противоположную сторону, в настоящее время приходится констатировать нивелирование доказательственного значения данных документов [11, 12, 13], что влечет необходимость дополнительного обоснования лицом, заявляющим о возмещении судебных расходов, их соответствия разумным пределам.

В качестве таких доказательств, как правило, используются ссылки на практику возмещения судебных расходов по аналогичным делам, поскольку официальная статистика стоимости отдельных видов юридических услуг отсутствует, а прайс-листы, размещенные в свободном доступе на сайтах юридических компаний, как правило, не отражают реальную информацию о стоимости юридических услуг, поскольку компании используют маркетинговый прием указания цены с предлогом «от».

Между тем, в силу обозначенных выше причин, когда разумный предел взыскиваемых судебных издержек определяется судьей субъективно, в отсутствие доказательств средней стоимости юридических услуг в данном регионе, использование ссылок на судебную практику по аналогичным делам также не отвечает защите интересов лица, претендующего на возмещение расходов в заявленном размере, поскольку тенденция снижения судами судебных расходов прослеживается по большинству дел. Следовательно, апеллирование к судебному акту по аналогичному делу в обоснование размера взысканных расходов априори является ссылкой на доказательство более низкой стоимости, чем рыночная цена оказанных услуг.

На основании изложенного полагаем, что поскольку разумные пределы расходов являются оценочной категорией и конкретизируются с учетом правовой оценки фактических обстоятельств рассмотрения дела, суд, реализуя свои дискреционные полномочия, не должен игнорировать требование ст. ст. 70, 168, 170 АПК РФ, в силу которых выводы суда должны быть основаны на исследованных доказательствах. Следовательно, в случае признания предъявленных к возмещению расходов чрезмерными и снижения их размера суду необходимо мотивировать данный вывод ссылкой на цены, которые обычно устанавливаются за оказанные услуги, указать источник данных сведений, а также привести в судебном акте расчет, который позволял бы проверить правильность исчисления взысканной судом суммы судебных издержек. Подобное разъяснение Верховного Суда РФ относительно применения положений ГПК РФ изложено в п. 12 Обзора судебной практики Верховного Суда РФ N 1 (2019), а также систематически повторяется в определениях Судебной коллегии по гражданским делам [8, 9], однако в практике арбитражных судов, к сожалению, в большинстве случаев не учитывается.

Список литературы

1. Постановление Конституционного Суда РФ от 28.04.2020 N 21-П «По делу о проверке конституционности положений статей 15 и 1064 Гражданского

кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина А.Н. Музыки» // СПС «КонсультантПлюс: Судебная практика».

2. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 02.04.2015 № 708-О// СПС «КонсультантПлюс: Судебная практика».

3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21.01.2016 № 1 «О некоторых вопросах применения законодательства о возмещении издержек, связанных с рассмотрением дела»// СПС «КонсультантПлюс: Судебная практика».

4. Информационное письмо Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 05.12.2007 № 121 «Обзор судебной практики по вопросам, связанным с распределением между сторонами судебных расходов на оплату услуг адвокатов и иных лиц, выступающих в качестве представителей в арбитражных судах»// СПС «КонсультантПлюс: Судебная практика».

5. Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 15.03.2012 № 16067/11 // СПС «КонсультантПлюс: Судебная практика».

6. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 21.12.2004 № 454-О // СПС «КонсультантПлюс: Судебная практика».

7. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 17.07.2007 № 382-О-О// СПС «КонсультантПлюс: Судебная практика».

8. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ № 24-КГ22-9-К4 от 20.12.2022 [Электронный ресурс]. – URL:https://vsrf.ru/stor_pdf.php?id=2195176 (дата обращения: 01.10.2023).

9. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ № 77-КГ22-8-К1 от 14.02.2023 [Электронный ресурс]. – URL:https://vsrf.ru/stor_pdf.php?id=2215286 (дата обращения: 01.10.2023).

10. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ № 127-КГ23-7-К4 от 04.07.2023 [Электронный ресурс]. – URL:https://vsrf.ru/stor_pdf.php?id=2264258 (дата обращения: 01.10.2023).

11. Постановление Третьего арбитражного апелляционного суда по делу № А33-6503/2021 от 20.04.2022// СПС «КонсультантПлюс»: Судебная практика.

12. Постановление Третьего арбитражного апелляционного суда по делу № А33-6953/2022 от 19.05.2023// СПС «КонсультантПлюс: Судебная практика».

13. Постановление Третьего арбитражного апелляционного суда по делу № А33-4897/2022 от 03.08.2023 // СПС «КонсультантПлюс: Судебная практика».

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ 3D-ТЕХНОЛОГИЙ ПРИ ПОДДЕРЖАНИИ ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБВИНЕНИЯ В СУДЕ

Пелисова Ирина Павловна, аспирант

Красноярский государственный аграрный университет, г. Красноярск, Россия

email: irina_pelisova@mail.ru

Научный руководитель: Бертовский Лев Владимирович,

доктор юридических наук, профессор

Красноярский государственный аграрный университет, г. Красноярск, Россия

email: bgl1980@yandex.ru

Аннотация: Данная статья посвящена вопросу применения современных 3-д технологий при представлении государственным обвинителем доказательств в судебном процессе. Отмечено, что особое значение для применения (внедрения) цифровых технологий имеет рассмотрение уголовных дел с участием коллегии присяжных заседателей, так как на сегодняшний день в отдельных регионах отменяется от 90 % до 100 % оправдательных приговоров, вынесенных судом присяжных.

Ключевые слова: 3-д технологии, уголовный процесс, судебное следствие, государственный обвинитель, суд присяжных.

USE OF 3D-TECHNOLOGY IN SUPPORTING PUBLIC PROSECUTION IN COURT

Pelisova Irina Pavlovna

postgraduate student

Krasnoyarsk State Agrarian University,

Krasnoyarsk, Russia

email: irina_pelisova@mail.ru

Scientific adviser: Bertovsky Lev Vladimirovich,

doctor of law, professor

Krasnoyarsk State Agrarian University,

Krasnoyarsk, Russia

email: bgl1980@yandex.ru

Abstract: This article is devoted to the issue of using modern 3-D technologies when the public prosecutor presents evidence in a trial. It is noted that the consideration of criminal cases with the participation of a jury is of particular importance for the use (introduction) of digital technologies, since today in some regions from 90% to 100% of acquittals handed down by a jury are cancelled.

Keywords: 3-D technologies, criminal process, judicial investigation, public prosecutor, jury.

В современном мире внедрение технологий обмена информацией развивается быстрыми темпами, во всех сферах жизнедеятельности люди активно используют и внедряют результаты технического прогресса, в том числе науке, производстве, искусстве, образовании, медицине и правовой сфере. Технологии создают новую цифровую реальность, изменяя и улучшая многие ее процессы.

С начала образования органов прокуратуры, а именно с момента правления Петра I, достаточно много произошло изменений. Изменения коснулись как основных функций прокуратуры, так и в целом осуществления подхода к организации работы. В современном мире невозможно представить работу прокурорского работника без компьютера, цифровой камеры или Интернета.

Поддержание государственного обвинения является одним из способов выполнения прокуратурой возложенных на нее задач по охране правопорядка и укреплению законности, а также одним из важнейших направлений в деятельности органов прокуратуры. Одной из главных функций прокуроров является разоблачение перед судом и общественностью лиц, совершивших преступное нарушение правопорядка.

С целью разоблачения перед судом преступников в Китайской Народной Республике внедрили искусственный интеллект в судебную систему. С помощью последнего в судах стали использовать платформу управления вещественными доказательствами, где вещественные доказательства исследуются и изучаются с помощью 3D-сканирования.

Например, при традиционном извлечении отпечатка ноги применяется метод литья по гипсовой форме. Сначала вокруг отпечатка ноги возводится ограждение высотой 2-4 см. Затем с нижней части отпечатка ноги заливается гипсовая основа, после того, как гипс застынет, форму вынимают, смачивают водой и дают высохнуть на воздухе. В результате получается форма для гипсовых отпечатков ног.

Такой метод сопряжен со многими недостатками. Для отливки гипсовой формы обычно требуется более 30 минут. В случае сбоев извлечения не только невозможно получить форму отпечатка, но и информация о следах на месте происшествия будет повреждена без дальнейших возможностей исправления. На участках, покрытых снегом, песком или пылью, часто можно найти множество информации о следах. Однако достаточно сложно выделить отпечатки пальцев на этих материалах методом гипсовой отливки.

3D-сканирование позволяет четко отсканировать даже крошечные, узкие канавки на отпечатке ноги без малейшей ошибки, имеет высокую применимость в различных условиях сложного освещения [1].

В настоящее время суды на территории России не используют и не исследуют в своей практике вышеуказанные технологии. Вместе с тем, 3-D сканирование вещественных доказательств позволяет перенести место преступления в зал судебных заседаний с помощью фотореалистичных 3-D моделей, используя методические, научные подходы.

В современном мире внедрение технологий обмена информацией развивается быстрыми темпами, что значительно опережает развитие законодательства. Поэтому возникает необходимость о внедрении этих технологий с целью усиления его превентивных функций.

На наш взгляд на сегодняшний день особое значение для применения (внедрения) цифровых технологий имеет рассмотрение уголовных дел с участием коллегии присяжных заседателей, так как на сегодняшний день в отдельных регионах до сих пор отменяется 90 %-100 % оправдательных приговоров суда присяжных.

Так, с 1 июня 2018 г. вступил в силу инициированный Президентом России закон о поправках в Уголовный кодекс Российской Федерации (далее - УК РФ) [2]. Он включил три основных нововведения — возможность рассмотрения уголовных дел с участием присяжных заседателей в районных и гарнизонных военных судах, в том числе в отношении женщин, а также мужчин старше 65 лет (ранее они не имели права на суд присяжных, поскольку к ним не может быть применен самый суровый вид наказания — пожизненное лишение свободы), а также увеличено число статей в УК РФ, дела по которым могут рассматривать присяжные заседатели.

Результат рассмотрения и разрешения судом уголовного дела во многом зависит от тактики представления доказательств прокурором — государственным обвинителем, а также от результатов их исследования в судебном следствии.

В.Н. Исаенко обоснованно констатирует: «Если в результате изложения государственным обвинителем предъявленного подсудимому обвинения у присяжных заседателей может сформироваться изначально вероятностное суждение о преступлении и виновном в его совершении лице, то в процессе судебного следствия в результате реализации избранной им тактики представления и исследования доказательств государственный обвинитель должен обеспечить трансформацию вероятного знания в убеждение об обоснованности позиции обвинения» [3].

Суд присяжных, являясь в своей основе непрофессиональным судом в части определения виновности (невиновности) подсудимого, выступает профессиональным судом в части назначения наказания. Каждому из присяжных необходимо использовать исключительно свое суждение, чтобы решить, виновен подсудимый или нет. Они заслушивают доказательства, представленные как обвинением, так и защитой. Присяжные должны принимать решения исключительно по фактам [4].

На сегодняшний день одна из острых проблем состоит в том, что на решение присяжных заседателей может повлиять адвокат, в целях вынесения итогового решения по уголовному делу в свою пользу. Как мы понимаем, главная цель у адвоката - освободить своего доверителя от уголовной ответственности и наказания. Так как присяжные заседатели не обладают юридическими познаниями и, как правило, руководствуются тем, что им говорят, этим пользуются защитники.

Поэтому от того, как государственным обвинителем будут представлены присяжным заседателям доказательства виновности лица в совершении конкретного преступления, их доступность для понимания обычному гражданину, не обладающему юридическими познаниями, во многом будет зависеть результат рассмотрения уголовного дела.

Так, например, в 2023 г. органами предварительного следствия одного из районов Красноярского края лицу предъявлено обвинение в убийстве двух человек по п.п. «а, к» ч. 2 ст. 105 УК РФ.

Вердиктом присяжных заседателей от 17.02.2023 года на первый вопрос о доказанности деяния дан отрицательный ответ. В связи с этим, в соответствии с п. 2 ст. 350 и п. 4 ч. 2 ст. 302 УПК РФ лицо оправдано.

Как позже установлено в суде апелляционной инстанции, в ходе судебного разбирательства, прений сторон подсудимый и его защитник систематически нарушали требования ст. 252, 334, 335, 336 УПК РФ, в присутствии присяжных заседателей исследовались многочисленные обстоятельства, не входящие ни в предмет доказывания, ни в круг фактических обстоятельств уголовного дела, доказанность которых устанавливается присяжными заседателями, в соответствии с их полномочиями, предусмотренными ст. 334 УПК РФ, а председательствующим не принято действенных и эффективных мер, для ограждения коллегии присяжных заседателей от незаконного воздействия.

Вопреки требованиям закона, при допросе одного из свидетелей установлено, что председательствующий позволял подсудимому и его защитнику доводить до присяжных заседателей иную информацию, не относящуюся к решению вопроса достоверности показаний свидетеля, связанную процессуальными вопросами обстоятельствами расследования.

В целях доступного донесения информации присяжным заседателям, а также исключения вынесения несправедливых решений, предлагаем внедрить 3-д технологии при представлении государственным обвинителем доказательств в судебном процессе. Данные технологии должны представлять собой виртуальную реальность места совершения преступления с возможностью «оживления» предметов.

Так, например, с помощью виртуальной реальности государственный обвинитель сможет наглядно показать присяжным заседателям, где находились те или иные предметы, оружие, обстановку места совершения преступления, возможность или невозможность совершения преступления конкретным лицом. При нажатии на тот или иной предмет, он должен переноситься в нужное место, просматриваться со всех сторон, увеличиваться в размерах.

Вышеуказанное внедрение современных технологий в судебный процесс позволит исключить необоснованное вынесение присяжными заседателями оправдательных приговоров, а также сократит число обжалуемых решений.

Список литературы

1. 3D Scanning Technology Captures All Details in Forensic Investigations[Электронныйресурс]. – URL: <https://www.3d-scantech.com/3d->

scanning-technology-captures-all-details-in-forensic-investigations (датаобращения 01.10.2023).

2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 04.08.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 12.10.2023) // СПС «КонсультантПлюс».

3. Исаенко, В.Н. Тактико-психологические аспекты представления прокурором доказательств в суде с участием присяжных заседателей / В.Н. Исаенко // Криминалистика. – 2018. – № 2(23). – С. 20.

4. TrialbyJury: ProsandCons[Электронный ресурс]. – URL:<https://worldessays.com/blog/trial-by-jury-pros-and-cons.html>(дата обращения: 01.10.2023).

УДК 347

УНИФИКАЦИЯ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ В РОССИЙСКОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Русаков Алексей Геннадьевич

старший преподаватель

Красноярский государственный аграрный университет, г. Красноярск, Россия

email: rusalger@mail.ru

Аннотация: В статье исследуется тенденция унификации доказательств в российском судопроизводстве, возникающие проблемы, намечаются пути их разрешения. Автор исходит из единства процессов, комплексного межотраслевого характера процессуального института доказательств, отмечает необходимость разработки теории унификации доказательств, описывает перспективы развития судопроизводства на основе системы унифицированных (универсальных) доказательств, обозначает контуры намеченного исследования

Ключевые слова: российское административное, арбитражное, гражданское и уголовное судопроизводство. унификация судопроизводства, унификация доказывания, унификация доказательств, унифицированное (универсальное) доказательство, универсальная система доказательств.

UNIFICATION OF EVIDENCE IN RUSSIAN COURT PROCEEDINGS: PROBLEMS AND PROSPECTS

Rusakov Alexey Gennadievich

Senior Lecturer

Krasnoyarsk State Agrarian University,

Krasnoyarsk, Russia

email: rusalger@mail.ru

Abstract: The article examines the trend of unification of evidence in Russian legal proceedings, emerging problems, and outlines ways to resolve them. The author proceeds from the unity of processes, the complex intersectoral nature of

the procedural institution of evidence, notes the need to develop a theory of unification of evidence, describes the prospects for the development of legal proceedings based on a system of unified (universal) evidence, and outlines the contours of the intended research.

Keywords: Russian administrative, arbitration, civil and criminal proceedings. unification of legal proceedings, unification of evidence, unification of evidence, unified (universal) evidence, universal system of evidence.

Унификация российского судопроизводства представляет комплексный длительный процесс, который включает в себя процедуры унификации отдельных институтов судопроизводства, в первую очередь - унификацию межотраслевого и междисциплинарного института доказательств [1-6].

При проведении исследования необходимо учитывать единство процессов в рамках судопроизводства и междисциплинарный характер института доказательств в нем. В ходе исследования «цивилистических процессов» автор статьи в своих рассуждениях исходит из того, что существует глубинная органическая правовая связь между нормами материального и процессуального права. Причем способы защиты закреплены в материальном праве и содержат ответ на вопрос «что делать» в соответствии с законом в том или ином случае. А нормы процедурные и процессуальные содержат ответ на вопрос «каким именно образом этого добиться» законным путем в рамках публичной процессуальной формы. Взаимная правовая зависимость, по нашему мнению, проявляется в следующем: в зависимости от содержания субъективного материального права, нуждающегося в защите, и характера его нарушения, подлежит выбору один из законных способов защиты, который реализуется или в рамках специальной юридической процедуры (чаще всего - административной), а затем после ее прохождения в суде или непосредственно сразу путем обращения к судебной форме защиты. Вступают в действие процессуальные механизмы и средства реализации выбранного способа защиты. Эту правовую связь, взаимозависимость и «вторичность процесса» можно наблюдать при реализации процессуальных средств, заложенных в процессуальных институтах представительства, третьих лиц, процессуального соучастия и процессуального правопреемства и многих других. Но, в первую очередь, от содержания и характера материально-правового конфликта и заявленных требований зависит предмет доказывания по конкретному юридическому делу, и, как следствие - «набор» доказательств, подлежащих использованию при доказывании обстоятельств конкретного юридического дела.

Аналогичная правовая связь налицо при анализе взаимозависимости норм уголовного процесса (в первую очередь института предмета доказывания) и норм уголовного права (применительно к составу конкретного преступления). При этом, помимо общего предмета доказывания, применимого по всем категориям уголовных дел (ст. 73 УПК РФ), по нашему мнению, имеют место быть особенные и специальные предметы доказывания (например, по спецсубъектам, квалифицирующим признакам и т.д.).

Возвращаясь к «цивилистическим процессам», следует отметить, что нормы процессуального права зачастую содержатся в праве материальном. В этом массиве, применительно к доказательствам, отметим несколько важнейших позиций. Во-первых, в нормах материального права может содержаться «допущение» использовать любые доказательства (например, при установлении отцовства или подтверждения факта алкогольного опьянения). Во-вторых, это может быть своеобразное «разрешение» (поскольку обязательную письменную форму договора займа стороны не заключили, в качестве доказательства согласно ст. 808 ГК РФ суд может принять расписку должника). В-третьих, нормы материального права могут содержать указание на «единственное доказательство» (запись в госреестре о наличии у субъекта вещного права на объект недвижимости или свидетельство о смерти гражданина). В-четвертых, встречаются «процессуальные санкции» или «запреты» на использование ряда доказательств (например, нормы ст. 162 ГК РФ запрещают ссылаться на свидетельские показания при нарушении обязательной в силу закона письменной формы сделки или возврата долга).

Именно поэтому унификация (универсализация) института доказательств, приведение системы доказательств к максимально единообразной системе позволит разрешить ныне существующие трудности в деятельности всех без исключения правоприменителей на всех стадиях судопроизводства по всем категориям юридических дел.

Рассмотрим в качестве примера нарушение требований экологической безопасности работником предприятия, в результате чего ГСМ попали в водный объект и загрязнили его. В данном случае возможны (при наличии состава правонарушения) одновременно наступление четырех видов юридической ответственности: дисциплинарной для работника и его непосредственного руководителя, административной - для нарушителя и ответственных должностных лиц и юридического лица, материальной (гражданско-правовой) для юридического лица, уголовной - для субъектов экологических преступлений. Нельзя не согласиться с тем, что по различным составам правонарушений в различных видах судопроизводства будут, в основном, использоваться одни и те же доказательства описанных событий.

В так называемом «цивилистическом процессе», полагаем, должны быть созданы единые унифицированные требования в форме и содержанию документов (в том числе - в электронной форме), порождающих правовые последствия. Документы, обеспечивающие движение материальных и денежных средств, в рамках гражданского оборота, по нашему мнению, должны быть максимально унифицированы с учетом возможностей электронно-цифровых технологий (использовать возможности электронно-цифровой визуализации) для нужд всех видов судопроизводства.

Также, полагаем, подлежит унификации документооборот специальных юридических процедур (в том числе нотариальной, административной и др.) для упрощения использования документов в качестве доказательств в судопроизводстве. В частности, в претензионной переписке, полагаем,

необходимо установить единые требования к форме и содержанию претензии и ответу на нее.

Применительно к участию в судопроизводстве специалиста, считаем целесообразным закрепить в законе единые требования к форме и содержанию заключения специалиста и признать его доказательством во всех видах судопроизводства единообразно, в том числе - в гражданском процессе.

Полагаем также необходимым унифицировать требования к производству судебных экспертиз и специально унифицировать требования к заключению эксперта (экспертов).

Использование унифицированных (универсальных) доказательств и их научно обоснованной системы позволит, по мнению автора статьи, обеспечить всем участникам судопроизводства равные условия по доказыванию обстоятельств юридических дел на различных стадиях судопроизводства.

Для этого, в первую очередь, надлежит незамедлительно разработать Стандарт доказательств в российском судопроизводстве. Во вторую очередь - на его основе разработать и принять Федеральный закон «О доказательствах», после чего возможны унификация доказывания и судопроизводства в целом. В итоге это позволит сформировать единое понимание, толкование и применении норм закона о доказательствах и доказывании, искоренит большую часть правовых ошибок, позволит сформировать непротиворечивую судебную-следственную практику, повысит оперативность, экономичность правосудия.

В качестве «льготы» для субъектов, добросовестно выполняющих указанный закон, следует предусмотреть упрощенный порядок защиты их нарушенных прав (по аналогии с судебным приказом или упрощенной исковой формой судопроизводства). Возможно, в этом случае соблюдение законов в Российской Федерации может стать экономически выгодным.

Список литературы

1. Мищенко, Е.В. Проблемы унификации норм процессуальной формы в уголовном судопроизводстве / Е.В. Мищенко // Научная электронная библиотека «КиберЛенинка» [Электронный ресурс]. – URL:<https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-unifikatsii-norm-protsessualnoy-formy-v-ugolovnom-sudoproizvodstve> (дата обращения: 24.02.2022).

2. Потапенко, Е.Г. Унификация права: понятие, формы. Методы (в контексте исследования унификации цивилистического процессуального права) / Е.Г. Потапенко// Научная электронная библиотека «КиберЛенинка» [Электронный ресурс]. – URL:<https://cyberleninka.ru/article/n/unifikatsiya-prava-ponyatie-formy-metody-v-kontekste-issledovaniya-unifikatsii-tsivilisticheskogo-protsessualnogo-prava> (дата обращения: 24.02.2022).

3. Смирнова, Л.Е. Унификация в уголовном праве: автореферат дисс. на соискание степени канд. юрид. наук / Л.Е. Смирнова. Казань, 2006. 27 с.

4. Стрюков, Е.А. Общие подходы к пониманию унификации нормативных правовых актов / Е.А. Стрюков// Научная электронная библиотека «КиберЛенинка» [Электронный ресурс]. – URL:

<https://cyberleninka.ru/article/n/obschie-podhody-k-ponimaniyu-unifikatsii-normativnyh-pravovyh-aktov> (дата обращения: 24.02.2022).

5. Русаков, А.Г. Актуальные вопросы унификации доказательств в российском судопроизводстве / А.Г. Русаков // Высокотехнологичное право: современные вызовы: материалы IV междунар. научно-практич. конф. (Москва-Красноярск, 17-20 февраля 2023 г.). – Красноярск: Изд-во Красноярского ГАУ, 2023. – С. 255-261.

6. Русаков, А.Г. Концепция унификации доказательств / А.Г. Русаков // Актуальные вопросы российского судопроизводства: доказывание с использованием современных технологий: материалы Всеросс. (национальной) научно-практич. конф. (Красноярск, 21 октября 2022 г.). – Красноярск: Изд-во Красноярского ГАУ, 2022. – С. 107-111.

УДК 343

ПРЕДМЕТ ДОКАЗЫВАНИЯ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ О КОРРУПЦИОННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЯХ В СФЕРЕ ЛЕСОПРОМЫШЛЕННОГО КОМПЛЕКСА

Серда Ольга Викторовна

старший преподаватель

Красноярский государственный аграрный университет, г. Красноярск, Россия

email: o.v.sereda@mail.ru

Аннотация: В статье рассмотрены некоторые аспекты предмета доказывания по такому составу уголовного дела о коррупционных преступлениях в сфере лесопромышленного комплекса, как, взятка. Приводится общий перечень обстоятельств, подлежащих доказыванию относительно понятия «предмет доказывания» согласно действующего уголовно-процессуального кодекса.

Ключевые слова: преступления в сфере лесопромышленного комплекса, коррупционные преступления, взятка, взяточничество, предмет доказывания, обстоятельства, подлежащие доказыванию.

THE SUBJECT OF EVIDENCE IN CRIMINAL CASES OF CORRUPTION CRIMES IN THE TIMBER INDUSTRY

Sereda Olga Viktorovna,

senior lecturer

Krasnoyarsk State Agrarian University,

Krasnoyarsk, Russia

email: o.v.sereda@mail.ru

Abstract: The article discusses some aspects of the subject of proof in such a composition of a criminal case on corruption crimes in the timber industry, such as a

bribe. A general list of circumstances subject to proof regarding the concept of "subject of proof" according to the current Code of Criminal Procedure is provided.

Keywords: crimes in the sphere of the timber industry, corruption crimes, bribery, bribery, the subject of proof, the circumstances to be proved.

На сегодняшний день, коррупция является серьезным барьером эффективному развитию любого государства, она представляет социальную и национальную угрозу страны. К сожалению, не обошла эта участь и Россию. Нет региона, где бы каждый год не регистрировались коррупционные преступления. Совершаются они в различных сферах общественных отношений, в том числе, в сфере лесопромышленного комплекса.

Перечень преступлений коррупционной направленности № 23 введенный в действие Указанием Генеральной прокуратуры РФ № 738/11 и Министерства внутренних дел РФ № 2 от 19.06.2023 содержит довольно внушительный список статей уголовного кодекса РФ [1], не все они совершаются в сфере лесопромышленного комплекса, одним из наиболее встречающихся составов, как и в любой сфере экономических отношений, были и остаются получение взятки (ст.290 УК РФ), дача взятки (ст.291 УК РФ) и посредничество во взяточничестве (ст.291.1 УК РФ) [2].

Красноярский край, богатый лесом и славящийся объемами лесозаготовительной работы, ведет постоянную борьбу с коррупционным проявлением в данной сфере. С 2021 года Советский районный суд г. Красноярска рассматривает уголовное дело в отношении министра лесного хозяйства Красноярского края по ч.6 ст. 290 УК РФ. Ранее в этом же суде было рассмотрено уголовное дело в отношении его брата, обвиняемого в совершении преступления, предусмотренного ч.4 ст.291.1 УК РФ [3].

Изобличение в преступлении такого рода должностного лица говорит о правильной стратегии органов предварительного расследования в сфере лесопромышленного комплекса конкретного региона. А, как известно, в основании эффективного расследования лежит всестороннее, объективное, полное выявление обстоятельств, подлежащих доказыванию по конкретному уголовному делу.

Обстоятельства, подлежащие доказыванию, закреплены в законодательстве (ст.73 УПК РФ) и имеют исчерпывающий список, это:

1) событие преступления (время, место, способ и другие обстоятельства совершения преступления);

2) виновность лица в совершении преступления, форма его вины и мотивы;

3) обстоятельства, характеризующие личность обвиняемого;

4) характер и размер вреда, причиненного преступлением;

5) обстоятельства, исключаящие преступность и наказуемость деяния;

6) обстоятельства, смягчающие и отягчающие наказание;

7) обстоятельства, которые могут повлечь за собой освобождение от уголовной ответственности и наказания;

8) обстоятельства, подтверждающие, что имущество, подлежащее конфискации..., получено в результате совершения преступления или является доходами от этого имущества либо использовалось или предназначалось для использования в качестве орудия, оборудования или иного средства совершения преступления.

Указанные обстоятельства формируют «общий» предмет доказывания по любым уголовным делам, а значит, носят «ориентировочный» характер. А при расследовании конкретного состава уголовного преступления всегда необходима детализация типичных обстоятельств, что относит нас к понятию «частного» предмета доказывания. Для коррупционных преступлений в сфере лесопромышленного комплекса из перечисленного в ст. 73 УПК РФ перечня, для целей исследования «частного» предмета доказывания, стоит исключить такое обстоятельство, как, виновность лица в совершении преступления, форма его вины и мотивы, т.к. указанные ранее нами составы имеют всегда один и тот же ответ – преступления совершены умышленно из корыстных побуждений, поэтому подробно не останавливаться не стоит.

Что касается остальных обстоятельств, то проведенное нами исследование показало следующее. При расследовании уголовных дел о взяточничестве необходимо детально рассмотреть такие обстоятельства как, событие преступления, предмет взятки, способ совершения и сокрытия преступления, характер и вид обещанных действий или бездействий в отношении взяткодателя, правовой статус взяткополучателя.

При установлении события преступления всегда необходимо исключать возможность подмены его другим событием в целях оговора в совершении преступления. И, наоборот, исследовать «завуалированные» способы дачи (передачи) предмета взятки, например, договор займа, возврат долга и пр.

При построении доказательной базы по указанному виду преступлений всегда необходимо устанавливать данные о предмете, характере и размере передаваемой взятки. Это влияет и на квалификацию (крупный, особо крупный размер), и на обстоятельства, отягчающие вину.

Как правило, предметом взятки в нашей стране являются деньги и ценные вещи, если мы говорим о больших суммах и стоимости вещей. Но, не редки случаи, когда это спиртные напитки, подарочные карты магазинов, оплата квитанций, продукты питания (рыба ценных пород, икра, мясо дикого зверя и др.).

Характерной особенностью взяточничества остается и способ получения (передачи) взятки, который представляет собой целенаправленные действия на непосредственное совершение и сокрытие, подготовку и маскировку своих действий. Лица пытаются придать правомерный статус полученным деньгам и ценностям, могут стремиться к исключению прямых контактов при их передаче.

Специфический способ указанный коррупционных преступлений во многом сам доказывает виновность, мотив, характер вины.

Характерной особенностью взяточничества в сфере лесопромышленного комплекса является установление правового статуса виновного лица, его связь с

лесопромышленным комплексом. А, в дальнейшем, еще и совершение дополнительных преступлений, направленных на незаконную рубку, незаконную переработку, сбыт, транспортировку или контрабанду леса и лесоматериалов.

Учитывая вышесказанное, предполагаем, что детальное изучение предмета доказывания по коррупционным преступлениям помогут в дальнейшем решать непростые задачи добывания доказательств и упрощения процесса доказывания в уголовных дела коррупционной направленности в сфере лесопромышленного комплекса. А также, учитывая связь коррупционных и иных преступлений в данной сфере экономической деятельности, помогут в расследовании и этих экологических и экономических преступлений.

Список литературы

1. Указание Генпрокуратуры России № 401/11, МВД России № 2 от 19.06.2023 «О введении в действие перечней статей Уголовного кодекса Российской Федерации, используемых при формировании статистической отчетности», Перечень 23 преступлений коррупционной направленности // СПС «КонсультантПлюс».

2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 04.08.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 12.10.2023) // СПС «Консультант Плюс».

3. Сайт Советского районного суда г. Красноярск [Электронный ресурс]. – URL:<https://sovnet--krk.sudrf.ru/> (дата обращения: 01.10.2023).

УДК 343.1

ДОКАЗЫВАНИЕ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ХИЩЕНИЙ ДОМАШНИХ ЖИВОТНЫХ (СКОТА)

Щебляков Евгений Степанович

старший преподаватель

Красноярский государственный аграрный университет, г. Красноярск, Россия

email: doess23@mail.ru

Аннотация: Большинство криминалистов подразделяют процесс расследования преступлений на первоначальный, последующий этапы, а отдельные авторы, также, заключительный этап расследования. Подразделение на этапы зависит от направленности решаемых на каждом этапе целей и задач, а это предполагает формирование планируемых следственных действий, которые будет необходимо реализовать при проведении расследования преступления.

Ключевые слова: хищение скота, этапы расследования хищений, домашние животные, доказывание.

SIGNIFICANCE AND POSSIBILITY OF FORENSIC EXAMINATION IN THE INVESTIGATION OF PET (LIVESTOCK) THEFT

Shcheblyakov Evgeniy Stepanovich

senior lecturer

Krasnoyarsk State Agrarian University, Krasnoyarsk, Russia

email: doess23@mail.ru

Abstract: Most forensic scientists divide the process of investigating crimes into initial, subsequent stages, and individual authors also the final stage of the investigation. The division for stages depends on the focus of the goals and tasks solved at each stage, and this involves the formation of planned investigative actions that will need to be implemented during the investigation of the crime.

Keywords: theft of livestock, stages of investigation of theft, pets, proof.

Большинство криминалистов подразделяют процесс расследования преступлений на первоначальный, последующий этапы, а отдельные авторы также заключительный этап расследования [1]. Подразделение на этапы зависит от направленности решаемых на каждом этапе целей и задач, а это предполагает формирование планируемых следственных действий, которые будет необходимо реализовать при проведении расследования преступления.

Первоначальный этапе расследования преступления, связывается с моментом обнаружения преступления или возбуждения уголовного дела [2]. Первоначальные элементы расследование такие как объем и содержание формируют конкретную следственную ситуацию и первоначальное направление расследование преступления. На начальном этапе расследования хищений домашних животных основной направленность является определение места нахождения похищенного домашнего животного, а также установление личности лица, совершившего преступление.

По делам о хищениях домашних животных основными задачами является установление местонахождения, похищенного домашнего животного и личности преступника [3].

В конце первоначального этапа расследования следователь решает задачу установления подозреваемого. Последующие следственные ситуации, оперативно-розыскные мероприятия зависят правильности решенных задач на первоначальном этапе.

Однако следует согласиться с мнением А.С. Шаталова о том, что выделять в отдельную группу проблемные ситуации методологически неверно, поскольку в расследовании преступлений, в частности, связанных с хищением домашних животных, практически каждая следственная ситуация может рассматриваться как проблемная.

По мнению Л.Я. Драпкина, на первоначальном этапе чаще, чем на других стадиях расследования, складываются сложные ситуации проблемного, конфликтного и неординарного типов. При этом, если проблемные ситуации характеризуют весь первоначальный этап расследования, то конфликтные

проявляются главным образом при проведении отдельных следственных действий (задержание, допросы, обыски). На последующих этапах в связи с получением следователем достаточной информации проблемная ситуация по делу обычно разрешается, однако конфликтная может сохраниться. Наиболее сложная ситуация выражается в частичном или полном незнании собственных целей, задач и потребностей, неточной оценке своих сил, ресурсов, критериев деятельности и обуславливает в какой-то мере внутреннюю неупорядоченность собственной позиции участников раскрытия преступления.

Типовые следственные ситуации, как основа криминалистического алгоритма расследования преступлений, позволяют:

- правильно выбрать направление расследования;
- выдвинуть обоснованные версии;
- организовать взаимодействие следователя с органом дознания;
- определить оптимальную последовательность следственных действий;
- принять обоснованные процессуальные и тактические решения.

Р.А. Журавлев и Р.Р. Рахматуллин в своих исследованиях приводят типовые схемы программ разрешения типичных исходных следственных ситуаций по делам о кражах скота, в которых указываются обстоятельства, подлежащие установлению.

Однако в зависимости от способа хищения зависит, и специфика реализуемых задач расследования хищений домашних животных. Тем не менее, в любом случае важно установить:

- имел ли место факт хищения домашнего животного. Ведь возможна ситуация что домашнее животное просто потерялось;
- вид преступления (кража, грабеж, разбойное нападение или иные формы хищения) и обстоятельства хищения домашнего животного (место совершения преступления - наименование и назначение объекта, где совершено преступление, его характеристика - технические и конструктивные особенности здания, время совершения преступления, погодные условия и т.д.);
- режим и фактическое состояние охраны (ведомственная, вневедомственная, специальная и т.п., наличие и техническая характеристика охранной сигнализации, вид охранной техники);
- наличие квалифицирующих признаков (группой лиц по предварительному сговору, неоднократно, с проникновением в жилище, помещение либо иное хранилище, с причинением значительного ущерба);
- способы проникновения в место нахождения домашнего животного, факты использования оружия и т.п.

Особо следует выделить обстоятельства, характеризующие преступную группу и личность преступников, наличие в группе организатора и его роль.

При наличии признаков грабежа (ст. 161 УК РФ) или разбойного нападения (ст. 162 УК РФ), кроме того, установлению подлежат обстоятельства, влияющие на квалификацию этих преступлений, в частности, не совершены ли они группой лиц по предварительному сговору или организованной группой, неоднократно, с незаконным проникновением в

жилище, помещение или иное хранилище, с применением насилия, (степень его опасности для жизни и здоровья) либо с угрозой применения такого насилия, размер ущерба, наличие судимостей за хищение либо вымогательство и т.п.

В деталях система таких признаков представлена в указанных статьях УК РФ, а их анализ дается в уголовно-правовой литературе.

В аспекте задач раскрытия и расследования хищений скота особый интерес представляют обстоятельства, касающиеся:

а) способа совершения хищения, применялось ли при этом физическое или психическое насилие над потерпевшими, в чем конкретно оно выражалось (угроза убийством, нанесение тяжких или менее тяжких телесных повреждений, избиение, связывание, запираение потерпевших в помещениях; было ли применено оружие, какое именно, (огнестрельное, холодное, вид, модель и т.п.); причинены ли при этом потерпевшим телесные повреждения и какие; пользовался ли преступник транспортным средством и каким именно.

б) объекта преступного посягательства, в том числе характеристика похищенного домашнего животного (вид, порода, масть, особые приметы и отметки, клейма, тавро и т.п.); количество и стоимость похищенного домашнего животного, кому он принадлежит (государственной, общественной или частной организации, конкретному лицу).

в) постпреступных действий, включающих характеристику мест сбыта, хранения и укрытия похищенного домашнего животного; соотношение места сбыта похищенного с местом жительства преступников и местом совершения преступления; время сбыта похищенного.

г) личности преступников, в частности, сколько человек участвовало в хищении скота, наличие предварительного сговора между ними, состав группы, условия ее формирования, роль каждого в совершении преступления; были ли этими лицами совершены другие преступления, какие именно, когда и где; наличие и данные, характеризующие личность пособников, подстрекателей, укрывателей похищенного скота, сбытчиков; особенности действий каждого из соучастников преступления, их характеристика (возраст, семейное положение, образование, род занятий, профессия, место жительства, работы, наличие судимости, состояние в момент совершения преступления, круг связей и т.д.);

Разумеется, что в системе обстоятельств, подлежащих установлению по рассматриваемому виду преступлений, не должны оставаться без внимания действия по приготовлению к совершению и сокрытию хищений (применялись ли средства маскировки, уничтожались ли следы преступления, инсценировалось ли другое преступление и т.п.); возможные попытки противодействовать расследованию путем психологического или физического воздействия на свидетелей и потерпевших. Конечно же, должны быть установлены обстоятельства, смягчающие или отягчающие ответственность виновных, причины и условия, способствовавшие совершению преступлений [4].

С учетом изложенного особое место в следственной ситуации занимают компоненты информационного характера. Степень осведомленности следователя об обстоятельствах совершенного преступления, возможных

доказательствах, о самих источниках информации и т.п. имеет доминирующее значение при оценке ситуации. Значимость анализа этого компонента усиливается его принципиальной применимостью при оценке любой ситуации и особенно ситуации на первоначальном этапе расследования.

Так же при проведении расследования должны учитываться и другие компоненты ситуации, по мнению А.Ф. Облакова к ним необходимо отнести (например, особенности экономического, географического и миграционного характера, отношения, возникающие между участниками процесса, и т.п.) присущи не всем ситуациям и носят по существу более выраженный временной характер.

Методика раскрытия и расследования хищений скота предполагает активное использование версионного метода. Версии в расследовании преступлений являются, как известно, своего рода формой мышления, средством поиска и объяснения фактов, помогают определить направление расследования, очередность и тактику следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий.

Для построения версий по делу необходимо: собрать фактические данные о событии; изучить доказательства и оперативные материалы, исследовать характер связи между фактами; сформулировать версии. При выдвижении конкретного предположения о виновном строится силлогизм, основой которого является типовая версия, а ее частью - исходная информация по расследуемому делу. Вывод представляет собой предположение о виновном, т.е. конкретную версию о преступнике.

По итогам проведенного анализа можно констатировать, что эффективность расследования зависит от правильно построенной совокупности мероприятий оперативно-розыскного и организационного характера.

Список литературы

1. Курбатова, С.М. Уголовно-процессуальная дееспособность: юридические и фактические аспекты проявления когнитивных особенностей личности / С.М. Курбатова // Право и законность: вопросы теории и практики. Сб. мат-в IX Всероссийской научно-практич. конф. – Абакан: Изд-во ХГУ, 2019. – С. 28-29.

2. Щедляков, Е.С. Криминалистические особенности хищения домашних животных (скота) / Е.С. Щедляков // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2020. – № 2. – С. 192-195

3. Щедляков, Е.С. Особенности профилактических мер борьбы с хищениями домашних животных / Е.С. Щедляков // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2020. – № 7. – С. 197-199.

4. Актуальные психолого-педагогические, философские, экономические и юридические проблемы современного российского общества: колл. монография. – Том Выпуск 2. – Ульяновск: изд-во «Зебра», 2017. – 289 с.

СОДЕРЖАНИЕ

РАЗДЕЛ 1. АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ РОССИЙСКОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА: ОБЩИЕ ВОПРОСЫ

Андреева Ю. В. Должностные преступления сотрудников ФССП России: формы и общие особенности при назначении уголовного наказания	3
Ерахтина Е. А. К вопросу о предмете доказывания по делам о нецелевом расходовании бюджетных средств и средств государственных внебюджетных фондов	6
Игнатенко В. А. Судебные доказательства из закона XII таблиц в контексте правовой культуры древнеримского общества	13
Кадач В. А., Михалева Е. А., Тепляшин П. В. Эффективность использования искусственного интеллекта в криминологии и уголовном процессе	18
Крот Т. В. Основания прекращения уголовного преследования по экологическим преступлениям	25
Курбатова С. М. Некоторые организационно-правовые аспекты суда присяжных по уголовным делам в Великобритании: обеспечение присяжными заседателями	29
Курбатова С. М. Некоторые аспекты цифровизации суда присяжных по уголовным делам в Великобритании	33
Лещик Е. А. Использование технологий при вынесении приговора	36
Макаренко Е. А. Методологические основы исследования механизма правового регулирования государственной собственности на землю	40
Моргун А. А., Тепляшин П. В. Методологические основы исследования механизма правового регулирования порядка возмещения вреда, причиненного жизни или здоровью гражданина при оказании медицинских услуг	44
Орлова А. И. Значение имущественного положения гражданина при распределении судебных расходов по делу	48
Плешакова Н. А. Прекращение уголовного дела: основания, порядок, последствия	52
Серета О. В. Особенности проведения неотложных следственных действий по уголовным делам о коррупционных преступлениях в сфере лесопромышленного комплекса	56
Серета О. В. К вопросу о возможности применения медиации при рассмотрении уголовных дел о преступлениях в сфере лесопромышленного комплекса	59
Сторожева А. Н., Дадаян Е. В. Основные нормативно-правовые тенденции социально-экономического развития Сибирского федерального округа	63

Сторожева А. Н., Дадаян Е. В. К вопросу об определении полномочий государственного органа в целях дачи заключения об отнесении или неотнесении объекта гражданского права к продукции военного назначения	67
Сторожева А. Н., Дадаян Е. В. Семейно-правовая ответственность родителей: российский и зарубежный опыт	72
Фастович Г. Г. Роль информационных технологий в развитии электронных продуктов судопроизводства и безопасности	75
Чурсина А. С. Искусственный интеллект в науке	78
Чурсина А. С. Авторские права на объекты, созданные искусственным интеллектом	82

РАЗДЕЛ 2. АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ РОССИЙСКОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА: УНИФИКАЦИЯ ЭКСПЕРТНЫХ ПРОЦЕДУР

Айснер Л. Ю., Наумов О. Д. Методологические и методические аспекты механизма привлечения экспертов и экспертных организаций к проблемам осуществления государственного и муниципального управления	86
Айснер Л. Ю., Наумов О. Д. Перспективы применения независимой экспертизы в рамках осуществления регионального управления социально-экономического развития территорий	90
Власов В. А. Некоторые теоретические и практические аспекты расследования уголовных преступлений и административных правонарушений в сфере наркооборота и наркопотребления и участие специалистов, экспертов в области компьютерной техники в ходе следственных действий	94
Галицкая Е. Е. Особенности процедуры назначения судебно-психиатрической экспертизы на стадии исполнения приговора	100
Дадаян Е. В., Сторожева А. Н. К вопросу об определении экспертом рыночной стоимости земельного участка	104
Дадаян Е. В., Сторожева А. Н. К вопросу о документарном проведении заказчиком экспертизы результатов исполнения контракта	108
Костылев А. А. Унификация понятийно-терминологического аппарата, используемого при проведении судебной фоноскопической экспертизы	110
Курбатова С. М. О подготовке эксперта к даче показаний в суде: некоторые аспекты	114
Курбатова С. М. О значении судебной экспертизы для производства по уголовным делам с участием лиц с ограниченными возможностями	117
Русаков А. Г. Унификация экспертных процедур в российском судопроизводстве	120
Савкин А. В. Судебная баллистика: роль, задачи и предмет исследования	123
Селезнев В. М., Червяков М. Э. К вопросу об ошибках, допускаемых при производстве дактилоскопических экспертиз	130

Селезнев В. М., Червяков М. Э. Познавательный потенциал судебных экспертиз и проблемы его реализации в случае неосознанной предвзятости судебного эксперта	138
Серета О. В. К вопросу об оценке допустимости заключения эксперта по уголовным делам	154
Серета О. В. Некоторые аспекты использования трасологических экспертиз при расследовании уголовных дел о незаконной рубке лесных насаждений	158
Серета О. В. К вопросу об оценке допустимости заключения эксперта по уголовным делам	161
Сторожева А. Н., Дадаян Е. В. К вопросу о профессиональной компетентности уровня подготовки судебного эксперта	165
Сторожева А. Н., Дадаян Е. В. К вопросу о проведении экспертизы движимого имущества	168
Фастович Г. Г. К вопросу об эффективности экспертизы в системе образовательного пространства	171
Харевин Д. Д. Патентно-судебная экспертиза объектов интеллектуальной деятельности и досудебная экспертиза товарных знаков: основные моменты	175
Храпенкова Е. Ю. Учения о доказательствах и доказывании: унификация экспертных процедур	179
Щебляков Е. С. Значение и возможности судебной экспертизы при расследовании хищений домашних животных (скота)	183

РАЗДЕЛ 3. АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ РОССИЙСКОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА: УНИФИКАЦИЯ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ И ДОКАЗЫВАНИЯ

Добрыгина Е. В. Суд как участник производства о рассмотрении уголовных дел в особом порядке	185
Донченко Е. С. Применение современных технологий и специальных познаний на стадиях досудебного и судебного производства	189
Курбатова С. М. О понимании доказательств в современном российском судопроизводстве	193
Курбатова С. М. О присяге свидетелей по уголовным делам: историко-правовой аспект	197
Летягина Е. А. Электронно-цифровые доказательства в современном цивилистическом процессе	201
Луценко В. Д., Плешакова Н. А., Сладков А. А. Некоторые теоретические аспекты процесса доказывания	206
Луценко В. Д., Синцова О. Е., Власов В. А. Актуальные вопросы теории и практики доказывания на примере экологических преступлений	210
Орлова А. И., Чечина Д. А. Использование аффидевита в арбитражном и гражданском процессе Российской Федерации	215

Орлова А. И. Проблемы доказывания соответствия размера судебных издержек разумным пределам	220
Пелисова И. П. Использование 3D-технологий при поддержании государственного обвинения в суде	225
Русаков А. Г. Унификация доказательств в российском судопроизводстве: проблемы и перспективы	229
Середа О. В. Предмет доказывания по уголовным делам о коррупционных преступлениях в сфере лесопромышленного комплекса	233
Щебляков Е. С. Доказывание при расследовании хищений домашних животных (скота)	236

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ РОССИЙСКОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

Сборник научных трудов

Выпуск 2

Редакционная коллегия:

Е.А. Ерахтина, канд. юрид. наук, доцент
С.М. Курбатова, канд. юрид. наук, доцент
А.Г. Русаков, ст. преподаватель

Электронное издание

Издается в авторской редакции

Подписано в свет 12.12.2023. Регистрационный номер 168
Редакционно-издательский центр Красноярского государственного аграрного университета
660017, Красноярск, ул. Ленина, 117